

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 1(24), 2017 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. – канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Олядыкова Л.Б. – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного ун-та;

Белякова С.М. – д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного ун-та;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Скуридина С.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Кудрявцева Т.Ю. – ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Воронежской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ36 – 00402 от 17.09.2013

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14; фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, комн. 5203; тел: (473) 271-50-48.

© ВГТУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	4
---	---

Лингвистика

Твердохлеб О.Г. Агенса в субъектной сфере современного русского предложения, образованного глаголами субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта: изо-семические репрезентации	6
Недоступова Л.В., Леонов Е.А. Морфологические и фонетические особенности говора села Кутки	13
Твердохлеб О.Г. Акватические номинации, атрибутивно охарактеризованные причастными формами в поэтическом языке И. Бродского: тематическая классификация	19
Кушнир К.И. Языковое воплощение основных стихий (на примере стихии «вода») в художественных произведениях В. Солоухина.....	28

Методика преподавания языков

Крысенко Т.В., Цыганенко В.В. ЛСГ глаголов движения-перемещения на уроках русского языка как иностранного	34
Гаспарян А.В. Анализ художественного текста на уроке практического русского языка	43

Аспекты изучения художественного текста

Долгая Е.А., Синявина Л.В. Философские мотивы лирики Н.В. Станкевича	49
--	----

Лингвокультурология

Перевалова С.Г. Топонимы как средство повышения мотивации студентов языковых вузов в процессе изучения французского языка	57
Давлетшина С.Р. Роль информационных технологий в создании социальных образов	69

Межкультурная коммуникация

Алексеев А.Б. Манипулятивная функция мифа в американском политическом дискурсе: миф, идеология, манипуляция	74
Давлетшина С.Р. Создание эффективного медиатекста: воздействие на чувства	84

Концептология

Мухина И.К. Сравнительная характеристика когнитивных признаков оппозитивных концептов <i>горячий – холодный</i>	90
---	----

Правила оформления статей в Научном вестнике.....	98
---	----

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Вниманию читателей предлагается двадцать четвертый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, который представлен к изданию редколлегией данной серии. Выпуск включает исследования актуальных проблем различных научных направлений – лингвистических, литературоведческих, методических, лингвокультурологических и др.

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук как российских, так и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (аспирантов, магистрантов). В выпуске содержится 12 научных работ.

Выпуск состоит из шести разделов: *I* – «Лингвистика», *II* – «Методика преподавания языков», *III* – «Аспекты изучения художественного текста», *IV* – «Лингвокультурология», *V* – «Межкультурная коммуникация», *VI* – «Концептология».

Раздел «Лингвистика» содержит статьи, в которых анализируются морфологические и фонетические особенности говора села Кутки (Недоступова Л.В., Леонов Е.А.), акватические номинации в поэтическом языке И. Бродского (Твердохлеб О.Г.), языковое воплощение стихии «вода» в художественных произведениях В. Солоухина (Кушнир К.И.).

Во второй раздел – «Методика преподавания языков» – включены исследования, в которых представлены методические рекомендации по репрезентации глаголов движения-перемещения на уроках русского языка как иностранного (Крысенко Т.В., Цыганенко В.В.), а также по анализу художественного текста на уроке практического русского языка (Гаспарян А.В.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» заявлены статьи, посвященные философским мотивам лирики Н.В. Станкевича (Долгая Е.А., Синявина Л.В.).

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследования топонимов как средств повышения мотивации студентов (Перевалова С.Г.), а также информационных технологий, которые используются в создании социальных образов (Степаненко В.А., Нахабина М.М.).

Раздел «Межкультурная коммуникация» содержит статьи, раскрывающие манипулятивные функции мифа в американском политическом дискурсе (Алексеев А.Б.) и способы создания эффективного медиатекста (Давлетшина С.Р.).

В работе заключительного раздела – «*Концептология*» – дается сравнительная характеристика когнитивных признаков оппозитивных концептов *горячий – холодный* (Мухина И.К.).

Содержащиеся в выпуске 1 (24) серии научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, методики преподавания, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и изучения языка художественных текстов.

Полагаем, что данная серия будет интересна специалистам-филологам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81.366

*Оренбургский государственный педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры языкознания
и методики преподавания русского языка
Твердохлеб О.Г.
Россия, г. Оренбург, тел. +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwrд@gmail.com*

*Orenburg State Teacher Training University
The department of linguistics and methodology of teaching Russian language
PhD, associate professor
Tverdokhleб O.G.
Russia, Orenburg, +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwrд@gmail.com*

О.Г. Твердохлеб

АГЕНС В СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОБРАЗОВАННОГО ГЛАГОЛАМИ СУБЪЕКТНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЕЧНОГО ПУНКТА: ИЗОСЕМИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Эта статья рассматривает проблему семантических актантов и семантику глаголов «субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», в конструкциях современного русского языка, обнаруженных методом сплошной и частичной выборки в художественных и научно-популярных текстах современного русского языка. Проведенный анализ выявленного языкового материала показал, что: а) в субъектной позиции изосемически представлен Агенса как единственный участник описываемой ситуации при активной форме одновалентных непереходных глаголов лексико-семантической подгруппы «субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта»; б) в конструкциях, образованных переходными глаголами ЛС подгруппы «субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», в позиции прямого дополнения репрезентируется семантический актант Цель. Полученные результаты и приводимый в данной работе богатый иллюстративный материал могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода и для теории залога.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа глаголов, субъект.

O.G. Tverdokhleб

AGENS IN SUBJECT SPHERE OF MODERN RUSSIAN SENTENCE FORMED BY THE SUBJECTIVE VERBS OF MOVEMENT, BASED ON THE FINAL PARAGRAPH: ISOSEMOUS REPRESENTATION

This article considers the problem of semantic actants and the semantics of verbs "the subject move, based on the final paragraph," in constructions of modern Russian language, discovered by continuous and partial selections in fiction and non-fiction texts of the modern Russian language. The analysis revealed linguistic material showed that: a) in subject position isosemously represented by Agens as the only participant described a situation when the active form of monovalent intransitive verbs, the lexical-semantic subgroup "of the subject

move, based on the end point"; b) in the structures formed transitive verbs lexical-semantic subgroup "of the subject move, based on the end point", in the position of a direct object represented semantic aktant Goal. The results obtained and reproduced in this work, rich illustrative material can be used in the practice of compiling dictionaries, and also of interest for the theory and practice of translation and the theory diathesis.

Key words: lexical-semantic group of verbs, the subject.

Активное исследование предложения в рамках семантического синтаксиса в работах отечественных и зарубежных лингвистов (Л. Теньер, Т.П. Ломтев, Ч. Филлмор, Фр. Данеш, Н.Ю. Шведова, Ю.Д. Апресян, Т.Б. Алисова, В.В. Богданов, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, Т.В. Шмелева и др.) на сегодняшний день имеет много нерешенных как общетеоретических, так и частных проблем.

Проблема «валентностей» глагола [1]; [2] при описании предложения в рамках семантического синтаксиса требует обращения к исследованию семантики высказывания, понимаемой как представленной в нем ситуации, чаще всего называемой глаголом.

Многие лингвисты считают, что количество и характер актантов в предложении задается глагольной лексемой ([1, с. 72], [2, с. 177], [6, с. 27], [11, с. 5-6]; [12, с. 9], [13, с. 23], и проблема описания «валентностного» окружения глагола по-прежнему является актуальной.

Так как «валентные свойства словесных форм как членов модели принадлежит не отдельным словам, а классам слов внутри одной части речи» [5, с. 28], поэтому в своих предыдущих работах мы описывали валентностное окружение нескольких лексико-семантических групп (в дальнейшем — ЛСГ) глаголов, в частности, глаголов покрытия [8], отделения [9], соединения [10] и др.

Объектом анализа данной статьи являются изосемические (по терминологии Г.А. Золотовой [3, с. 163]) репрезентации в «субъектной сфере» [7, с. 31] семантических актантов в структуре современного русского предложения с глаголами лексико-семантической группы *перемещения, ориентированного относительно конечного пункта* [4, с. 16-18], включающей в себя две подгруппы:

1) глаголы *субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта*;

2) глаголы *субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта*.

Глаголы этих двух ЛС подгрупп характеризуются разным количеством синтаксических валентностей. Эта статья посвящена исследованию только глаголов первой подгруппы.

1. Глаголы ЛСГ перемещения ЛС подгруппы *субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта*, обладают обычно только субъектной валентностью и не имеют объектной валентности.

Ср. примеры высказываний с репрезентациями в субъектной сфере лексем следующих тематических классов:

1) Т-классов лица, представленных, в частности:

а) именем нарицательным:

•• ***Фронтвик** домой приехал* (С. Михалков. Стихи о войне);

б) именем собственным:

•• *Когда **Белозёров** добрёл до соседей, на снегу уже лежали вынесенные из автомобиля тела Иванова и Стонкуса* (А. Шемионко. Кто в армии служил, тот в цирке не смеется);

в) местоимением:

•• **Я добрел** до окраины и неожиданно обнаружил католическую церковь (А. Маринина. Фантом памяти);

г) субстантивированным прилагательным (причастием):

•• **Скворцов** изложил суть вопроса, мол, **приехал** к Колдуну старый **знакомый** — повидаться (И. Минаков, Я. Веров. Операция «Вирус»);

2) Т-классов сверхъестественное существо, представленных, в частности:

а) именем нарицательным, напр.:

•• **Прибежала чувлиха** (Русские народные сказки);

б) именем собственным:

•• **Прилетел Кощей Бессмертный** (Русские народные сказки);

в) местоимением:

Не поздоровавшись, **он** (колдун — О.Т.) неуверенными шагами **добрел** до стола, опустился на лавку напротив хозяина (А. Чернобровкин. Были древних русичей);

Т-классов животные:

•• ...**соколик**... **возвращался** лишь к вечеру... (М.Н. Алексеев. Драчуны, 50);

Имя Т-класса **растения** в нашем материале представлено с глаголом анализируемой подгруппы в единичной конструкции, где глагол (*подступить*) употреблен в переносном значении, ср.:

•• Там, почти вплотную к обрыву, желтой стеной **подступала** спелая **рожь** (Ю. Сотник. Петухи);

Выделение Агенса (— по Е.В. Падучевой [6], или sub (субъект) — по Ю.Д. Апресяну [1]) в конструкциях, описывающих ситуацию одновалентным непереходным глаголом, обычно не представляет особых трудностей: единственный участник описываемой ситуации и является Агенсом, ср.:

•• **Прапорщик** (Агенс) **подполз** к колонне и встал в полный рост, показав офицерам, что готов (А. Тамонников. Генеральная зачистка);

•• Весной **лебеди** (Агенс) **прибывают** парами... (Ю.Д. Дмитриев. Соседи по планете. Птицы, 303).

Однако среди глаголов ЛСГ перемещения первой подгруппы нами отмечены и переходные глаголы.

Такие глаголы обладают не только субъектной валентностью, но и объектной.

В конструкциях, образованных переходными глаголами ЛС подгруппы *субъектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта*, правую валентность занимает Агенс.

В позиции прямого дополнения в конструкциях описываемого типа репрезентируется не Объект перемещения, а семантический актанта Цель, ср. репрезентации имен в форме винительного падежа, ср.:

•• 1649. Русские **землепроходцы** (Агенс) **достигают берегов** (прям. доп.; Цель) Тихого океана (П.Г. Дейниченко. Россия: полный энциклопедический словарь);

•• **Кощей** (Агенс) **догоняет Ивана** (прям. доп.; Цель) (В.Я. Пропп. Морфология сказки, 53);

•• **Стая** (Агенс) **достигает берегов** (прям. доп.; Цель) Персидского залива... (А.Х. Тамбиев. Я познаю мир: Детская энциклопедия: Миграция животных, 131).

В конструкциях с глаголами субъектного перемещения относительно конечного пункта на поверхностном уровне, безусловно, может быть заполнена сирконстантная обстоятельственная валентность Конечный пункт.

Так, обстоятельственная валентность Конечный пункт в нашем материале достаточно часто представлена:

1) предложно-падежной формой имени «до + родительный падеж», в конструкциях с репрезентацией в субъектной сфере:

а) лексем Т-класса лица (обозначенных именами существительными или местоимениями), напр.:

•• *Когда **Белозёров** **добрёл до соседей**, на снегу уже лежали вынесенные из автомобиля тела Иванова и Стонкуса* (А. Шемионко. Кто в армии служил, тот в цирке не смеется);

•• *Надрывая силы и питаюсь чем попало, **он добрался до аравийской границы** и даже **дошел** за мной **до дворца** бея* (Г. Шаргородский. Укротитель. Истребитель тварей);

•• ***Я добрел до окраины** и неожиданно обнаружил католическую церковь* (А. Маринина. Фантом памяти);

•• — ***Я** ведь так **до саратовского веника** и не **добрался**, и слава Богу, что не добрался* (Б.Л. Васильев. Дом, который построил дед);

б) лексем Т-класса сверхъестественные существа:

•• ***Кентавр** же, тем временем, успешно пересёк Рио-Рохо. Пересёк, выбрался на берег и неторопливо **доскакал до** пологой **вершины** ближайшего холма* (А. Бондаренко. Сказка о смерти и нежности);

•• *Не поздоровавшись, **он** (колдун — О.Т.) неуверенными шагами **добрел до стола**, опустился на лавку напротив хозяина* (А. Чернобровкин. Были древних русичей);

в) лексем Т-класса животные:

*Алабай ловко воспользовался его оплошностью, и, пока **заяц** **доскакал до крутизны**, собака уже настигла его* (Н. Исанбет, Б. Емельянов, В. Горячев. Ильтизер-следопыт);

•• ***Ласточки** **добираются** подчас **до мыса** *Доброй надежды*. («Юный натуралист». 1991, № 10);*

2) предложно-падежной формой имени «к + дательный падеж», в конструкциях с репрезентацией в субъектной сфере:

а) лексем Т-класса лица:

•• *...подполковник **Бакунин** **приблизился к деревне** *Олпан 1 октября* (П.Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа);*

•• *Скворцов изложил суть вопроса, мол, **приехал к Колдуну** старый **знакомый** — *повидаться* (И. Минаков, Я. Веров. Операция «Вирус»);*

•• ***Приехал к деду я** в тайгу *Бабьим летом, не в пургу* (А. Сагалаев. Записки алкоголика);*

•• *Я мечтаю, чтоб **она** поскорее **приехала к вам*** (Т. Нелюбина. Мой дом на Урале);

б) лексем Т-класса сверхъестественные существа:

•• *Давя вперемешку **фьяллей** и **квиттов**, золотой **дракон** **подполз к Сиггейру*** (Е. Дворецкая. Корни гор. Книга 2. Битва чудовищ);

•• ***Баба-яга** **приехала к реке** и от злости **заскрипела*** (Русские народные сказки);

•• **Ведьма прилетает к девице, сосет ее грудь.** (В.Я. Пропп. Морфология сказки, 36);

•• **Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу, кланялась ему** (А.Н. Афанасьев, Народные русские сказки, I, 280);

•• **...шаловливые лешенята по углам пускают шепотки. Вздыхает Настя. А борец чует: лихом черным подполз к нему колдун** (В.Я. Шишков. Хреновинка. Шутейные рассказы и повести);

•• **К нам прилетают Русалки раз в году, весной.** (Мифы и герои Древней Руси, 135);

в) лексем Т-класса животные:

•• **Птицы подлетали к этим веткам, ловя клювом, уносили в свои гнезда к птенцам**

•• **Так за 2 дня было приручено несколько десятков синиц, которые и дальше продолжали иметь резко сниженную оборонительную реакцию к человеку, а особенно к данному экспериментатору и подлетали к нему** (Б.П. Мантейфель. Экология поведения животных);

•• **Спустя некоторое время (обычно от 15 до 30 мин) змея подползала к подставке и, приподняв голову, начинала поедать мясо, предварительно передвигая куски головой** (В.А. Бабенков, А.С. Константинов, Н.И. Ларина. Удивительное в жизни животных);

•• **Всего на шаг от моего лица огромная, стального цвета, чешуйчатая змея подползла прямо ко мне** (Н.А. Морозов. Повести моей жизни);

3) предложно-падежной формой имени «в + винительный падеж», в конструкциях с репрезентацией в субъектной сфере:

а) лексем Т-класса лица:

•• **8-го мая 1835 года Пушкин приехал в Тригорское** (А. Костин. Тайна болезни и смерти Пушкина);

•• **Чемизов, Григорий Владимирович, дворянин, приехал в гостиницу "Бристоль"** (А.Е. Зарин. В поисках убийцы);

б) лексем Т-класса сверхъестественные существа:

•• **По легенде, на этом драконе прилетел в Китай некий сын неба Хуан-Ди** (А. Петровский. Укрощение дракона);

в) лексем Т-класса животные:

•• **Ласточка прилетела в Нью-Йорк...** (Ю.Д. Дмитриев. Соседи по планете. Птицы, 37);

•• **В Петропавловск-Камчатский, например, они (воробьи — Т.О.) «зайцами» приплывали на парходах...** (В. Песков. «Комсомольская правда». 17.03.95, 14);

4) предложно-падежной формой имени «на + винительный падеж», в конструкциях с репрезентацией в субъектной сфере:

а) лексем Т-класса лица:

•• **Мой муж к тому времени уже вернулся с охоты и приехал на станцию вместе с генерал-губернатором встречать министра** (М. Барятинская. Моя русская жизнь);

б) лексем Т-класса сверхъестественные существа:

•• **Пришел на то озеро Змей Горыныч.** (Русские народные сказки);

в) лексем Т-класса животные (звери, птицы, насекомые):

•• *На свою северную родину ласточки возвращаются поздно* («Юный натуралист». 1991. № 10, 10);

•• *На гречишные поля пчелы прилетают только утром* (А.Х. Тамбиев. Я познаю мир: Детская энциклопедия: Миграция животных, 71);

•• *И цветов много было в тот год, и пчела отовсюду налетела на цветы* (Л. Андреев. Жизнь Василия Фивейского).

Имеются случаи, когда в пределах одного высказывания представлены сразу два обстоятельственных сирконстанта в роли Конечный пункт, но обозначенные на поверхностном уровне разными предложно-падежными формами имени, ср., напр., конструкцию, включающую предложно-падежные формы имени «в + винительный падеж» и «к + дательный падеж»:

•• *Водяной возвращается в свой подводный дом к деткам и жене* (Мифы и герои Древней Руси, 113).

Таким образом, в конструкциях с глаголами с глаголами субъектного перемещения относительно конечного пункта в позиции субъекта могут быть изосемически представлены имена, называющие людей, сверхъестественных существ, животных и растения в форме именительного падежа при глаголах в активной форме.

В конструкциях, образованных переходными указанными глаголами, правую валентность занимает Агенс, а в позиции прямого дополнения, обозначенного именем в форме винительного падежа, репрезентируется семантический актанта Цель.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актанта // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб: Нестор-история, 2006. С. 5-27.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
4. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1988. 153 с.
5. Ломтев Т.П. Природа синтаксических явлений // Филологические науки. 1961. № 3. С. 26-37.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Твердохлеб О.Г. Репрезентация способа, орудия и средства в субъектной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 1999. 213 с.
8. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Матер. межд. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. Т. 1. С. 127-131.
9. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета. Электронный научный журнал. 2007. №2 (48). С. 56-62.
10. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агенс (сверхъестественное существо) — объект // Philologos. 2015. № 25 (2). С. 62-66.

11. Холодович А.А. Залог. 1: Определение. Исчисление // Категория залога. М-лы конференции. Л.: Наука, 1970. С. 2-26.
12. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 1974. С. 5-45.
13. Храковский В.С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» опыт сопоставления // Actalinguistica Petropolitana: труды Ин-та лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 2. С. 25-40.

References

1. Apresyan Yu. D. The match types of semantic and syntactic actants // Problems of typology and General linguistics. Saint-Petersburg: Nestor-history publ., 2006. P. 5-27.
2. Katsnelson S.D. Typology of language and speech thinking. Leningrad: Nauka publ., 1972. 216 p.
3. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Y. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: MGU publ., 1998. 528 p.
4. Lexical-semantic groups of Russian verbs / ed. of T.V. Matveeva. Sverdlovsk: Publishing house Ural. Univ. 1988. 153 P.
5. Lomtev T.P. the Nature of syntactic phenomena // Philological Sciences. 1961. No. 3. P. 26-37.
6. Paducheva E.V. Dynamic models in the semantics of vocabulary. Moscow: Languages of Slavic culture publ., 2004. 608 p.
7. Tverdokhlebo O.G. The Representation of Way of Guns and Tools in the Field of subjective Sentences with Verbs of Action, State and Relation : The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of Philology. Ekaterinburg, 1999. 213 p.
8. Tverdokhlebo O.G. Valentnosti environment verbs lexical-semantic group "Department" // Bulletin of the Orenburg pedagogical University. Electronic scientific journal. 2007. No. 2 (48). P. 56-62.
9. Tverdokhlebo O.G. Valentnosti environment verbs lexical-semantic group of "coverage" // the Russian language as a means of intercultural communication and consolidation of modern society: Bulletin int. scientific.-pract. Conf. Orenburg: Publishing house of the OGPU, 2007. Vol. 1. P. 127-131.
10. Tverdokhlebo O.G. Valentnosti the environment of the verb "to connect": agens (supernatural creature) object // Филология. 2015. No. 25 (2). P. 62-66.
11. Kholodovich A.A. Diathesis. 1: Definition. The calculate // Category of Diathesis. Bulletin conference. Leningrad: Nauka publ., 1970. P. 2-26.
12. Krakowski V.S. Passive constructions // Typology of passive constructions. Leningrad: Nauka publ., 1974. P. 5-45.
13. Khrakovsky V. S. Two approaches to the analysis of syntactic structures: "lexical-semantic" and "structural" experience mapping // ActalinguisticaPetropolitana: Bulletin In-ta lingu. issled. Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg: Science, 2014. Vol. X. Part 2. P. 25-40.

УДК 81'282.2

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and crosscultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

студент факультета среднего профессионального образования
Леонов Е.А.

student of secondary vocational education
Leonov E.A.

Л.В. Недоступова, Е.А. Леонов

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА СЕЛА КУТКИ

В статье представлены морфологические и фонетические особенности речи жителей села Кутки, сохраняющие черты русского и украинского языков. Рассмотрены яркие признаки диалектной речи.

Ключевые слова: народная речь, языковой материал, фонетические и морфологические черты, части речи, украинский язык, воронежские говоры, особый диалект.

L.V. Nedostupova, E.A. Leonov

MORFOLOGICAL AND PHONETIC FEATURES OF THE VILLAGE DIALECT OF KUTKI

The paper presents the morphological and phonetic features of speech of villagers in Kutki, preserving features of the Russian and Ukrainian languages. We consider the bright signs of dialectal speech.

Key words: people's speech, language, material, phonetic and morphological features of the speech, the Ukrainian language, Voronezh dialect, special dialect.

На современном этапе развития общества представления людей о разных составляющих общенародного языка зачастую исключают существование в нём народных говоров. Тем не менее, эти россыпи народной речи ещё достаточно хорошо сохранились в отдалённых от областных и районных центров сельских местностях.

Кутки – село в Грибановском районе Воронежской области. История его появления корнями уходит в далёкий XVII век. Екатерина II в виде поощрений начала давать именитым вельможам земли. Новые хозяева насильно перевозили в эти места семьи крепостных. Так появились первые оседлые поселенцы. Постепенно сюда потянулись служивые люди, а также «вольные люди», убежавшие от притеснений помещиков. Был этот край и местом ссылки для осуждённых. С севера заселяли русские, а с запада – ук-

раинцы [1].

В конце XVII века, спасаясь от религиозных и экономических притеснений польских помещиков, беглые украинцы с Черниговской области основали село, которое назвали Олений Кут. Слово «кут» в переводе с украинского означает «угол» (то есть олений угол, т.к. здесь водились олени). С 1928 года село переименовано в Кутки.

В настоящее время здесь проживает 495 человек, 326 из них – пенсионеры.

Целью данной работы является определение морфологических и фонетических особенностей, свойственных говору данного населённого пункта.

Языковым материалом послужили записи устной речи коренных жителей села: Ткаченко В. Г. (1933 г.р.), Грушевских Н. Д. (1938 г.р.) и Зарязиной З. Д. (1940 г.р.), представляющие собой интересный материал для наблюдения.

Обратимся к анализу *морфологических особенностей* говора. Следует отметить, что самостоятельные и служебные части речи в кутковском диалекте (этот термин используем как синоним к слову «говор») совпадают с теми, которые функционируют в литературном языке. Однако у них есть ряд отличий, их мы и рассмотрим [в статье используется упрощённая транскрипция. – Л.Н., Е.Л.].

Имена существительные

- В лексемах с этимологическим «ять» употребляется гласный [и] после мягких согласных: [ди'ты, диви'цы, дифча'та, диддо'м, ди'ло, мишо'к, пи'чка, питу'х, пи'сня, ри'на, хлиб]. Такое произношение характерно для украинского языка и некоторых его говоров, где дифтонгический «ять» перешел в «і» [2; с. 113; 3; с. 533].

- На месте мягких согласных перед гласными отмечено использование твёрдых согласных: [до'мык] – домик, [желуды] – жёлуди, [жэны'х] – жених, [лэбада'] – лебеда, [носкы'] – носки, [откры'ткы] – открытки, [па'лочкы] – палочки, [помыдо'ры] – помидоры, [платкы'] – платки, [пырошкы'] – пирожки, [са'дык] – садик, [сырота'] – сирота, [су'мкы] – сумки, [хоза'йство] – хозяйство и др.

- Имеют место укороченные формы существительных: [копера'ция, ремати'зм] – кооперация, ревматизм и др. Здесь наблюдается стяжение гласных и упрощение согласных. Это черты украинского диалекта.

- Существительное женского рода 3 склонения *мать* имеет форму ма'тря [ту'та бэз ма'три мы оста'лыся].

- В начале существительного среднего рода *окно* выявлена замена «о» на «и»: [икно'].

- В слове *фельдшер* отмечена замена первого «е» на «и»: [фи'льшер].

- Окончание *-я* или *-и*, или *-у* вместо *-а* имеет место у существительных мужского рода в единственном числе в родительном падеже: [до вичиря', до до'му, у поро'ги] – до вечера, до дома, у порога.

- Окончание *-ы* вместо *-е* у существительного женского рода в дательном падеже: [по стары'нкы] – по старинке.

- Окончание *-ою* вместо *-ой* у существительного женского рода в единственном числе в творительном падеже: [с ве'рою] – с верой.

- Окончание *-амэ* вместо *-ами* у существительного во множественном числе в творительном падеже: [ко'самэ] – косами.

- Окончание **-и** вместо **-е** у существительных среднего рода в единственном числе в предложном падеже: [на сватовстви́, ф по́ли] – на сватовстве, в поле.
- Окончание **-и** вместо **-е** у существительного мужского рода в единственном числе в предложном падеже: [на столи́] – на столе.
- Окончание **-э** или **-ы** вместо **-е** у существительных женского рода в единственном числе в предложном падеже: [ф ча́шкэ, на балалайкы] – в чашке, на балалайке.
- Окончание **-я** на месте литературного **-и** у существительного во множественном числе [лошадя́] – лошади.
- Окончание **-ив** на месте **-ов** у существительного во множественном числе [из бураки́ в] – из бураков (из красной свёклы).
- Окончание **-ив** у существительного в родительном падеже во множественном числе: [ко́зив] – коз.

Глагол

Среди особенностей использования глагола в речи можно выделить следующие:

- в начале слова (в приставке) чётко произносится **з-** [зуля́лы, здэ́лалы].
- Наблюдается отвердение мягких согласных: [быды́, выжива́ды, вы́купдыды, выхо́дышь, вышива́ды, возды́ды, дарды́ды, е́ды, е́здиды, жиды́, здэ́лалы, зва́ды, косы́ды, кормы́ды, мы́ды, отправля́ды, обува́ды, пу́хды, попа́ды, поста́выды, прозва́ды, приныма́ды, постоя́ды, почита́ды, пришиды́, пря́ды, рожа́ды, сажа́ды, слу́хды, спа́ды, ста́ды, сттыра́ды, тка́ды, убы́ды, укрыва́ды, ушды́, ха́пнуды, ходы́ды, чи́сттыды] и др.
- В корнях глаголов отмечено **-и-**, а не **-е-**, как в литературном языке: [поби́ула] – побежала, [би́уал] – бегал.
- Активно функционируют укороченные формы глаголов: [ска́жа] – скажет, [мо́жа] – может, [пока́жэ] – покажет, [прода́с] – продаст и глаголы с выпадением гласных [воспы́тать, обраба́тать] – воспитывать, обрабатывать.
- И наоборот, отмечено увеличение основы слова: [иды́ть] – идти.
- Наблюдается отсутствие перехода [е] в [о] в словах ждэшь, остае́тца, сошье́м (ждёшь, остаётся, сошьём). Данное явление – черта украинского языка и его диалектной системы. Произношение [е] в окончаниях глаголов первого спряжения распространено в говорах южного наречия [4; с. 195].
- В возвратных глаголах иногда после гласных употребляется постфикс **-ся** на месте **-сь**: [вары́лося́, купа́лыся́, начала́ся́, нэ соулаша́лася́, оста́лося́, поразъежжа́лося́, появы́лося́, раздява́лася́, учи́лыся́]. Наличие форм с постфиксом **-ся** после гласных связано с сохранением его в первоизданном виде в украинском языке.
- Глаголы прошедшего времени имеют суффикс **-в** на месте **-л**: [оста́вся́, проходи́в, сказа́в]. Это чисто украинская черта.
- Глаголы 3-го лица единственного числа заканчиваются на **-я**: [намоло́тя́, приижжа́я, прибиуа́я, надэва́я, дохо́дя́, зна́я].
- Глаголы 3-го лица множественного числа заканчиваются на **-ть**: [боля́ть, уижжа́ють, доба́вють, называ́ють, шьють, убяру́ть, нама́жуть, зде́лають, бежи́ть, ска́жуть, прынэсу́ть]. Эта черта южнорусского наречия совпадает с говорами украинского языка.

- На конце глаголов множественного числа часто используется [э] вместо [и]: [бра'лэ, жда'лэ, отбыва'лэ, пыса'лэ, поздравиа'лэ, прийма'лэ, продова'лэ, сажса'лэ, торуова'лэ].

Числительное

- На месте мягких согласных иногда используются твёрдые: [одны', тры, чи-ты' ры, сэ'миро].
- Зафиксирована укороченная форма числительного: пэ'рва – первая. Перечисленные примеры являются особенностями украинской речи.

Местоимение

Яркими чертами функционирования местоимений в говоре являются следующие:

- укороченная форма указательного местоимения [эт], характерная для всех родов (женского, среднего и мужского) и *цэ*, которые в речи кутковцев являются синонимами.
- Появлений *й-* в начале слова: [йих, йим].
- Увеличение основы слова за счёт суффикса *-н-*: [йи'хняя, йи'хний].
- Иногда наблюдается отверждение согласных: [мнэ, фсэ, са'мы].
- Местоимение 2 лица единственного числа в дательном падеже имеет звучание [табе']. Эта форма широко используется в воронежских говорах.
- На конце личного местоимения в родительном падеже во множественном числе произносится *-з* [наз].

Наречие

В употреблении наречий выявлены такие черты:

- увеличение основы в конце слова за счёт *-а*: [ту'таа].
- Функционирует форма [сюды'] вместо литературной *сюда*. Такое употребление характерно для воронежских говоров.
- Отмечено использование приставки «*ны*» вместо «*не*» в наречии ныдалэ'ко и отверждение согласного. Эти черты свойственны украинскому языку.
- Использование твёрдых согласных на месте мягких наблюдается и в лексических единицах [ду'жэ, тэпэ'рь].
- Наречие *сейчас* имеет укороченную форму [цаз].

Предлог

Многие предлоги, используемые в говоре, совпадают с существующими в литературном языке, и только некоторые сохранили украинский облик.

- Предлог «до» используется в значении «к»: [дед мэнэ' забра'л до сэ'бэ].

• Предлог «з» отмечен на месте «с»: [так познако'мылась з де'дом, з войны' нэ было' мужуко'в].

Союз

• Союзы «и» и «а» используется в говоре, как и в литературном языке: [наря-жа'лыся и ф'цыга'нив, и ходи'лы; а тоди' по зако'ну бы'ло].

• Союз «як» функционирует в значении «как»: [живэ'м як мо'жим].

• Разделительный союз «или» имеет форму «и'лы»: [ку'рыцу прыне'су'ть и'лы ко'чита].

Союз «да» употребляется в значении «и»: [да була' тут одна' у наз диви'ца; мы'лись да ф'ча'шкэ].

Частица

• Выявлено употребление частицы «жа» вместо «же»: [чэ' жа; и ту'т жа було' бо'га'то].

• Частицы «нэ» и «ны» используются в говоре на месте «не» для выражения отрицания: [я нэ зна'ю як выжива'лэ; сра'зу нэ прыно'сылы; ба'нок нэ було' / мы нэ зна'лы, те'хники нэ було' ния'кой; у ко'ю' ны було' роди'тэлы].

Иногда к словам добавляется «ж» и «то»: [чэ' ж иды'ть, ра'ни ж были' тут тра'кты; жда'лэ яко'й-то вз'сточкэ].

Междометие

В говоре имеет место частотное употребление междометия «ну»: [ну так мы и жили', ну чэ' тебе' сказа'ть, ну и мэнэ' забра'л, ну жизнь така' була'].

Среди ярких фонетических особенностей исследуемого диалекта отмечены следующие:

• звук γ - фрикативный: [бо'га'то, га'ду', γрыба'нафский, γо'лод, γо'ря, γоро'дом, γарбузы', ко'ю'].

• Звонкие согласные на конце слов не оглушаются, а глухие в большинстве случаев становятся звонкими: [γарбуз, де'д, киломи'тров, носки'в, оби'д, сухофру'ктив, шоб'; наз, прини'з, че'риз].

• Достаточно распространено оканье: [восимна'цатом, γолодо'вку, доба'вють, на войнэ', одни', повезлы', посиле'ние, постель, пото'м, поста'рше, сирото'й].

• Отмечено иканье: [би'днай, ви'ки, ди'ло, до сих пи'р, ми'ня'ицца, пи'чка, ра'ни, соси'дний].

• Наблюдается ыканье, свойственное украинскому языку: [возы'лы, нача'лы, поста'вылы, проводы'лася, тры, трына'цать].

• Зафиксировано эканье: [вэ'сэло, вы'сэлки, зна'етэ, людэ'й, мэ'нэ, нэма', сэ'мы, сэ'стры, свэ'т, фсэ, холоду'ц].

• Имеет место яканье: [одя'нуть, раздя'ва'лася]. Эта черта является особой моделью поведения в южнорусских говорах.

• Выявлены единичные случаи *аканья*, являющегося показателем южнорусских говоров: [*чарны'льница, часныко'м*].

• В ходе наблюдений отмечен перенос ударения в следующих лексических единицах: *началы'* - на'чали, *жили'* – жи'ли, *на' зыму* – на зи'му, *с крае'чков* – с кра'ю, *людя'м* – лю'дям, *прялки'* – пря'лки, *лошадя'* – ло'шади, *нэ було'* – не' было и др.

Итак, нами рассмотрены основные особенности говора Кутков. Когда-то это было отдельное украинское поселение с южнорусским окружением. Однако с течением времени происходило взаимовлияние языковых систем. Это стало свидетельством того, что в настоящее время многие черты совпадают с украинскими, другие – являются показателем воронежских говоров. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что речь местных жителей представляет собой особый диалект с ценным для лингвистов языковым материалом. Он содержит богатые сведения о быте и культуре людей, проживающих на северо-востоке Воронежской области.

Следует согласиться с мнением М.Т. Авдеевой о том, что «говоры всё ещё остаются достаточно стабильной языковой системой» [5; с. 3]. И хотя сфера функционирования заметно уменьшается, необходимость их изучения и описания обусловлена современной лингвистической ситуацией, важностью оставить следующим поколениям сведения о речи их предков.

Библиографический список

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki//> (Воронежская область).
2. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. К. : Наук. думка, 1990.
3. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 1998.
4. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989.
5. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / Авдеева М.Т.; ВГУ. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008.

References

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki//> (Voronezh region).
2. Matviyas I.G. Ukraine language and its dialects. AN URSR. In t-movoznavstva by. O.O. Potebnya. K.: Science. Dumka, 1990.
3. Linguistics: Great Encyclopedic Dictionary. M.: Large Rus. Encyc., 1998.
4. Russian dialectology / S.V. Bromley, L.N. Bulatov, K.F. Zakharova, etc. .; ed. by L.L. Kasatkin. M.: Education, 1989.
5. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh area.: in 2 parts/ Avdeeva M.T.; VSU. - Voronezh: Publishing and printing center of Voronezh State University, 2008.

УДК 811.161

Оренбургский государственный педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры языкознания
и методики преподавания русского языка
Твердохлеб О.Г.
Россия, г. Оренбург, тел. +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwrd@gmail.com

Orenburg State Teacher Training University
The department of linguistics and methodology of teaching Russian language
PhD, associate professor
Tverdokhlebo O.G.
Russia, Orenburg, +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwrd@gmail.com

О.Г. Твердохлеб

АКВАТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ, АТРИБУТИВНО ОХАРАКТЕРИЗОВАННЫЕ ПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И. БРОДСКОГО: ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье предпринята попытка показать синтаксические особенности поэтического языка Иосифа Бродского, способствующие выражению идеи времени. Описаны разнообразные по тематике акватические номинации, атрибутивно охарактеризованные временным процессуальным признаком, обозначенными причастными формами. Предложена классификация акватической лексики по 5-ти тематическим группам: «вода-свойства-состояния», «водные пространства», «вода-артефакты», «вода-живое», «вода-суша», включающим в себя 16 подгрупп. Выявлена наиболее значимая для поэтического мироощущения И. Бродского лексика тематической группы «вода в ее естественных проявлениях», употребленная в сочетаниях с согласованными определениями, выраженными причастными формами. Языковой материал и полученные в работе результаты могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество И. Бродского.

Ключевые слова: акватические номинации, причастие, И. Бродский, идиостиль.

O.G. Tverdokhlebo

AQUATIC NOMINATIONS, THE ATTRIBUTE IS CHARACTERIZED BY PARTICIPIAL FORMS IN THE POETIC LANGUAGE OF J. BRODSKY: THEMATIC CLASSIFICATION

The article attempts to show the syntactic features of the poetic language of Joseph Brodsky, contributing to the expression of the idea of time. Describes a variety of topics aquatic nominations, the attribute is characterized by a temporary procedural sign, marked participial forms. The classification of aquatic vocabulary on a 5-thematic groups: "water-properties-status", "water", "water-artifacts", "water is life", "water-land", consists of 16 sub-groups. The most significant for poetic perception of the world J. Brodsky vocabulary theme group "water in its natural form" used in combination with agreed definitions, participial forms. Language material and the obtained results may be interesting for literary critics exploring the work of Joseph Brodsky.

Key words: aquatic nomination, communion, Brodsky, idiostyle.

*Твердо помни:
только вода, и она одна,
всегда и везде остается верной
себе – нечувствительной к метаморфозам, плоской,
находящейся там, где сухой земли
больше нет.
И. Бродский. «Сан-Пьетро»*

Акватические представления в целом универсальны для любой культуры, потому что «универсализм осмысления водной стихии связан, прежде всего, с самой природой этого объекта. Он пронизывает любые эпохи, любые понятийные человеческие структуры: культурные, социальные, личностные. Вода стоит у истоков мира, она – изначальная данность, и она же «перетекает» во времени из культуры в культуру, осмысливаясь как в заданной системе координат, так и в новых образах, порожденных отдельной культурой и новой эпохой» [2, с. 39]. Вода в древней философии определялась как «один из четырех первоэлементов, из которых состоит мир» [9, с. 92].

Стихия воды, без которой нет жизни ни одному живому существу, постоянно привлекает внимание и авторов, и исследователей всех жанров искусства и литературы.

Поэзия, и особенно поэтический язык, И.А. Бродского (1940–1996) занимает особое место в литературе XX века. Изучению его поэзии и в литературоведческом, и в лингвистическом аспектах посвящены работы многих ученых: Д. Ахапкин (1998), П. Вайль (1995), М.Л. Гаспаров (1995), Л.В. Зубова (2015), Вяч. Вс. Иванов (1994), М.Б. Крепс (1984), Л. Лосев (2011), Ю.М. Лотман и М.Ю. Лотман (1993), В. Куллэ (1991, 1997), Ли Чжи Ен (2004), В. Полухина (1992, 1993), А. Ранчин (2000, 2006), Е.Г. Штырлина (2010) и мн. др.

Практически все исследователи так или иначе занимались исследованием важнейшей для поэтического мироощущения Иосифа Бродского идеи времени. О связи идеи времени с водной стихией в творчестве И. Бродского писали В. Куллэ (1972), В. Полухина (1989), Е. Келебай (1998), А. Ранчин (2001), Л.В. Зубова (2001), А.А. Александрова (2007). Такую связь отмечал и сам Бродский: «Если можно себе представить время, то оно скорее всего и выглядит как вода» [3, с. 206]. Однако до сих пор остается много невыясненного.

Объектом нашей статьи является поэтический язык И. Бродского, и в частности грамматические средства выражения, используемые для воплощения идеи «вода» — «время».

В данной работе нас будет интересовать семантика объектов и понятий реального мира, атрибутивно охарактеризованных при помощи причастных форм, отражающих характерную для поэта И. Бродского идею времени.

Мы уже указывали, что причастия, употребление которых связано с их судьбой в истории русского языка, соединившие в себе энергию глагола с описательной экспрессией прилагательного, выражают действие или состояние как признак временный. Такие свойства причастных форм позволяют поэту образно описывать разные номинации реального мира, так как представляют их признаки в динамике, в процессе его осуществления, становления, развития, изменения [5].

Нами также было уже описано тематическое своеобразие объектов растительного [6] и животного [7; 8] мира в поэзии И. Бродского, охарактеризованных временным атрибутивным признаком в форме причастий — одиночных и в составе причастного оборота.

В качестве исходного при определении семантической природы причастных форм мы принимаем положение И.В. Замятиной и Г.Ю. Сызрановой: «В зависимости от того, признак какого именно действия обозначает причастная форма, в каком контексте она употреблена, в ней могут проявляться то глагольные, то «прилагательные» признаки. Причастие даже в позиции согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного, может оставаться причастием, сохраняя свою двойную семантическую и морфологическую сущность» [4, с. 121].

Путем сплошной выборки из поэтического собрания И. Бродского (размещённого в Интернете на сайте lib.ru [1]), включающего 612 текстов (стихотворений и поэм), на-

ми было выявлено чуть более 2000 конструкций с атрибутивной характеристикой разных объектов и понятий реального мира причастными формами, использованными по-этом с разной степенью частотности. Из них в подборке с главным словом — акватической номинацией представлено почти 200 случаев (т. е. почти 10% от общего числа выявленных примеров).

Выявленную нами акватическую лексику, имеющую в поэзии Бродского атрибутивный процессуальный — выражающий временную протяженность — признак в форме причастия или причастного оборота, мы распределили с учетом связи водных объектов с земной либо воздушной стихией (что обусловлено особенностями самой неживой природы) и с их ролью в жизнедеятельности живых существ по 5-ти тематическим группам и 16-ти подгруппам.

Опишем их и приведем примеры.

1. «Вода-свойства-состояния»

Названия *воды в ее естественных природных проявлениях* представлены в поэтическом языке И. Бродского с атрибутивными определениями, выраженными причастными формами, несколькими подгруппами (75 конструкций):

1) природное вещество: *вода* (15 случаев): *...рядом плещется блестящая вода* («Закричат и хлопчат пегухи...»); *...армаде наступающей воды* («Окна»); *...проточная вода* («Эклога 5-я (летняя)»); *...проточною водою, дабы рассмотреть во всех / подробностях свое отображение. / В конце концов, проточная вода* («Post aetatem nostram»); *Блестела незамерзшая вода* <...> *Чернела незамерзшая вода* («Зюфья»); *...булькающей водой* («В Англии»); *...вода, сметающая окурки* («Дебют»); *В облике многих вод, / бегущих на нас, рябя, / встающих там на дыбы* («Моллюск»); *...вода, пролившаяся за ночь* («Шествие»); *...только вода, и она одна, / всегда и везде остается верной / себе -- нечувствительной к метаморфозам, плоской, / находящейся там, где сухой земли / больше нет* («Сан-Пьетро»); *...пил воду, замурованную в кране* («Инструкция опечаленным»); *В облике многих вод, / бегущих на нас, рябя, / встающих там на дыбы* («Моллюск»); *Видимо, дождь; ибо навряд ли ива, / не говоря -- со сна, в состоянии узнать, в потемках, / в мелкой дроби листа, в блеске иглы, в подтеках / ту же самую воду, данную вертикально* («Пристань Фегердала»);

2) агрегатные состояния воды (19 единиц): *снег* (12), *лед* (5), *иней* (1), *пар* (1): *...от шороха кружащегося снега* («Феликс»); *Блестящий снег хрустит* («Притча»); *...пляшущий снег снов* («Сонет»); *...скрипящий снег под башмаками* («Откуда к нам пришла зима»); *Просто всего лишь снег, мною не сбитый плотно* («Прощальная ода»); *...снег, пробивающий дым* («В горчичном лесу»); *...запачканный кровью, / укатанный лыжами снег* («Когда подойдет к изголовью...»); *В усыпанном блестящими ватном снегу* («Presepìo»); *...как снег, / опушавший изморозью, точно хвою, края / местоимений и превращавший "я" / в кристалл, отливавший твердою бирюзой, / но таявший после твоей слезой* («Келломяки»); *...как иней, / осевший на до-ре-ми* («Венецианские строфы (1)»); *...плотный молочный пар, / выдыхаемый всплывшею Амфитритой / и ее nereидами!* («Сан-Пьетро»);

3) состояния атмосферы, в том числе морской стихии (15 примеров): *облако / облачность* (6), *туча* (3), *дождь* (3), *мгла* (2); *буря* (1): *...среди слепящих облаков?* («Забор пронзил подмерзший наст»); *...сквозь облака, / напоминавшие цветом то гипс, то мрамор* («Вертумн»); *...как облака, блестящие в окне* («Бессмертия у смерти не прошу...»); *...те же облака, / но как бы опрокинутые навзничь* («С февраля по апрель»); *Смятое за ночь облако* («Венецианские строфы (2)»); *...переменная облачность* («После нас, разумеется, не потоп...»); *...в распаханных тучах свинцовый плуг*

(«Полонез: вариация»); ...*тучи, вывернутые наизнанку / и разглаженные* («Примечание к прогнозам погоды»); ...*тучка рваная* («Памяти Геннадия Шмакова»); ...*набрякшие, как вата из нескромных ложбины, / размножаясь без резона, тучи* («Представление»); ...*вид неправильных туч, зараженных квадратностью, тюлем* («Bagatelle»); *Нормальный дождь, обещанный в четверг* («Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко»); ...*дождь, чуть прекратившийся на миг* («Шествие (поэма)»); ...*тем позже ты превратишься в дождь за / окном, илифующий мостовую* («Стакан с водой»); ...*льются речки из мглы, / проглотившей ее* («В темноте у окна»); *В белесой мгле, / спеленавшей со всех нас сторон* («Это было плавание сквозь туман»); *Улегшаяся буря крепдешина* («На выставке Карла Вейлинка»);

4) движущиеся массы воды, водные потоки, их форма (24 случая): *волна* (12), *струя* (2), *круча* (2); *вал, зыбь, поток, след, колонна, рябь, нить, канат* (единично): ...*волны, / блестящие* («Определение поэзии»); *Плеск разбивающихся волн* («Элегия»); ...*разрубленные к небу мчатся волны* («Исаак и Авраам»); ...*жизнь опять бежит во мгле январской / замерзшею волной на берег прекрасный* («Стрельнинская элегия»); *Так вспоминайте ж меня, мадам, / при виде волн, стремящихся к Вам, / при виде стремящихся к Вам валов / в беге строк, в гуденьи слов...* («Письмо в бутылке»); ...*волна, перекрывающая вечность* («Горбунов и Горчаков»); ...*мелких волн, / разбегающихся по небосводу* («Осенний крик ястреба»); *Либо -- пляской волн, отражающих как бы в вялом / зеркале творящееся под одеялом* («Новый Жюль Верн»); *Мелкие, плоские волны моря на букву "б", / сильно схожие издали с мыслями о себе* («Келломяки»); ...*волн, всегда набегавших по две* («Я родился и вырос в балтийских болотах...»); ...*чем волны местные, катящиеся вдаль / без адреса* («Голландия есть плоская страна»); ..*волн, / набегавших кружевом на итальянский берег* («На виа Фунари»); *Прозрачная, журчащая струя* («Post aetatem nostram»); ...*сливались в леденящую струю* («Шествие»); *Свергаются ручьи с блестящих круч* («Исаак и Авраам»); *Я видел гребни пенящихся круч* («Горбунов и Горчаков»); ...*как сползающие по стеклу мутные потоки дождя* («Определение поэзии»); *"Колхида" вышла в море. За кормой / струился пенный, шипящий след* («Посвящается Ялте»); ...*низвергает на них не щадящую ничего / водяную колонну* («Колыбельная Трескового Мыса»); ...*синюю рябь, продолжающую улучшать / линию горизонта* («Новый Жюль Верн»); *Блестящие нити дождя* («Проплывают облака»); *Низвергается дождь: перекрученные канаты / хлещут спины холмов, точно лопатки в бане* («Деревянный лаокоон, сбросив на время гору с...»);

5) частицы (кванты), массы льда (2): *капля, остатки: Остатки льда, плывущие в канале* («С февраля по апрель»); *Мозг -- точфно айсберг с потекшим контуром, / сильно увлекшийся Курсиво* («В этой маленькой комнате все по-старому...»).

2. «Водные пространства»

Водные пространства, обозначающие естественные природные образования, возникшие без вмешательства человека, определяются при помощи согласованного определения, выраженного причастными формами, в 48-и выявленных нами стихотворных строках И. Бродского. Представлены следующими подгруппами:

6) общие номинации водного пространства (3 случая): *водоем, простор, мир* (единично): ...*заросший травой водоём* («Холмы»); ...*на выстиранном просторе...* (М. Б.); *Плавающий в покое / мир* («В Англии. IV. Ист Финчли»);

7) номинации водных объектов (31 примеров), в частности:

а) больших размеров (23 случая): *река* (14), *море* (7), *озеро* (1), *океан* (1): ...над холодной блестящей рекою («От окраины к центру»); *Мост над замерзшей рекой* («Полдень в комнате»); ...ишуршала *незамерзшая река* («Зофья»); ...петляющих наших рек («Вертумн»); ...как *извивающаяся река* («Каппадокия»); ...разжатых рек волна темна, < / > *разжатых рек*, *квартир* и *поля* («Петербургский роман (поэма в трех частях)»); ...на берегу реки на букву "нэ", / *петлявшей, точно пыльный уж* («Набережная р. Пряжки»); ...войско уже не река, *гордящаяся длиной* («Каппадокия»); ...реки, *промерзшей до дна* («Натюрморт»); ...оловянной реки, *уносящей грязь к океану* («Над восточной рекой»); ...и серебро реки, / *вьющейся точно живой клинок* («Осенний крик ястреба»); ...уже не река, *гордящаяся длиной* («Каппадокия»); *Нарциссом брезгающая река* («Келломяки»); ...также другие капли / в *обитаемом море* («Колыбельная Трескового Мыса»); ...в *открытом море* («Post aetatem postram»); ...ибо в *открытом море* больше не узнаешь («Кончится лето. Начнется сентябрь. Разрешат отстрел...»); ...море, *крашенное закатом* («Кентавры»); ...у моря, *стесненного картой в теле* («Лагуна»); ...окном разрезанное море («Загадка ангелу»); ...количество морей, *полей*, / *разбросанных меж нами* («Пенье без музыки»); *О, водоемы лета! Чаще / всего блестящие где-то в чаще / пруды или озёра* («Эклога 5-я (летняя)»); ...к океану, / *разделившему нас с тем размахом* («Над восточной рекой»);

б) небольшого размера (8 случаев): *пруд* (3), *лужа* (3) *ручей* (1), *бухта* (1): ...и бросили в пруд заросший («Холмы»); *О, водоемы лета! Чаще / всего блестящие где-то в чаще / пруды или озёра* («Эклога 5-я (летняя)»); *Деревья окружили пруд*, / *белеющий среди них, как плешь* («Деревья окружили пруд...»); ...как *фонарь / глядится в высыхающую лужу* («Осенний вечер в скромном городке...»); *Капитаны в лужах сморщенных плывут* («В Паланге»); *Лужи, / хранящей отраженья* («На выставке Карла Вейлинка»); *Так рошу разрезающий ручей / бормочет все сильнее о постороннем* («Дом тучами придавлен до земли...»); ...пейзажа зимней черноморской бухты, / *описанной в дальнейшем* («Неоконченное»);

8) собственные наименования водных объектов (8 случаев): *Нева* (2), *Понт*(2); *Арно*, *Лиман*, *Терек*, *Тибр* (единично): ...на фоне *мчащейся Невы* («Петербургский роман (поэма в трех частях)»); ...таков ли шум ночной Невы, / *гонимой льдинами на Пасху* («Петербургский роман»); ...*незамерзающего Понта* («Второе Рождество на берегу...»); ...через Понт, / *опустевший от судов* («Назо к смерти не готов...»); ...над *обмелевшим Арно* («Декабрь во Флоренции»); *Тяжелым льдом обложенный Лиман* («Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе»); *Темза катится к морю, разбухшая, точно вена* («Темза в Челси»); *Неугомонный Терек там ищет третий берег* («Пятая годовщина»); *Бегущий от действительности Тибр* («Бюст Тиберия»);

9) части (форма) водных пространств (6 случаев): *излука* / *излучина* (2), *вена*, *контур*, *лоскут*, *часть* (единично): ...поблескивает излука, / *подернутая ледяной корой* («В окрестностях Александрии»); ...застывших в моем окне / гор, перелесков, речных излучин («Письмо генералу Z.»); ...речная ...пейзаж с трамваями, с *открытой веной / реки* («Памяти Н. Н.»); *Мозг -- точно айсберг с потекшим контуром*, / *сильно увлекшийся Куросиво* («В этой маленькой комнате все по-старому...»); ...лоскут / *туманной ленты в сонной роще рваный* («Пришла зима...»); ...части / *воды, окруженные сушией* («Эклога 5-я (летняя)»).

3. «Вода-артефакты»

Номинации *артефактов, связанных с водой*, употребляемые в поэтическом языке И. Бродского с атрибутивными определениями, выраженными причастными формами (41 конструкция), были сгруппированы нами в две подгруппы (с дальнейшей градацией):

10) бытовые предметы и жидкости (24 примера):

а) вещи, предметы, орудия (12): *бутылка* (3), *простыня* (2), *невод* (2); *ваза*, *графин*, *посуда*, *сосуд*, *чайник* (единично): ...*опрокинутой бутылки* («Представление»); *Чернела* *вдали бутылка*, / *отброшенная носком* («Холмы»); ...*словно бутылка, забытая на столе* («Колыбельная Трескового Мыса»); ...*как будто почерневший невод* («Загадка ангелу»); ...*ячейка / опустевшего невода* («В Англии»); *Выстиранная... простыня* / *залива шуришит оборками* («Сан-Пьетро»); ...*выстиранной простынею* («Помнишь свалку вещей на железном стуле»); ...*свой невод, распятый терпкой / полынью и золотой сурепкой* («Эклога 5-я (летняя)»); ...*ждет появления своего царя, / как брошенный на скатерти букет -- / заполненной водой стеклянной вазы* («Post aetatem nostram»); ...*в августе расторопна / только муха в гортани высохшего графина* («Римские элегии»); *Но не пленить тебя не пирамидой / фаянсовой давно не мытой / посуды в раковине* («Муха»); ...*а не богами налитый сосуд* («Я памятник воздвиг себе иной!...»); ...*чайник, / кипящий на керосинке* («Я родился и вырос в балтийских болотах...»);

б) искусственные сооружения для протока воды (4): *фонтан* (2), *ванна* (1), *кран* (1): *Фонтаны, бьющие туда, откуда...* («Бюст Тиберия»); *Фонтан, изображающий дельфина / в открытом море* («Post aetatem nostram»); ...*строенья с ванными, / заполненными до краев славянами* («Песня о Красном Свитере»); *Просто кем-нибудь наглухо кран* *завершен, / хоронящийся в куцах* («Фонтан»);

в) части, форма предметов и сооружений (3): ...*облупившееся дно* («Дебют»); ...*точно с потекшим контуром лувры и небоскребы* («Вертумн»); *Пустые, перевернутые лодки* <...> *Хотя они -- по-своему -- лишь эхо / частей, не развивающих успеха* («Пустые, перевернутые лодки...»);

г) одежда (2): ...*от которой осталась одна матроска, / позабытая в детской* («Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...»); ...*греческой туники, / обильем складок походившей на / остановившееся море* («Дидона и Эней»);

д) напитки (представлены двумя лексемами, словарные дефиниции которых содержат эксплицитно выраженный компонент 'жидкость'): крепкие *водка* (1) и некрепкие: *кофе* (1): ...*в городе цвета окаменевшей водки* («Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...»); ...*рядом с остывшим кофе* («Новая жизнь»);

е) жидкости (1): *О, сколько света дают ночами / сливающиеся с темной чернилой!* («Римские элегии»);

11) морские суда (17), а именно:

а) наименования видов морского транспорта, судов (16): *лодка* (4), *шлюпка* (2); *миноносец*, *пароход*, *баркасы*, *гондолы*, *плоскодонки* *судно*, *трехмачтовик*, *фрегат*, *челн*, *яхта* (единично): *Пустые, перевернутые лодки* («Пустые, перевернутые лодки...»); ...*с оцепеневшей лодкой* («В Англии»); *Лодка, плывущая посуху, подскакивает на волне* («М. Б.»); *Вытащенные из воды / лодки, баркасы, гондолы, плоскодонки* («Сан-Пьетро»); ...*шлюпки, попавшей в бурю* («Новая жизнь»); *Стоит закрыть глаза, как вижу пустую шлюпку, / замерзшую на воде посредине бухты* («В Англии»); *Ты сам себе теперь дымящий миноносец* («Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...»); *Лучше плыть пароходом, качающимся на волне* («Квинтет»); *Судно плыло в тумане. Туман был бел. / В свою очередь, бывшее также белым / судно* («Это было плаванье сквозь туман...»); ...*трехмачтовик, давший течь* («Письмо в бутылке»); ...*как фрегат, / идущий неожиданно ко дну...* («Твой локон не свивается в кольцо»); ...*словно бурей застигнутый челн* («Полевая эклога»); ...*мачты шведских / яхт, безмятежно спящих в одних подвязках* («Пристань Фегердала»);

б) наименования частей судна: *парус* (1): ...*подняв полированный парус* («Bagatelle»).

4. «Вода-живое»

Номинации *связанных с водой живых существ*, употребляемые в поэтическом языке И. Бродского с атрибутивными определениями, выраженными причастными формами, мы разделили на 4-ре подгруппы (39 конструкций):

12) наименования флоры и фауны моря (13 примеров):

а) собственно зоонимы (11): *рыба* (7); *губка, лягушка, жук-плавунец, лебедь* (единично): ...*желтой / жареной рыбой* («Сан-Пьетро»); *Непойманные рыбы* («Голландия есть плоская страна»); ...*рыбой, идущей в сети* («Томасу Транстрёммеру»); ...*рыбой, попавшей в сети* («Квинтет»); ...*подобны сильно обглоданной -- стесанной до икры!* -- / *рыбе* («Робинзонада»); ...*подобны рыбе, / перепутавшей чешую и остов* («Римские элегии»); ...*перед бесцветной тушей / высохшей губки* («Колыбельная Трескового Мыса»); ...*в совместно распатроненной лягушке* («Из «Школьной антологии»); ...*и шастающий, как Христос, по синей / глади жук-плавунец* («Эклога 5-я (летняя)»); ...*я вспоминаю лебедь, / плывущую из-за кулис* («Ты узнаешь меня по почерку. В нашем ревнивом царстве...»);

б) части их тела (2): *губа, рот* (единично): Так, *забыв рыболова, / рыба рваной губою / тщетно дергает слово* («Мексиканский романсеро»); ...*ни акулу с ее набитым ртом* («Новый Жюль Верн»);

13) человек / люди (9 случаев):

а) морские профессии (4): *гребец, моряк, пловец*: ...*на весла севшие гребцы* («С видом на море»); *Моряк, заночевавший на мели* («Чаша со змейкой»); *Это тот неумный пловец, / рассекающий грудь озёра* («Полевая эклога»); ...*некто, назвавшийся капитаном Немо* («Новый Жюль Верн»);

б) фольклорно-мифологических персонажей (3): *нимфа* (2), *Амфитрита* (1): ...*ничего, кроме нимфы, дующей в окарину* («Римские элегии»); *Изваянные в мраморе сатир / и нимфа* («Post aetatem nostram»); ...*всплывшею Амфитритой* («Сан-Пьетро»);

в) люди, находящие в море (2): *дочь, старик*: *Это дочь генерал-губернатора, плывущая в Кюрасао* («Новый Жюль Верн»); ...*что стынувший старик, / плывущий в темноте, / пронзительней, чем крик / "Осанна" в высоте* («Элегия на смерть Ц. В.»);

14) водные номинации-соматизмы (16 случаев):

а) соматизмы-жидкости (8): *слеза* (6), *кровь* (2): *Пролитую слезу / из будущего привезу* («Песенка»); *Капающая слеза* («Квинтет»); *Из слез, дистиллированных зрачком, / гортань мне омывающих, наружу / не пущенных и там, под мозжечком, / образовавших ледяную лужу* («Отрывок»); ...*из крови, столь испорченной тобой* («Отрывок»); *Брызгающая воронкой, / как сбегавшая пенка, кровь* («Стихи о зимней кампании 1980-го года»);

б) соматизмы-емкости жидкости (8): *глаз* (4); *вена, зрачок, глотка, плоть* (единично): ...*водичка, / и глядишь на меня сбегавшими из-под крана / глазами* («Стакан с водой»); ...*о чем для глаза, / вооруженного слезой* («Пенье без музыки»); ...*с глазом, налитым кровью от ненависти* («Воронья песня»); *С налитым кровью глазом* («Мексиканский романсеро»); ...*пейзаж с трамваями, с открытой веной / реки* («Памяти Н. Н.»); ...*как вскрытая бритвой вена* («Портрет трагедии»); *Там, под водой, с пересохшей глоткой* («Новый Жюль Верн»); ...*серой каплей зрачка, вернувшей-ся восвояти* («Томасу Транстрёммеру»); ...*цедящей семя / крайней плотью пространства* («Колыбельная Трескового Мыса»);

15) наименования деятельности человека с водой, на море (1): ...*рассматривая свой улов, / ломающийся от пустоты* («Взгляни на деревянный дом...»).

5. «Вода-суша»

Единично атрибутивная характеристика при помощи причастных форм дается лишь двум лексемам из группы:

16) обозначения морского побережья (2 конструкции): *мол, мыс: ...завершается молом, погнавшимся за / как по плоским ступенькам, по волнам / убежавшей свободой* («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»); ...*Мыс, вдающийся в море* («Колыбельная Трескового Мыса»).

Итак, акватическая лексика, имеющая в поэзии И.Бродского атрибутивный процессуальный — выражающий временную протяженность — признак в форме причастия или причастного оборота, распределяется по 5-ти тематическим группам: «вода-свойства-состояния», «водные пространства», «вода-артефакты», «вода-живое», «вода-суша», включающим в себя 16 подгрупп.

Наиболее значимыми для поэтического мироощущения И. Бродского является временная атрибутивная характеристика причастными формами названий группы «вода в ее естественных проявлениях» (75 конструкций), при этом и самой многочисленной в этой группе является лексема *вода* (15 случаев), чуть реже встречается лексема *снег* (12).

Названия «водных пространств» также достаточно широко представлены в описанном нами материале (48 примеров), среди которых высокочастотны лексемы *река* (14) и *море* (7).

Широко представленные лексемы, номинирующие *артефакты, связанные с водой* (41 конструкция), очень разнообразны и практически не повторяются.

Несколько реже употребляются номинации группы «*связанные с водой живые существа*» (39 конструкций); имеют частотные лексемы *рыба* (7) и *слеза* (6).

Таким образом, выявленная высокая частотность конструкций с разнообразными по тематике акватическими номинациями, атрибутивно определяемыми при помощи временного процессуального признака, свидетельствуют, что водные объекты и понятия активно сопрягаются с идеей времени в поэтическом языке И. Бродского.

Библиографический список

1. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание) // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова [Электронный документ] URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt.
2. Вардзелашвили Ж.А., Церодзе Ц.В. Вода как образ языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. 4-й Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г.: В 2 ч. Ч. 1 / отв. редакторы Н.П. Баранова, А.М. Горлатов, С.М. Прохорова. Минск: МГЛУ, 2009. С. 39-41.
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Броским. М.: Независимая газета, 2000. 328 с.
4. Замятина И.В., Сызранова, Г.Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27). С. 118-127.
5. Твердохлеб О.Г. Причастия в афоризмах // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 85-97.
6. Твердохлеб О.Г. Тематическое своеобразие растительных реалий, определяемых причастными формами (в поэтическом тексте Иосифа Бродского) // International conference on modern researches in science and technology: materials of the I international research

and practice conference January 31th, 2017, Berlin, Germany: Scientific public organization "Professional science", 2017. pp. 650-664.

7. Твердохлеб О.Г. Названия домашних и диких животных и их атрибутивная характеристика причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 января 2017. Ростов-на-Дону: Научно - издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 28-40.

8. Твердохлеб О.Г. Общие названия животных, названия их совокупностей и частей, атрибутивно охарактеризованные причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 января 2017. Ростов-на-Дону: Научно - издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 16-27.

9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. Андреева В. и др. М.: Астрель: АСТ: Миф, 2002. 560 с.

References

1. Brodsky J. Poems (main collection) // Lib.ru: Maxim Moshkov's Library URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt.

2. Vardzelashvili J.A., Tserodze C.V. Water as the image of the language picture of the world // The National-cultural component in the text and language: proceedings of the proc. 4-th Intern. scientific. conf. Minsk, 3-5 Dec. 2009: In 2 parts. Part 1 / ed. N.P. Baranova, A.M. Gorlatov, S.M. Prokhorova. Minsk: MSLU, 2009. pp. 39-41.

3. Volkov S. Conversations with Joseph Brodsky. M: The independent newspaper, 2000. 328 p.

4. Zamyatina I.V., Syzranova G.Y. Semantic nature of participial forms: verbalization, adjectivation and substantivation // The news of higher educational institutions. Povolzhskiy region. Humanities. 2013. No. 3 (27). pp. 118-127.

5. Tverdokhle O.G. Eucharist in the sayings // Language and culture. 2016. № 2 (34). P. 85-97.

6. Tverdokhle O.G. Thematic originality vegetable realities defined by the participial forms (in the poetic text of Joseph Brodsky) // International conference on modern researches in science and technology: materials of the I international research and practice conference January 31th, 2017, Berlin, Germany: Scientific public organization "Professional science", 2017. pp. 650-664.

7. Tverdokhle O.G. Common names of animals, names of their sets and parts, the attribute is characterized by participial forms in the poetic text of Joseph Brodsky's // Philology and literature in the context of intercultural communication: collection of scientific works on materials of I International scientific-practical conference on 31 January 2017. Rostov-na-donu: publishing center "open knowledge", 2017. pp. 16-27.

8. Tverdokhle O.G. Names of domestic and wild animals and their attribute characteristics of participial forms in the poetic text of Joseph Brodsky's // Philology and literature in the context of intercultural communication: collection of scientific works on materials of I International scientific-practical conference on 31 January 2017. Rostov-na-donu: publishing center "open knowledge", 2017. pp. 28-40.

9. Encyclopedia of symbols, signs, emblems // ed. Andreeva V.M. [et al.]. Moscow: Astrel: AST: Myth, 2002. 560 p.

УДК 81.42

*Воронежский государственный университет
магистрант 2-го курса филологического факультета
Кушнир К.И.
Россия, Воронеж, тел. 8 950 778 42 24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State University
Department of Philology
Second-year undergraduate student
Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, 8 950 778 42 24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Кушнир

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТИХИЙ
(НА ПРИМЕРЕ СТИХИИ «ВОДА»)
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. СОЛОУХИНА**

В статье анализируются языковые особенности сборника «Камешки на ладони» В. Солоухина. Исследуется структурно-семантическая организация «водной» лексики и ее функциональные особенности. Дается комплексное описание языкового воплощения стихии «вода» в художественной картине мира автора.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, лирическая миниатюра, В. Солоухин, лексема, стихия, концепт.

К.И. Kushnir

**LANGUAGE EMBODYMENT OF THE MAIN ELEMENTS
(ON EXAMPLE OF ELEMENT WATER)
IN V. SOLOUHIN'S WORKS**

The article analyzes the linguistic features of the book «Stones in the palm» of V. Solouhin. We study the structural and semantic organization of 'water' vocabulary and its functional features. We give a complete description of the language realization of element «water» in the author's creative world.

Key words: text, linguistic analysis, lyrical miniatures, V. Solouhin, lexeme, element, concept.

Одним из вечных и прекрасных мотивов мирового искусства является природа. Нет ни одного значительного поэта или художника, душа которого не отозвалась бы на ее красоту. Русская литература рисует удивительные образцы пейзажной лирики. В ней – неиссякаемый источник вдохновения для многих художников слова, одним из которых является Владимир Солоухин.

Читая художественное произведение мастера, человек узнает мировоззрение автора, особенности его сознания. Через призму этого сознания читатель расширяет свой кругозор, ведь «способность посмотреть на явление через призму чужого сознания равноценна возможности заглянуть в параллельные миры» [2; с. 3].

Изучение особенностей индивидуально-авторского мировоззрения в рамках семантического пространства текста является актуальным направлением современной лингвистики, получившим распространение в работах таких выдающихся ученых, как А.Г. Баранов, Ю.М. Валиева, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Ю.Н. Ка-

раулов, В.В. Красных, Н.А. Кожевника, Б.А. Ларин, В.А. Лукин, З.Ю. Петрова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Д.М. Поцепня, Н.А. Туранина, В.К. Харченко и др.

Художественные тексты определенного литературного периода представляют картину соответствующего языкового образного слоя, выявляют особенности сочетания традиционных семантических возможностей слова при авторской смысловой переориентации.

Одно из направлений исследования этого явления – это описание отдельных фрагментов мира, играющих важную роль как для обыденного, так и для художественного сознания. Такими составляющими картины мира являются архетипические образы ВОДЫ, ВОЗДУХА, ЗЕМЛИ, ОГНЯ, которые имеют особый историко-культурный контекст, занимают важное место в жизни этноса и находят отражение в художественном дискурсе.

Стихия – это одно из первовеществ, основных элементов природы. Само это слово было заимствовано из греческого языка и имело следующие значения: «буква, элемент алфавита», «тень от стрелки часов; шаг, сдвиг», «основное положение, теорема, первичная материя, физический элемент, небесные частицы, природные духи» [4, с. 62].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления репрезентантов водной стихии в рамках художественной картины мира. Возросший интерес общества к стихиям, их культурологическим и мифопоэтическим аспектам, требует постановки вопроса о комплексном описании лингвистической специфики исследуемого явления.

Предметом нашего внимания является структурно-семантическая организация «водной» лексики и ее функциональные особенности в сборнике лирических миниатюр «Камешка на ладони» В. Солоухина.

Феномен водной стихии подвергается комплексному лингвистическому описанию с позиций лексико-семантического, формального и функционального своеобразия на материале лирических миниатюр В. Солоухина. Исследование материала художественных текстов с ориентацией на понятие тематической группы как объективной основы анализа авторского способа освоения некоторых фрагментов действительности в сопоставлении с данными обыденного сознания, что проводится впервые на материале произведений В. Солоухина. Исследуется авторская специфика контаминации и конвергенции тропов, отражающих водную стихию в произведениях писателей второй половины XX века.

Наша задача состоит в комплексном описании номинаций стихии ВОДА в сборнике лирических миниатюр «Камешки на ладони» В. Солоухина как феномена отражения художественной картины мира.

Материалом исследования послужили лексемы, выписанные из 21 лирической миниатюры В. Солоухина.

В концептосфере славян важное место занимает концепт ВОДА. С давних времен ВОДА для людей остается одной из самых необычных стихий. Долгое время было потрачено на поиски ключа к разгадке этой стихии, что проявлялось еще в древнем устном народном творчестве. В русском фольклоре вода неразрывно связана с жизнью и смертью. Например, на юге была распространена легенда о живой и мертвой воде.

В исследуемом сборнике семантическим ядром является лексема ВОДА. Это слово и его производные, такие как ВОДИЧКА, ПАВОДОК, ВОДЯНИСТЫЙ, ВОДНЫЙ, ВОДОРОСЛИ и т.п. встречаются 198 раз.

Начальным этапом формирования характера человека становится его детство. Этические и эстетические взгляды ребенка формируются под влиянием тех людей, предметов и явлений, которые его окружают. Сам Владимир Алексеевич говорил о

детстве так: «На Западе ученые люди считают, что первые семь лет жизни человека закладывают фундамент личности и определяют ее дальнейший ход развития. Я должен сказать, что мои первые семь лет были счастливейшими годами жизни» [6, с. 1]. Лексема ВОДА занимает одну из ведущих позиций в исследуемом сборнике, что неудивительно. Такая частотность слов объясняется любовью автора к своей малой родине. Владимир Алексеевич Солоухин родился в крестьянской семье в селе Алепино Владимирской губернии. Это село расположилось на высоком округлом холме, близ которого протекает река Ворша. Дорога на родину Владимира Солоухина лежит через красивейшие – типично русские – леса и луга и озера и речку Пекшу, о чем и вспоминает автор. В своих воспоминаниях он пишет о том, что вокруг него была российская доколхозная деревня. Он с нежными чувствами описывает каждый знакомый ему ручеек, речку, озеро, хочет донести до читателя нежные чувства, с которыми у него ассоциируется родная деревня. С особой любовью автор говорит о дорогих сердцу местах «с яблонями и псеками с частными лошадьми, со скрипом телег, с колокольным звоном, с праздниками и сенокосами, со светлой речкой Борщей, с грибными переселками, с васильками во ржи» [6, с. 1].

Например: «*Водички* попьем холодненькой. Все под руками у нас в деревне: лесок так лесок, речка так речка. Мы по колено заходим в светлую текучую *воду*, которая очень холодна теперь, в конце сентября, наклоняемся над *водой* и пьем ее большими вкусными глотками...» – миниатюра «Мститель» [3, с. 52].

«В конце концов земля так напиталась *водой*, что не брала в себя больше ни капли влаги. Вот почему, когда образовалась в небе широкая, темная прореха и оттуда хлынула обильная, по-летнему теплая *вода*, наша тихая, мирная речка сразу начала вздуться и пухнуть» – миниатюра «Летний паводок» [3, с. 62].

«Есть на нашей реке такие глухие и укромные места, что, когда продерешься через спутанные лесные заросли, заполненные к тому же крапивой, и присядешь около самой *воды*, почувствуешь себя как бы в обособленном, отгороженном от остального земного пространства мире. На самый грубый, поверхностный взгляд, мир этот состоит только из двух частей: из зелени и *воды*. Но и в *воде* отражается все та же сплошная зелень» – миниатюра «Белая трава» [3, с. 57].

В художественных произведениях писателей XX – XXI вв. с концептом ВОДА соотносятся представления о жизни, времени, очищении, здоровье, забвении, смерти. В словаре В. Солоухина концепт ВОДА является сложной структурой, для создания многогранного образа которой автор прибегает к использованию слов с синонимичным значением: ВЛАГА, ПОЛОВОДЬЕ, РУЧЕЙ, РЕКА, ОЗЕРО, МОРЕ, СТРУЯ, ДОЖДЬ, КАПЛЯ, РОДНИК, ПОТОК, БРЫЗГИ, ГРОМ, ЧЕРНАЯ СИНЕВА, ГРОЗА, ПОТОП, ТЕЧЕНИЕ, ПУЗЫРИ и т.д.

Мы находим целесообразным разбить эти лексеммы на следующие тематические группы:

- «Водные пространства и водоемы». Сюда включены следующие слова: ручей, река, озеро, море, родник, пруд:

«По каждому оврагу, по каждой канаве наперегонки, перепрыгивая через корни деревьев, через камни, мчались *ручьи*, словно у них была единственная задача – как можно быстрее домчаться до *речки* и принять посильное участие в ее разгуле.» – миниатюра «Летний паводок» [3, с. 62].

«Не настолько большое, чтобы казаться выпуклым, то есть не *море*, не *озеро*, а именно – *пруд*» – миниатюра «Рыбий бог» [3, с. 225].

- «Формы существования воды»: влага, капля, гром, гроза, брызги, пузыри, дождь:

«Каждый день перепрыскивали *дожди*. В конце концов земля так напиталась *водой*, что не брала в себя больше ни *капли влаги*» – миниатюра «Летний паводок» [3, с. 62].

«Крупные *капли дождя* разбивались о землю, превращаясь в пыль и мельчайшие *брызги*» – там же [3, с. 62].

«Конечно, бывало, ударит колокол или *гром*, но это редко, по праздникам, во время *грозы*» – миниатюра «Двадцать пять на двадцать пять» [3, с. 187].

- «Характер движения воды»: половодье, струя, поток, потоп, течение:

«Но все же *речка* наша слишком мала, чтобы даже в такое *половодье* всерьез навредить людям» – миниатюра «Летний паводок» [3, с. 63].

«Ни *водопада*, ни *потока воды* в трубах, гонимой мощными насосами, одолеть ему не дано» – миниатюра «Рыбий бог» [3, с. 241].

Широкая распространенность исследуемых номинаций в миниатюрах автора говорит о важности стихии ВОДА для ментальных представлений русского человека и художественной картины мира второй половины XX века.

Как известно, слово «ВОДА» происходит от праславянского **vodā*, восходящего к праиндоевропейскому **wodor*, от корня **wed-* с тем же значением. Многие ученые считают, что в праиндоевропейском языке существовало два корня для обозначения воды: **ar* – обозначал воду как «живую» силу природы; **wed* – обозначал воду как неодушевленную субстанцию» [1, с. 28].

В своих произведениях Владимир Солоухин придерживается значения первого корня. Образ водной стихии создается автором с помощью эпитетов, метафор и сравнений, что позволяет выявить особенности авторского отображения исследуемого явления.

При создании лирических миниатюр, как и других своих произведений, В. Солоухин старается выразить свое понимание мира, донести до человека то, как сам автор воспринимает явления, образы, пробудить в читателе соавтора, чтобы тот сопереживал с ним.

Одним из самых значимых художественных средств, с помощью которых автор достигает этой цели, является развернутая метафора. В результате исследования метафоры в текстах В. Солоухина мы получим яркое представление о духовно-биографическом опыте автора, о его взглядах на жизнь и об образах, играющих важную роль в его творчестве.

По словам Н. А. Тураниной, метафора в современном языке является самым сильным и активным средством семантического словообразования: «Сравнивая и сопоставляя порой несопоставимое, метафора переносит художественный образ в плоскость языка, выступая тем самым как механизм порождения нового значения слова» [5, с. 8]. Следовательно, в идиостиле конкретного автора (в нашем случае, В. Солоухина) метафора составляет основу художественных преобразований на словесном уровне. При исследовании пристальное внимание было обращено на метафорическую лексику, связанную с описанием водной стихии и имеющую свои особенности в текстах В. Солоухина.

Метафоры, в которых слова выступают в роли носителей метафорического образа, подразделяются по частиречной принадлежности. Так, в лирических миниатюрах В. Солоухина водная стихия представлена именными и глагольными метафорами, которые гармонично сочетаются в текстах автора

Приведем примеры номинативных метафор. Наиболее частотными выступают следующие:

- волна: «Клубы росли, расширялись, подступали горечью к горлу, застилали глаза и вдруг ударили снизу в мозг темной непонятной *волной* [3, с. 28];

- море, океан: «И можно было увеличивать еще и еще то, что окружало маленькую девочку, потому что больше *моря* – страна, больше страны – *океан*, больше *океана* – земля, больше земли – небо, больше неба...» [3, с. 183];

- капля: «В конце концов земля так напиталась *водой*, что не брала в себя больше ни *капли влаги*» [3, с. 62];

- потоп: «Одну ночь лил, а что сотворилось! А если бы сорок дней и сорок ночей – вот и был бы *потоп*. Погодите еще, разверзнутся хляби небесные!..» [3, с. 64];

- водопад, поток: «Ни *водопада*, ни *потока* воды в трубах, гонимой мощными насосами, одолеть ему не дано» [3, с. 241].

Примеры глагольных метафор:

- плыть: «Значит, так и *поплывет она через море жизни* одна в своей низкой деревенской избе» [3, с. 241];

- хлынуть, лить: «Ночь *хлынула в пространство*, на время отвоеванное у нее человеческим светом, *залила* его еще более густой, еще более непроглядной темнотой» [3, с. 26];

- течь, вымывать: «Время *течет и вымывает* из памяти сначала более легкие впечатления, а потом добирается до основных и тяжелых» [3, с. 138];

- кипеть: «Когда все *кипели и шипели*, исторгая вместе с проклятиями слово о «неуважении к коллективу» [3, с. 143] и др.

У В. Солоухина соседствуют два направления при создании «водных» образов: одно из них связано с использованием метафор, имеющих сему со значением воды или жидкости, общее значение таких метафор связано со стихией воды; второе же – связано с использованием метафор для изображения человека, его внутренних переживаний и внешних свойств. Следовательно, можно говорить о том, что многообразие индивидуально-авторской метафоры позволяет увидеть разнообразные методы метафорического переноса наименований водной стихии, которые являются образным отражением мира в идиостиле писателя.

Важную роль в лирических миниатюрах В. Солоухина играет олицетворение как один из способов создания авторской картины мира. Выбор лексических единиц при использовании этого приема обусловлен ценностными ориентирами и пристрастиями художника слова. В подтверждение приведем несколько примеров:

- «По каждому оврагу, по каждой канаве *наперегонки, перепрыгивая* через корни деревьев, через камни, *мчались* ручьи, словно у них *была единственная задача* – как можно быстрее *домчаться* до речки и *принять посильное участие* в ее *разгуле*» [3, с. 62];

- «Река немедленно *сорвала и унесла* с собой все лавы, *подняла* все, что лежало на ее летних, казавшихся безопасными берегах: дрова так дрова, бревна так бревна, копны сена так копны сена, мусор так мусор. *Выйдя* из берегов, она *залила* где луга, а где и поле зеленого овса, золотой уже ржи, белой цветущей гречихи. В деревушках, что стоят пониже, она *подобралась* к огородам» [3, с. 64];

- «От этой ложбинки большая польза: во время летнего ливня или затяжных невеселых дождей вода не собирается перед окнами в лужу, не застаивается, но *мчится* вдоль по ложбинке в отдаленный пруд» [3, с. 131].

Исследование показало, что использование писателем такого тропа, как олицетворение является достаточно продуктивным семантическим процессом в данном сборнике миниатюр. Автор использует этот прием для создания экспрессии преимущественно в тех случаях, когда рисует разрушительный характер стихии.

Таким образом, в произведениях В. Солоухина мы наблюдаем двойственную природу исследуемой стихии: с одной стороны, ВОДА олицетворяет собой живую, плодо-

творную силу, с другой стороны, ВОДА символизирует губительное, разрушительное начало, которое уносит в небытие любое проявление жизни.

Цветовая гамма водной стихии, используемая писателем, представляет сложное взаимодействие красок и их оттенков. Например:

- «Мне показали комнату с окном на старую узловатую хурму, дикую, осыпанную мелкими, как черешня, желтенькими плодами, на бамбукоподобные стебли кукурузы, между желтизной которых проглядывала *яркая синева* близкого моря» [3, с. 175];

- «Сколько лет не окунался в *синее* море» [3, с. 185];

- «Самой луны не видно за краем холма, но вся моя чаша полна лунным светом, волшебной-зеленоватой влагой» [3, с. 106];

- «Но и в воде отражается все та же сплошная зелень» [3, с. 57].

Для обозначения цвета любой формы существования воды в природе В. Солоухиным используются традиционные колоративы: синий, зеленый и их оттенки.

Исследование показало, что широкая представленность анализируемых номинаций в текстах писателя свидетельствует о важности концепта ВОДА для ментальных представлений русского человека и художественной картины мира второй половины XX века, о чем метафорически и говорил сам В. Солоухин в одной из своих миниатюр: «Но нет проще способа погубить на земле все живое, как залить землю водой. И нет проще способа погубить все живое в воде, как взять и выпустить из водоема всю воду» [3, с. 233].

Библиографический список

1. Валевская М.С. Наименования стихий в русском и французском языках в семантическом и словообразовательном аспектах. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2015. 80 с.
2. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации. Воронеж : изд-во ВГУ, 2007. 48 с.
3. Солоухин В. Камешки на ладони. М. : Дет. Лит., 2007. 285 с.
4. Скляр М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке. М., 2005. С. 260.
5. Туралина Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. Орел, 2000. <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obshchestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona>

References

1. Valevskaya M.S. Names of elements in the Russian and French languages in semantic and word-formative aspects. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2015. 80 p.
2. Koltsova L.M. Text through the prism of the author's punctuation. Voronezh: VSU Publishing House, 2007. 48 p.
3. Solouhin V. Stones on the palm. M.: Det. Lit., 2007. 285 c.
4. Sklar M.S. The concept of the word «element» in the Russian language. M., 2005. P. 260.
5. Turanin N.A. Nominal metaphor in Russian poetry of the early twentieth century. Eagle 2000.
6. <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obshchestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81.2Рус-5:38я7

Национальный фармацевтический университет

канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук

Крысенко Т.В.

Украина, г. Харьков, тел. +380971506605

e-mail: krysjanja@mail.ru;

ст. преп. кафедры гуманитарных наук

Цыганенко В.В.

Украина, г. Харьков, тел. +380939732172

e-mail: cmixail@mail.ru

National University of Pharmacy

PhD , associate professor of the humanities department

Krysenko T.V.

Ukraine, Kharkiv, +380971506605

e-mail: krysjanja@mail.ru

senior lecturer of the humanities department

Tsyganenko V.V.

Ukraine, Kharkiv, +380939732172

e-mail: cmixail@mail.ru

Т.В. Крысенко, В.В. Цыганенко

ЛСГ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ-ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена методам работы с русскими глаголами со значением движения и перемещения объекта и субъекта в пространстве. Дана систематизирующая глаголы перемещения таблица, описаны виды упражнений для закрепления их в речи.

Ключевые слова: глаголы движения, глаголы перемещения, лексико-семантическая группа, семантическое поле, бесприставочные глаголы.

T.V. Krysenko, V.V. Tsyganenko

LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF MOTION VERBS AND VERBS EXPRESSING THE IDEA OF SUBJECT'S AND OBJECT'S SHIFT IN A SPACE AT A LESSON RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS

The article is devoted to the methods of work with the verbs expressing the idea of subject's and object's shift in a space. The classifying table is given, and various types of training exercises are described.

Key words: verbs of motion, verbs of movement, lexical-semantic group, semantic field, verbs without prefixes.

Лексика современного русского языка состоит из множества пластов. Человек использует в разных ситуациях различные семантические пласты лексики, но ни один не может обойтись без использования глаголов движения - перемещения. Макрокомпонент «движение» является одним из важнейших концептов понятийной картины мира»

[13; с. 1610].

ЛСГ глаголы движения-перемещения – очень древняя и своеобразная лексико-семантическая группа акциональных глаголов в русском языке. Акциональные глаголы «обозначают физические или ментальные действия лица», в их составе Г. А. Золотова выделяет пять групп, в том числе «глаголы движения», считая, что последние «сопровождаются указанием на предметные ориентиры (исходную и конечную точку движения, путь движения, а также средство или способ» [7; с. 67].

Грамматическое «поведение» глаголов данной ЛСГ очень своеобразно, поэтому исследователи и выделили эти глаголы в отдельную группу ещё в Грамматике-70 и Русской грамматике Академии наук СССР. На своеобразии этой группы обращали внимание все исследователи семантики и грамматических особенностей русского глагола: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Р. М. Гайсина, Г. А. Золотова, С. Д. Кацнельсон, Н. Ю. Шведова и др.

Человек постоянно находится в движении, поэтому иностранный студент всегда сталкивается с необходимостью выразить в тексте информацию о движении объекта/субъекта, а также необходимостью перевода её на другой язык. Но из-за того, что представители разных языковых культур имеют различающиеся языковые представления об окружающем их мире, способы выражения пространственных категорий будут различными в разных языках. В разных языках наблюдается необычайное многообразие глаголов движения, при этом прослеживается национальная специфика трактовки и восприятия семантики движения разными народами. Этим и определяется актуальность изучения проблемы выражения движения-перемещения в пространстве и исследований в этой области.

В последние годы интерес лингвистов к данной группе глаголов заметно возрос. Проводятся исследования по словообразованию, семантике глаголов перемещения, способам обозначения направления при них и т. д. В результате подробного изучения данной группы глаголов исследователи пришли к выводу, что на основании синтаксического поведения и семантики в ней можно выделить две подгруппы – глаголы движения и глаголы перемещения. Последней подгруппе посвящены специальные работы [3, 10], в части работ различаются эти две подгруппы [9].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые сделана попытка комплексного анализа лексико-семантических свойств основных глаголов движения-перемещения, выявлен новый подход к проявлению их семантико-синтаксических свойств в сочетании с изучением параметров их функционирования в высказываниях, установлены некоторые особенности реализации номинативных значений глаголов движения и перемещения в русском языке.

Русские глаголы со значением движения - перемещения субъекта/объекта занимают особое место в преподавании русского языка как иностранного, поскольку не всегда понятны иностранным студентам в силу специфики своего значения. Подробное описание движения - перемещения субъекта/объекта является особенностью русской языковой картины мира. Всё разнообразие бесприставочных и приставочных глаголов движения - перемещения подаётся преподавателями РКИ систематизировано, чему способствует подробное описание данной группы глаголов в целом ряде методических и учебных пособий.

Мы будем исходить из предположения, что рассматривать функционирование глаголов движения и перемещения в тексте вообще не имеет смысла, так как функционирование глаголов данной ЛСГ отличается в текстах разных типов (например, в научных текстах). Материалом для анализа стали лексические группы из пар глаголов движения русского языка, используемые в повседневной речи студентов и в письменных заданиях к лабораторным работам по неорганической химии и на практических занятиях по аптечной технологии лекарств фармацевтического вуза.

Процесс движения-перемещения с точки зрения грамматики представляет собой действие, выражаемое глаголом. К группе глаголов движения - перемещения субъекта/объекта мы относим глаголы движения одушевлённого субъекта, глаголы со значением манипуляции с неодушевлённым объектом в пространстве и глаголы изменения объёма. Под «глаголами движения» обычно подразумевают «небольшую группу глаголов, представляющих собой замкнутое лексико-грамматическое объединение слов, обладающих общими семантическими особенностями «перемещения в пространстве». Вся их совокупность, с позиций функционально-когнитивной лингвистики, составляет фрагмент окружающей человека действительности, отраженной в его сознании, то есть концепт, который, «являясь обобщением значений всех слов класса, ...включает в себя все частные значения конкретизации общей семантики» [1; с. 10].

Ядро семантического поля глаголов движения в русском языке составляют глаголы *ехать, идти, двигать(-ся), приходиться, приезжать*, периферию – *бегать, бродить, возить, водить, лазить, летать, носить, плавать, ползать, таскать, гонять, катать*. Не все периферийные глаголы движения целесообразно изучать на занятиях по РКИ, так как не со всеми из них столкнётся иностранный студент (например, *ползать, лазить, таскать, бродить*).

Исследователи отмечают, что существует целая группа глаголов, «коррелирующих с глаголами движения, грамматика которых в учебных пособиях рассматривается бегло, хотя они представляют собой лексику, необходимую в каждодневных возникающих языковых ситуациях» [6; с. 33]. Имеются в виду глаголы, которые называют манипуляции с объектом в пространстве, например: *класть – положить, ставить – поставить, вешать – повесить*. Они также имеют значение движения, но это движение совершается не субъектом, а объектом под воздействием субъекта.

При переводе эти глаголы абсолютно понятны иностранным студентам, однако переводная техника подачи лексики не всегда может быть применена на занятиях по РКИ (отсутствие языка-посредника у некоторых студентов). Следует отметить, что данные глаголы характеризуются сложностью самих грамматических форм и отклонением от стандартной модели спряжения. Кроме того, ряд трудностей в употреблении данных глаголов заключается, как ни странно, в практике общения студентов с носителями русского языка, которые часто допускают ошибки в употреблении видовой пары *класть – положить*. Поэтому для правильного использования иностранными студентами данных глаголов необходимо провести специальную работу по объяснению материала, его отработке и предупредить о распространённой ошибке в речи носителей языка.

Следующей важной характеристикой движения / перемещения является направление. Однако большинство глаголов русского языка не имеют в своей семантике ука-

зания на направление движения / перемещения. Так, Н.Т. Валеева отмечает, что русским бесприставочным глаголам свойственно называть способ и (или) скорость перемещения, но не его направление, так как «направительных смысловых компонентов русский глагол перемещения, как правило, не содержит». [4; с. 166] Функцию пространственной номинации в русском языке выполняет глагольная приставка. «Основная функция приставки - конкретизировать основное лексическое значение глагола, в первую очередь, охарактеризовать направление движения, названного глаголом, относительно некоторого ориентира, поскольку бесприставочные глаголы движения в русском и других славянских языках этого не выражают». *Идти, ехать, лететь* - семантически нейтральные глаголы, добавление к ним префиксального элемента направительной семантики модифицирует значение глагола, внося указание на направление движения / перемещения: прийти, выехать, улететь и т.д.

Исследователи русского языка делают попытку разграничить понятие движения и перемещения, но перемещение не понимается как механическое движение, а ставится в зависимость от наличия или отсутствия коррелятивных видовых пар в системе глагола русского языка или же от переходности / непереходности глагола [11; с. 40].

В некоторых работах учёных [2, 5] предлагается деление глаголов в зависимости от перемещения субъекта или объекта. Отмечается, что непереходные глаголы обозначают перемещение субъекта, а переходные глаголы движения могут обозначать перемещение только субъекта, только объекта или же субъекта и объекта. Подробно разбирается направление движения. О. С. Ахманова различает определённо-направленное и неопределённо-направленное движение [6; с. 295-307]. Определённо-направленное движение подразделяется на движение вниз, вверх и т.д. В.Г. Гак делит категорию направления на такие аспекты: общая направленность/ненаправленность движения; однонаправленное, разнонаправленное, ненаправленное движение; пространственные отношения между двумя движущимися предметами; направление движения относительно предмета в состоянии покоя [5; с. 96-109].

Необходимо отметить, что на занятиях все глаголы должны вводиться как парадигма грамматических форм – спряжения, прошедшего времени и императива. Их дальнейшая отработка строится таким образом, чтобы каждая форма была употреблена студентами хотя бы однократно. Иначе не произойдёт её закрепления, и необходимо будет работу с данным материалом проводить повторно. Для практического закрепления описанного выше материала предлагается использовать на уроке следующие виды упражнений:

Задание 1. Прочитайте предложения. Подчеркните глаголы движения с приставками, сверху укажите их значение.

1. Мы вышли из университета и пошли по улице. 2. По дороге домой он зашёл в магазин за хлебом. 3. Мальчик перевёл старика через дорогу. 4. Я перехожу дорогу только на зелёный сигнал светофора. 5. Поезд отходит от вокзала через два часа. 6. Марина дома? – Нет, она ушла в библиотеку. 7. Я обошёл памятник Т.Г. Шевченко со всех сторон. 8. Экскурсанты объехали все достопримечательности города. 9. Он прыгнул в воду и поплыл к другому берегу реки.

Задание 2. Запишите антонимы к данным словосочетаниям с приставочными глаголами движения:

- 1) **выехал на родину;** 2) **зайдите позже;** 3) **декан вышел;** 4) **въехали на мост;**
5) **вбежали в комнату;** 6) **приехал к больному;** 7) **отнеси в библиотеку.**

Задание 3. Дополните предложения соответствующими глаголами движения с приставками.

1. **Мать взяла ребёнка за руку и ... его в школу.** 2. **Мать взяла ребёнка на руки и ... его домой.** 3. **Мать посадила ребёнка в коляску и ... его в детский сад.** 4. **Где вы будете отдыхать летом? – ... на море или в горы.** 5. **Сегодня моих друзей нет на занятиях: Ашот заболел и ... в поликлинику, а Анвар ... на вокзал за билетами.** 6. **Феруза завтра ... в Ташкент.** 7. **Он ... к окну и посмотрел на улицу.** 8. **Они попрощались и ... в разные стороны.** 9. **Врач ... в палату и ... к больному.**

Задание 4. Дополните предложения нужными предлогами.

1. **В это время ... комнату вошла мама.** 2. **Ребёнок забежал ... угол дома.** 3. **Семья переехала ... Харькова ... Киев.** 3. **После свадьбы она переехала ... родителей ... мужу .** 4. **Брат поехал ... вокзал.** 5. **Дети ушли ... дома утром.** 6. **... больнице подъехала машина скорой помощи.** 7. **После лекции студент подошёл ... преподавателю.** 8. **Преподаватель написал формулу и отошёл ... доски.** 9. **... вокзала поезд отъехал вовремя.**

Задание 5. Выберите правильный глагол в таблице справа и вставьте его в предложение вместо точек.

1. Я ... из комнаты в коридор.	вошёл
2. Преподаватель ... в аудиторию и начал читать лекцию.	вышел
3. – Расула нет дома. Он ... на стадион, – сказала его сестра.	дошёл
4. – Директор ..., он сейчас вернётся. Вы можете подождать его здесь, – сказала секретарь.	зашёл
5. По дороге домой я ... в супермаркет.	перешёл
6. Он ... к окну и посмотрел на улицу.	подошёл
7. Брат ... до двери и остановился.	ушёл
8. Я ... все магазины, но не смог купить эту книгу.	вышел
9. У него так болели зубы, что он с трудом ... до поликлиники.	дошёл
10. Поезд ... от станции точно по расписанию.	обошёл
11. Я ... через парк и не встретил ни одного человека.	отошёл
12. Я ... на занятия первым.	пришёл
13. Корабль ... в море рано утром.	прошёл

Задание 6. Игра-шутка «Что нельзя делать?»

Придумайте, какие вещи и куда нельзя класть, ставить, вешать. Например: Я думаю, что нельзя класть собаку в холодильник.

Задание 7. Ситуации для диалога/ ролевой игры:

1. Ваш сосед по комнате, пока вас не было дома, сделал уборку, и теперь невозможно найти вещи. Спросите его, куда он всё положил, поставил, повесил.

2. Вы готовите офис к прибытию иностранной делегации. Решите вместе с коллегами, куда вы уберёте вещи и как украсите помещение.

Глаголы изменения объёма характеризуют: 1) изменение объёма веществ в состоянии покоя (**добавить, прибавить** и т.д.), 2) перемещение вещества, при котором в одном месте его объём постепенно уменьшается, а в другом – увеличивается (**переливать, пересыпать**). Различают три типа подобных русских глаголов: 1) глаголы общего значения, которые также относятся к твёрдым телам; 2) глаголы, относящиеся к жидким телам (**лить, течь**), 3) к сыпучим телам (**сыпать, сыпаться**).

Во время обучения по специальности «Фармация», на 1-2 курсах на практических занятиях по неорганической и органической химии иностранные студенты читают специальные тексты, проводят опыты, для описания которых совершенно необходимо сознательное и активное употребление глаголов изменения объёма как в устной, так и в письменной речи. Изучение этих типов глаголов вызывает особые трудности в группах студентов-франкофонов. Это связано с тем, что во французском языке различие между твёрдыми и жидкими телами проявляется не так последовательно, как в русском, а что касается сыпучих тел, то во французском нет специальных глаголов для обозначения действий с ними [См. об этом подробнее: 12].

Изучаемые глаголы представлены в таблице.

Таблица

Глаголы перемещения жидких, газообразных и сыпучих тел

Жидкие тела/вещества	значения перемещения тела/вещества	примеры
наливать – налить (что? куда?)	поместить в сосуд	налить воду (В.п.) в стакан (В.п.)
выливать – вылить (что? откуда?)	освободить сосуд	вылить раствор (В.п.) из колбы (Р.п.)
вливать – влить (что? куда?)	поместить осторожно внутри сосуда	вливать кислоту (В.п.) в пробирку (В.п.)
вводить – ввести (что? куда?)	соединить осторожно с другим веществом, переместить внутрь	ввести катализатор (В.п.) в соединение (В.п.), ввести препарат (В.п.) инъекционно
доливать – долить (что? куда? в каком количестве?)	добавить до нужного объёма	долить растворитель (В.п.) в банку (В.п.) до 300 мл.
подливать – подлить (что? куда?)	добавить недостающий объём	подлить реактив (В.п.) в колбу (В.п.) с раствором

накапать, закапать (что? куда?)	дозировать, вводить – ввести по каплям	накапать на инструмент (В.п.) 2-3 капли (В.п.) фенолфталеинового раствора, закапать нафтизин(В.п.) внос (В.п.)
наполнять – наполнить (что? чем?)	сделать сосуд полным	наполнить флакон (В.п.) раствором (Т.п.)
заполнять – заполнить (что? чем?)	ввести количество вещества, равное объёму сосуда	заполнить баллон (В.п.) газом (Т.п.)

На употребление данных глаголов мы предлагаем выполнение следующих упражнений:

Задание 1. Используя материал для справок, назовите действия, которые можно производить с сыпучими телами (песок, порошок, соль, мелкие твёрдые кусочки какого-либо вещества), если их нужно поместить:

- на чашу весов, на пластинку, на столик – ...
- в колбу с узким горлом, в узкую пробирку – ...
- в сосуд, в котором уже есть такие тела, но в недостаточном количестве – ...
- в сосуд, в котором уже есть такие тела, но мало – ...

Материал для справок: насыпать, досыпать, всыпать, подсыпать.

Задание 2. Продолжите диалоги. Сообщите, что и другой предмет тоже нужно поместить в аналогичное место. Употребите выделенные глаголы в императиве.

1. Я насыпал в колбу тонко измельчённый порошок MnO_2 . А куда насыпать хлорид натрия $NaCl$?

2. Мы поместили в сосуд алюминиевый шарик. А куда поместить стальной и платиновый шарик?

3. Я погрузил кусочек цинка Zn в водный раствор сульфата цинка $ZnSO_4$. А в какое вещество мне нужно погрузить никелевую пластинку?

4. Мы налили в бюретку раствор уксусной кислоты CH_3COOH . А куда нам налить раствор гидроксида натрия $NaOH$?

5. Мы опустили в первую колбу потухшую лучину. Опускать ли лучину во вторую колбу?

Задание 3. Дополните фразы по образцу. Помните, что глаголы помещать-поместить, ставить-поставить, опускать-опустить, погружать-погрузить, вводить-ввести, вынимать-вынуть, сыпать-насыпать, наливать-налить с различными приставками выражают значение перемещения различных типов веществ и имеют вопросы: **что? куда? откуда? как?**

Образец: Соль я всыпал в пробирку. А куда насыпать этот порошок? – Порошок нужно насыпать на тарелку.

1. Раствор кислоты я влил в пробирку. А куда налить воду?

2. Медную пластинку мы опустили на дно ванны. А куда погрузили железную пластинку?

3. Металлическую пластинку мы погрузили в раствор. А алюминиевую пластинку?

4. Один раствор я поместил в термостат. А другой раствор?

5. Я осторожно всыпал соду в колбу. А куда насыпать поваренную соль?

6. Раствор соли мы через воронку влили в колбу. А куда и как ввести кислоту по стеклянной палочке?

7. Алюминиевый цилиндр мы погрузили в баллон с газом. А куда погрузить свинцовый цилиндр?

Больше упражнений представлено в недавно изданном коллективном кафедре гуманитарных наук Национального фармацевтического университета пособия [8; с. 191-215].

Перед преподавателем-русистом стоит чисто практическая цель – помочь иностранному студенту, изучающему русский язык, выработать языковую компетенцию при использовании русских глаголов движения и перемещения.

Описанный выше подход к изучению глаголов, характеризующих перемещение в пространстве, обеспечивает, во-первых, их запоминание и закрепление в речи, а во-вторых, создаёт базу для изучения связанной с ними и подобной им лексики. Но в дальнейшем необходимо неоднократное возвращение к изученному материалу, поскольку он из-за своей сложности может уходить в пассивный запас и забываться. Одним из наиболее продуктивных способов сохранения данных глаголов в памяти является возвращение к ним на всех этапах изучения глаголов движения и расширение круга лексики, выражающей перемещение, за счёт таких видовых пар, как «**вынимать** — **вынуть**», «**снимать** — **снять**», «**доставать** — **доставить**», «**падать** — **упасть**» и т.п. Таким образом, глаголы будут усвоены студентами и, с большой вероятностью, применены ими в повседневном общении и учебной деятельности.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1996. 10 с.
2. Ахманова О.С. О точных методах исследования языка. М.: Издательство МГУ, 2004. С. 295-307.
3. Блягоз З.У. Глаголы перемещения в современном русском языке: Автореф. дис... канд.филол.наук. Горький, 1964. 23 с.
4. Валеева Н.Т. О деархаизирующей функции словообразования в современном русском языке. М., 2004. С. 165-173.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Наука, 1977. С. 96-109.
6. Деменева К.А. Глаголы, выражающие идею перемещения, на уроке русского языка как иностранного // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания, 2013, № 3. С. 33-38.
7. Золотова Г.А. О роли глагола в структуре предложения // Русский язык за рубежом, 1981, № 5. С. 64-69.
8. Крысенко Т.В., Филянина Н.Н., Долгая Е.А. и др. Русский язык: учебное пособие. Харьков, 2016. 240 с.
9. Сайкиева С.М. Управление приставочных глаголов движения-перемещения в русском языке // Филологический сборник. Вып. XVIII-IX. Алма-Ата, 1968. С. 338, С. 360.

10. Сергеева Н. И. Глаголы горизонтального движения-перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка: Автореф. дис...канд. филол. наук. Л., 1970. 24 с.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 40 с.
12. Цыганенко В. В. К вопросу о семантизации и использовании русских глаголов со значением изменения объёма в научном стиле речи франкофонов медико-фармацевтического профиля продвинутого этапа обучения // Филологический сборник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды, 2007, Вып. 4. С. 130-136.
13. Шайхисламова З.Г. История изучения глаголов движения в разносистемных языках // Вестник Башкирского университета. Серия Филология и искусствоведение, 2012, Т.17, № 3 (1). С. 1610-1614.

References

1. Avilova N.S. Verb type and semantics of verbal expression. M., 1996. P. 10.
2. Akhmanova O.S. Exact methods of language research. M.: Publishing house of the Moscow State University, 2004. P. 295-307.
3. Blyagoz Z.U. Verbs of movement in modern Russian: Author. dis ... kand.filol.nauk. Gorkyi, 1964. 23 p.
4. Valeeva N.T. About dearchaization features of word formation in modern Russian. M., 2004. P. 165-173.
5. Gak V.G. Comparative lexicology. M.: Nauka, 1977. P. 96-109.
6. Demeneva K.A. Verbs expressing the idea of movement at the Russian language lesson for foreigners// Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, a series of Russian and foreign languages, and methods of their teaching, 2013, № 3. P. 33-38.
7. Zolotova G.A. On the role of the verb in the sentence structure // Russian language abroad, 1981, № 5. P. 64-69.
8. Krysenko T.V., Filyanina N.N. Dolgaya E.A. and others. The Russian language: a tutorial. Kharkiv, 2016. 240 p.
9. Saykieva S.M. Valency of prefixed verbs of motion and movement in Russian // Philological collection. Vol. XVIII-IX. Alma-Ata, 1968. P. 338, P. 360.
10. Sergeeva N.I. Verbs of horizontal movement as a semantic and syntactic class in the system of modern Russian language: Author. dis ... cand. Philology. Sciences. L., 1970. 24 p.
11. Solntsev V.M. Language as a system-structural formation. M.: Nauka, 1977. 40 p.
12. Tsyganenko V.V. To a question on the semantization and use of Russian verbs with the meaning of changes in the volume in scientific style of speech of Francophones at medical and pharmaceutical profile of advanced level // Philological collection of Kharkiv National Pedagogical University. GS Pans 2007, issue 4. P.130-136.
13. Shayhislamova Z.G. History of the study of motion verbs in the languages of different systems // Bulletin of the Bashkir University. Series of Philology and Art History, 2012, T.17, number 3 (1). P. 1610-1614.

УДК 372.881.116.11

*Ереванский государственный университет
преп. кафедры русского языка
(для гуманитарных факультетов)*

*Гаспарян А.В.
Армения, г. Ереван, тел. +37491474535
e-mail: gasparm1@mail.ru
(armine.gasparyan@ysu.am)*

*Yerevan State University
lecturer at the Department of Russian philology,
Chair of Russian language (for Humanities' fac-
ulties)*

*Gasparyan A.V.
Armenia, Yerevan, +37491474535
e-mail: gasparm1@mail.ru
(armine.gasparyan@ysu.am)*

А.В. Гаспарян

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА УРОКЕ ПРАКТИЧЕСКОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье представлен анализ стихотворения в прозе И.С. Тургенева “Как хороши, как свежи были розы” на уроке практического русского языка. Интерпретируя текст, преподаватель преследует по меньшей мере две цели: обучить учащихся умению и навыкам разговорной речи и познакомить их с произведением художественной литературы. На уроке проводится анализ стихотворения на разных лингвистических уровнях, затрагиваются вопросы, связанные со стилем и содержанием произведения.

Ключевые слова: комментирование, адаптированный текст, аутентичный текст, русская культура, система языковых средств.

A.V. Gasparyan

ANALYSIS OF A LITERARY TEXT DURING THE LESSON OF THE PRACTICAL RUSSIAN LANGUAGE

This article gives the analysis of the prose poem of I.S. Turgenev ‘How fair, how fresh were the roses’ at the lesson of the practical Russian language. While interpreting the text the instructor shall pursue at least two aims: to teach the learners the abilities and skills of the colloquial speech and introduce them with the belles letter works. The analysis of the poem is brought during the lesson at various linguistic levels, matters related with the style and content of the work are involved.

Key words: text commenting, adapted text, authentic text, Russian culture, linguistic resources system.

Методика обучения нерусского учащегося адекватному пониманию художественного текста ориентируется на обоснование и систематизацию способов представления художественного текста в нерусской аудитории. Перед преподавателем встает задача двойного плана. С одной стороны, обучающий знакомит аудиторию с русской культурой и искусством, а с другой – в процессе такого “знакомства” решается и другая методическая задача – обучение русскому языку. На что следует преподавателю обратить внимание? Как соотносить эти две стороны обучения? Это, естественно, зависит от уровня обучаемого.

Первоочередная задача преподавателя состоит в том, чтобы довести до студента, учащегося понимание художественного текста. Это довольно сложный процесс, особенно если преподаватель имеет дело с аудиторией начального уровня владения языком. Для учащихся такого уровня возможна адаптация текста, т.е. его упрощение. Но,

прибегая к адаптации, мы можем преследовать лишь узкую цель обучения русскому языку. Приобщение к русской культуре, ознакомление с особенностями стиля и языка изучаемого автора возможно в случае работы над аутентичными текстами. Современная методика отдает предпочтение изучению аутентичного текста даже на начальном этапе. Главная задача – выбрать соответствующий данному уровню текст. Работа преподавателя заключается в лингвистическом, страноведческом, культурологическом, иногда и в психологическом комментировании текста. Оно позволяет сохранить изучаемый текст без изменений и сокращений.

При осмыслении художественного текста читателем, безусловно, играет особенно важную роль энциклопедическая информация. Она зависит от фоновых знаний читателя, его культурного, образовательного статуса, именуемого тезаурусом. Он порождает ассоциативные ряды в сознании читателя. Но, по мнению З.Я. Тураевой, книги имеют свою судьбу, и ассоциации, рождаемые ими, не вполне контролируются писателем. “Современники Шекспира читали Гамлета не так, как его читаем мы. Какая-то часть информации была утеряна, другая, наоборот, была приобретена” [1; с. 14].

Как считает И.Д. Успенская, “методически ориентированное комментирование, помогающее иностранному читателю адекватно воспринять художественный текст, является <...> оптимальным способом снятия языковых трудностей, встречающихся в данном тексте <...>, комментарий к художественному тексту, предназначенный для иностранного читателя, должен нести определенную информацию справочного характера и при этом иметь ярко выраженную обучающую направленность” [2; с. 78]. На наш взгляд, немаловажное значение для адекватного восприятия текста имеет выявление и объяснение образных средств и выражений, особенностей стиля автора, эпохи, национальной принадлежности писателя или поэта.

Возьмем для сравнения образное выражение из текста Шукшина: *И пошла полыхать заря...* Глагол *пойти* в данном контексте заменил полужнаменательный фазисный глагол *стать, начать*, т.е. в этой фразе автор указывает на начало действия. Вместо обычного описания вечера (заметим, не утра), заката, захода солнца автор использует оборот, присущий живой разговорной речи, рисует динамическую оригинальную картину наступления сумерек. Или из того же текста: солнце отражается в реке, окрашивая ее в красный цвет. Герой по-своему видит эту картину: в реку *ровно крови подбавили*. Вот манера писателя – без лишних фраз, очень просто и в то же время ярко и исчерпывающе передать описание вечера. Вчитывание в текст позволяет учащемуся обращать внимание на те или иные особенности повествовательной манеры автора, развивает у него адекватность восприятия.

По справедливому мнению Н.М. Шанского, “лингвистический анализ литературного текста <...> позволяет практиковать такой методический прием, как лингвистическое комментирование художественного текста, особенно необходимое при ознакомлении с русскими литературными произведениями в нерусской аудитории... Поверхностный лингвистический комментарий, который очень часто наблюдается при словарной работе, должен уступить место настоящему лингвистическому комментированию, основанному на хорошем знании всей системы языковых средств, которые были использованы художником слова в данном произведении...” [3; с. 151-152].

Теперь обратимся к описанию анализа и комментирования известного стихотворения в прозе И.С. Тургенева “Как хороши, как свежи были розы” на уроке практического русского языка в армянской аудитории. Урок включает в себя предтекстовую, притекстовую и послетекстовую работу, обращается внимание учащихся на ключевые слова в тексте.

Предтекстовые задания носят установочный характер и облегчают процесс вхождения читателя в художественный текст. Перед текстом необходимы задания, которые снимают языковые трудности, расширяют словарный запас, совершенствуют механизмы чтения.

Притекстовые задания способствуют тому, чтобы процесс восприятия и осмысления содержания осуществлялся одновременно.

Послетекстовые задания контролируют глубину понимания художественного текста. Они способствуют пониманию учащимися идейного содержания художественного текста, которое доводится до их сознания определенными художественными средствами.

Предтекстовая работа

1. Что вы слышали об И.С. Тургеневе? В какое время жил и творил этот русский писатель?

2. Кто является главным действующим лицом в тексте? Какая ситуация описана в стихотворении?

Ключевые единицы текста – роза, зима, мороз, запах резеды и липы, юная девушка, вальс, самовар, свеча, единственный товарищ.

Так как данный текст предлагается учащимся со средним уровнем владения, его можно задать прочесть дома. На предтекстовые вопросы они смогут дать ответы, так как имеют какое-то представление о стихотворении. Далее идет подробная работа над текстом.

Как хороши, как свежи были розы

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол, а в голове все звенит и звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка – и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, – но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате все темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шепот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мною другие образы... Слышится веселый шум семейной, деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щеки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперевивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино – и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметесь и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

Притекстовая работа

1. Как вы думаете, молод ли герой? Почему в его голове звенит одна и та же фраза? Как вы понимаете выражение *мороз запушил стекла окон*?

2. Опишите облик юной девушки. Аромат каких растений разлит в летнем воздухе? Что такое *резеда*? Почему девушка смотрит на небо? Каким синонимом можно заменить слово *держать*? Какими эпитетами награждаются автором глаза, губы, грудь юной девушки?

3. Девушка из прошлого смотрит на небо, выжидая появления первых звезд, а что видит герой, находясь у себя в темной комнате? Как вы понимаете слово *чудиться*?

4. Какие еще образы вспоминает автор? Какими цветами окрашены воспоминания автора? Сравните звуки, которые звучали в прошлой жизни героя, со звуками, сопровождающими его в настоящем. Как вы объясните слово *патриархальный*? Почему так назван самовар? Уместно ли было заменить слово *воркотня* нейтральным словом *звук*? Символом чего является самовар? Объясните слово *вперебивку* и выражение *ланнеровский вальс*. Найдите разницу между словами *старенький* и *старческий*.

5. Почему пес *свернулся в калачик*? Как себя чувствует его хозяин?

Пслетекстовая работа

1. Почему Тургенев назвал свое произведение стихотворением в прозе? Как построено стихотворение?

2. Какую роль играет антитеза в стихотворении?

3. Что символизирует роза? Сравните розу с лилией в стихотворении Пушкина “Где наша роза...”. В чем отличие пушкинского стихотворения от тургеневского?

4. Какое воздействие оказывает на читателя это произведение?

Ключи к предтекстовой работе

1. И.С. Тургенев (1818-1883) – известный русский писатель, публицист и драматург, классик русской литературы XIX века. Творчество Тургенева включает шесть романов, множество рассказов, повестей, статей, пьес и стихотворений. Свои лирико-философские “Стихотворения в прозе” Тургенев пишет на склоне жизни. Этим, возможно, и объясняется пессимизм, которым проникнуты его стихотворения.

2. В этом стихотворении лирический герой, находясь в темной и холодной комнате, вспоминает давно прошедшие дни, его повествование прерывается фразой из стихотворения, которая ему запомнилась.

Ключи к притекстовой работе

1. Автор прямо не говорит о возрасте героя, но можно предположить, что он уже не молод, так как все, что он вспоминает, было “давно-давно тому назад”. Герой повторяет одну и ту же фразу как воспоминание об ушедшей молодости, о романтической любви, о прекрасных днях. *Запушить* – покрыть тонким пушистым слоем снега или инея.

2. Герой переносится в прошлое и видит себя “перед низким окном загородного дома”. Действие происходит летом, когда вечер переходит в ночь. Девушка, в которую,

вероятно, влюблен герой, смотрит на небо. Она хочет увидеть звезды (“выжидая появления первых звезд”). Глаза ее простодушно-вдохновенны и задумчивы, губы трогательно-невинны, грудь ее еще ничем не взволнована. Вокруг разлит запах резеды и липы. (*Резеда* – садовое растение с пахучими цветками). Герой не *дерзает*, т.е. не осмеливается, боится заговорить с нею, настолько она дорога герою.

3. Герой возвращается в настоящее. Что же он видит? Свеча трещит, из-за холодного воздуха в помещении тени приходят в движение (“беглые тени колеблются”) и отражаются на низком потолке. Вместо звезд он видит уродливые, безобразные фигуры. Слова *трещит, скрипит, низкий, старческий, темный* передают тоскливое, грустное настроение героя. Слово *чудиться* означает *казаться, мерещиться*.

4. Герою вспоминается шум семейной деревенской жизни, две русые головки девочек или девушек с алыми щеками и светлыми глазками. Они разговаривают (“вперебивку звучат молодые, добрые голоса”; говорить *вперебивку* – говорить, перебивая друг друга). Но в уютном доме, по-видимому, много людей, потому что в глубине комнаты кто-то играет “ланнеровский вальс на стареньком пианино”. (Ланнеровский вальс – написанный Ланнером, композитором XIX века). Прошлая жизнь – это яркие, светлые краски: *алые щеки, светлые глазки, русые головки, зеленый цвет резеды и липы, золотистый самовар*. В прошлом играл *вальс*, слышалась *воркотня самовара*, звучали *молодые добрые голоса*. В настоящем *трещит нагоревшая свеча, скрипит мороз, кашляет сосед за стеной, слышен старческий шепот*. *Патриархальный* означает “стародавний”, “традиционный”. В соединении со словом *самовар* обозначает нерушимые, крепкие традиции. Самовар всегда объединял русскую семью. Это – символ уюта, домашнего очага и тепла. И слово *воркотня* – “добродушное ворчание, негромкий разговор” – тоже передает это тепло и семейное счастье. Это не просто “звук”, это “воркотня”, “милый сердцу звук”. А теперь сравним слова *старенький* и *старческий*. Слово *старенький* относится в тексте к предмету в доме, которым всегда пользуются, когда бывает много народу. Пианино, видимо, давно служит хозяевам, оно веселит людей. Это слово имеет ласкательное, доброе значение благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу “-еньк-“. А слово *старческий*? Оно означает “относящийся к старости”, т.е. к увяданию, болезням, немощности. Сразу представляешь одиночество, тоску старого человека, который болен и сильно кашляет за стеной.

5. И опять герой возвращается в сегодня, за стеной кто-то кашляет. Пес “свернулся в калачик”, т.е. лег, согнувшись, потому что ему холодно. Холодно не только псу, но и хозяину. Ему плохо не столько от холода, сколько от одиночества и пустоты. Жизнь прошла, “и все они умерли... умерли...”.

Ключи к послетекстовой работе

1. Перед нами – стихотворение в прозе с рефреном “Как хороши, как свежи были розы”. В нем нет рифмы, но чувствуется ритм, настоящее четко перемежается с прошлым, начинается с описания темной комнаты и заканчивается тем же описанием. Здесь нет эпического повествования, действия. Прошлое в воспоминаниях, оно не реально. Здесь явно вырисовывается лирический сюжет.

2. Стихотворение построено на противопоставлении. Настоящее можно представить в черно-белых тонах (белая зима, темная комната), зато прошедшее возникает в цветных кадрах (и цветущая резеда и липа, и яркие звезды, и алые щеки, и светлые глаза, и русые головки, и серебристый или золотистый, вычищенный до блеска самовар). Полная жизни молодость и полная бездействия старость. Теплое лето и холодная зима. Летняя ночь и зимняя ночь. Много людей и полное одиночество. Антитеза в стихотворении захватывает и фонетический уровень: в зимнем описании много шипящих, глухих согласных (*трещит, нагоревшая, скрипит, старческий*), в описании давно про-

шедших времен преобладают гласные или сонорные (*взволнованно, вдохновенно, лан-неровский, липа, пианино*); и синтаксический уровень: описывая настоящее, автор использует короткие или безличные предложения, усиливающие безысходность и тоску (*мне холодно, я зябну, в комнате все темней и темней*), в то время как прошлое представлено сложными предложениями. Маленький объем произведения позволяет выдержать четкость композиции. Описания мелькают, как фотографии, они выхватывают какой-то момент жизни и исчезают.

3. Тургенев не случайно приводит фразу из стихотворения Мятлева. Ведь роза – символ не только красоты и молодости, но и быстрого увядания. Как хороши и свежи *были* розы. В стихотворении Пушкина “Где наша роза...”, столь же безупречном в построении текста и в котором, как нам кажется, присутствует грусть, есть утешительная мысль, что каждый период жизни хорош по-своему. Ведь после молодого возраста следует пора зрелости.

4. Конечно же, назвать оптимистичным это стихотворение нельзя. Герой стар и одинок, он потерял всех, он потерял молодость. Ему больше нечего ждать и не на что надеяться. У него нет будущего, и рядом нет никого.

Однажды, в какой-то аудитории, когда обсуждался этот вопрос, одна из студенток стала спорить с преподавателем. Она утверждала, что герой прожил неплохую жизнь, с ним остались воспоминания лучших дней, и он не должен чувствовать себя несчастным. И, кроме того, стихотворение заканчивается позитивной строкой о розах. Несмотря на попытки объяснить смысл стихотворения, она осталась при своем мнении. И преподаватель не стал ее разубеждать. Для объективного восприятия текста иногда бывает нужно, чтобы прошло время.

Обобщая вышесказанное, приходим к следующему заключению: значительное место в изучении языка должно отводиться комментированию и интерпретации художественного текста. Именно с помощью аутентичного художественного текста учащиеся не только развивают навыки речевой деятельности, но и постигают дух, культуру и психологию носителей данного языка.

Библиографический список

1. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
2. Успенская И.Д. Об учебном комментировании художественных текстов // Русский язык за рубежом. 1983, № 2.
3. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста // Материалы III Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. 1962.

References

1. Turaeva Z.Ya. Text linguistics. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1986, 126 p.
2. Uspenskaya I.D. On the academic commentary of literary texts // Russian language abroad/ 1983, № 2.
3. Shanskiy N.M. Linguistic analysis of literary text // Proceedings of the III International Methodological Seminar for Russian language teachers of the socialist countries/, 1962.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 821. 161. 1. 09

Национальный фармацевтический университет в г. Харькове

канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук

Долгая Е.А.

Украина, г. Харьков,

тел. +380669709433

e-mail: dolgaya_e@mail.ua

Kharkiv National University of Pharmacy in Kharkiv

Department of the Humanities

PhD, assistant professor

Dolgaya Ye.A.

Ukraine, Kharkov,

380669709433

e-mail: dolgaya_e@mail.ua

Национальный фармацевтический университет в г. Харькове

канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук

Синявина Л.В.

Украина, г. Харьков,

тел. +380577718161

e-mail: sinyavina27@gmail.com

Kharkiv National University of Pharmacy in Kharkiv

Department of the Humanities

PhD, assistant professor

Sinyavina L.V.

Ukraine, Kharkov,

+380577718161

e-mail: sinyavina27@gmail.com

Е.А. Долгая, Л.В. Синявина

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ Н.В. СТАНКЕВИЧА

В статье представлен анализ поэтического наследия Н.В. Станкевича, отражающего идеалистическое шеллингианское мировосприятие автора, сформировавшееся под влиянием романтической поэзии 30-х годов XIX века. В лирике Н.В. Станкевича 1832-1834 гг., отражающей его приобщение к «поэзии мысли», поднимаются в основном философские проблемы.

Поэтическое творчество Н.В. Станкевича осуществляется в русле философского романтизма. Его поэзия строится на лейтмотивах. В своих стихотворениях он постоянно обращается к ключевым для него темам: выбора жизненного пути, осознания своего предназначения, готовности к совершению духовного подвига во имя человечества. Поднимающие эти проблемы стихотворения «Отшельник», «Два пути», «Подвиг жизни» носят программный характер.

Ключевые слова: поэтическое наследие, идеалистическое шеллингианское мировосприятие автора, романтическая поэзия, «поэзия мысли», философские проблемы.

Ye.A. Dolgaya, L.V. Sinyavina

PHILOSOPHICAL MOTIVES OF LYRICS OF N.V. STANKEVICH

The article presents the analysis of the poetic heritage by Stankevich, reflecting the Schelling idealistic worldview of the author, formed under the influence of the romantic poetry of the 30s of XIX century. The lyrics

by Stankevich during 1832-1834, reflecting his familiarizing to the "poetry of a thought", raised mainly philosophical problems.

The poetry by Stankevich is in the line with philosophical Romanticism. His poetry is based on the keynotes. In his poems, he constantly refers to the key topics for himself such as: life choices, realizing his destiny, being ready to commit spiritual feat in the name of humanity. Raising these issues the poems "The Hermit", "Two Ways", "Feat of life" have programmatic ideas.

Key words: poetic heritage, Schelling idealistic worldview of the author, romantic poetry, "poetry of thought" philosophical problems.

Поэтическое наследие Н.В. Станкевича является неотъемлемой частью русской романтической поэзии 1830-х годов. Не став выдающимся явлением в контексте эпохи, не отличаясь высокими художественными достоинствами, его поэзия не была все же заурядной литературной продукцией. Ибо высота нравственного чувства, уровень образованности и, наконец, присущее Н.В. Станкевичу поэтическое чутье спасали его произведения от пошлости, хотя и не поднимали их до уровня большой поэзии.

Поэтическое творчество Н.В. Станкевича представляется важным и интересным как творчество человека, который был одним из умственных центров своего времени. Духовная значимость его личности стимулирует интерес к его литературному наследию. Целью данной статьи является осуществление целостного исследования поэтического творчества Н.В. Станкевича, отразившего его приобщение к «поэзии мысли». Данное исследование будет способствовать формированию более полного представления о литературном процессе 1830-х годов, так как творчество Н.В. Станкевича – характерная страница русского романтизма этого периода.

Проведенный анализ критической литературы последних лет свидетельствует о том, что поэзия Н.В. Станкевича не была предметом специального изучения. Творческое наследие Н.В. Станкевича исследователи рассматривали в контексте его личного влияния на современников, его вклада в распространение немецкой идеалистической философии в России 1830-х годов, а также изучения поэтического творчества членов кружка Н.В. Станкевича.

Исследователи, обращавшиеся к поэтическому творчеству Н.В. Станкевича (П.В. Анненков, Л.Я. Гинзбург, С.И. Машинский, Л.Г. Фризман, Ю.В. Манн), относят его стихотворения к произведениям второстепенного ряда. Вместе с тем они отмечают философичность его поэзии, осязаемое влияние на нее поэзии Любомудров. Отметим, что в работах этих исследователей не был произведен целостный анализ тематического и идейно-стилевого своеобразия поэзии Н.В. Станкевича.

В 1831 году в духовной жизни Н.В. Станкевича происходит перелом. Он начинает сознательно приобщаться к «поэзии мысли». В его лирике, как и в лирике Е.А. Баратынского этого периода, усиливаются философские мотивы. Романтическое противостояние избранной личности толпе невежд осложняется у Н.В. Станкевича «романтико-философским отображением противоречивой взаимосвязанности конечного человеческого существования и бесконечного мироздания» [11; с. 21].

Если в стихотворениях Н.В. Станкевича 1829 – 1833 годов преобладали патриотические и социальные мотивы, то в стихотворениях 1832 – 1833 годов поднимаются нравственно-философские вопросы, разрабатывается по преимуществу тема поисков жизненного пути.

Опираясь на идеалистическую философию Шеллинга, Н.В. Станкевич рассматривал весь мир, в том числе и искусство, как отражение одной бесконечной идеи. Есть две дороги, приводящие к различным целям, – светлая и позорная. Только человек, выбирающий светлую дорогу, то есть отрекающийся от своего «я», от «борьбы со всем, что

затемняет лик идеи и неограниченной любви» [1; с. 39], сможет соединиться с бесконечной идеей.

Общеромантическая проблема выбора жизненного пути представлена в стихотворениях «Два пути» (1832) и «Отшельник» (1832). Впервые тема «распутья», раздвоенности сознания и устремлений лирического героя поднимается Н.В. Станкевичем в стихотворении «Два пути». Лирический герой, подобно сказочному персонажу, стоит на распутье. Только перед ним не три дороги, а две. В тяжелой борьбе с самим собой он должен выбрать или мрачный путь (который, согласно концепции Станкевича, является «светлым») или веселый путь («позорный»). Веселый путь манит его, но поэт размышляет: «Может, путь печали / Скрывает небо за собой!» [9; с. 114]. Ведь жизнь быстротечна, а земные радости преходящи. Поэтому он решает:

Забуду ж свет! К неизвестной цели
Пройду через тернистый путь!
К гробам – чтоб страсти омертвели,
Чтоб охладела к миру грудь!
И, заглушивши сердца злобу,
Благословил я мрачный вход:
Что нужды? Жизнь ведет ко гробу –
Быть может, к жизни гроб ведет [9; с. 114].

Однако его все же мучает вопрос:

Но что же мне в замену света?
Брожу один в могильной мгле,
Взываю к небу и земле –
Земля и небо без ответа [9; с. 114].

В стихотворении «Отшельник» (1832) ставится проблема «отпадения сознающего себя духа от «божьего мира» и поиска путей воссоединения с ним» [11; с. 21]. Отметим, что в романтической поэзии, современной и предшествующей Н.В. Станкевичу, мы встречаем отверженных (например, герои поэмы М.Ю. Лермонтова «Каллы» (1830), «Отчужденный» (1830) А.И. Подолинского, «Отступник» (1830) Е.П. Даниловой и т.п.).

«Отшельник» Н.В. Станкевича отрекается от мира, ибо в нем он забыл «свое высокое призванье». Ему трудно сбросить с себя жизненные оковы, ведь он все еще продолжает мечтать о любви. Однако он полон решимости отречься от всего земного и найти жизнь «во тьме могилы», то есть вдали от суетного мира. Только так, неся «святое иго», терпя мучения и зло, сгибаясь «под тяжкою веригой», лирический герой сможет возродиться духовно и получить «глагол неба». Тогда наступит для него «час искупления и высшей радости» [7; с. 39]:

Глагол небес преидет в пучины,
И тьмы во прах пред ним падут,
Главы преклонят властелины,
Рабы свободу обретут [9; с. 114].

По замечанию Б.Т. Удодова, в этом стихотворении Н.В. Станкевича, «в отличие от будущего лермонтовского Демона, «падший дух»... свое возрождение к «жизни новой» мыслит не вопреки существующему божественному миропорядку, а через прозрение его высшей гармонии, которая до конца откроется лишь в день Страшного суда» [11; с. 21].

Со временем поэзия Н.В. Станкевича становится все более зрелой философски, более совершенной художественно. Его стихотворения 1833 – 1834 годов, по словам Б.Т. Удодова, «могут быть по праву поставлены в ряд с произведениями философской лирики Баратынского. В них все меньше обольщений и надежд, все больше трезвости ума и драматизма в его столкновениях с правдой сердца. Насыщенность антиномиями

придает им своеобразную внутреннюю диалогичность» [11; с. 22]. Диалогичными становятся и связи между отдельными стихотворениями. Образец «диалога» дает сопоставление двух стихотворений 1833 года «Слабость» и «Подвиг жизни».

Стихотворение «Слабость» тематически примыкает к стихотворениям 1833 года – «Два пути» и «Раздумье». Выбрав тяжкий («мрачный») путь, покинув людей, отринув радости жизни, сгорая от «высокой жажды» познания, лирический герой начинает сомневаться в правильности своего выбора. Может быть, борьба, которую он ведет с самим собой, – напрасна, и он мучает себя зря. Ведь до сих пор цель, которой он должен следовать, ему неизвестна, он не знает, к чему стремится его душа:

Давно, давно я на пути;
Но тщетно цели ищут взгляды. –
Судьба! Что мне твои награды?
Былую веру возврати! [9; с. 117]

Это стихотворение отражает душевное состояние Н.В. Станкевича, испытывавшего, по его признанию, «безнадежность соединиться с тем, к чему душа стремилась» [10; с. 215].

В стихотворении «Подвиг жизни» нашло отражение учение Шеллинга о тождестве: личность, достигшая высшей степени своего развития, «сливается» с природой. Утверждение адекватности между внутренним миром человека и природой нашло свое отражение также в творчестве Д.В. Вененининова, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова.

В «Подвиге жизни» Н.В. Станкевича вновь звучит призыв бежать от «суежных желаний, / От убивающих людей» [9; с. 118], отринуть мир, «попирать его стопой», оставаться верным себе и своему предназначению и тем самым спасти свою душу. Человек должен неустанно искать истину, духовно совершенствоваться –

Тогда свершится подвиг трудный:
Перешагнешь предел земной –
И станешь жизнью повсюдной,
И все наполнится тобой [9; с. 118].

Во что же, в таком случае, обращается жизнь? Что такое действительность? Для Н.В. Станкевича она была лишена самостоятельного значения, она – «не что иное, как поставщик сырого материала, из которого дух творит свои идеалы» [2; с. 187].

На поставленный в стихотворении «Слабость» вопрос: где искать награду за отречение от собственного «я»? – стихотворение «Подвиг жизни» дает ответ: за земным пределом, когда человеческое «я» сольется с абсолютным.

Оба вышеназванных стихотворения отражают моменты, характерные для идеалистического сознания 1830-х годов: рефлексии и выход из рефлексии в «пантеистически-мистическое переживание мира» [4; с. 77].

Характерно озаглавленное стихотворение «Заветное» (1833) в полной мере отражает душевное состояние Н.В. Станкевича. 26 марта 1833 года он пишет Я.М. Неверову: «Что-то проскользнуло по душе, что-то в ней зашевелилось... одним словом, я пришел в то неопределенное, полупоэтическое, полугармоническое состояние, о котором мы часто беседовали, стал было писать стихи... Но чувство... презирало выражение в эту минуту» [10; с. 215].

Душа поэта – героя стихотворения «Заветное» – была полна через край, в ней жили «прекрасные виденья», звучали «звуки чудные». Ему хотелось перелить в чужую душу избыток чувств. Но люди не понимали те святые мечтания, которые жили в его юное сердце. Он осознал, что «звуки чудные» могут жить только в его сердце, мир был бы для них «безответною пустыней». Поэтому он никогда не воплотит эти «звуки чуд-

ные» в слова: «Мои друзья – они сжились со мною, / Со мною в тихий гроб сойдут» [9; с. 117].

В этом стихотворении Н.В. Станкевича отражено характерное для романтической поэзии, в частности поэзии Любомудров, представление о роковом разладе исключительной личности с обыденностью. Этот разлад у Н.В. Станкевича, в отличие от М.Ю. Лермонтова, лишен социальной заостренности, он переведен, как у К.С. Аксакова, в личный план. Вместе с тем в стихотворении Н.В. Станкевича акцент делается не на бессилии поэта выразить сокровенное (что является трагедией времени для М.Ю. Лермонтова и личной трагедией для К.С. Аксакова), а на его нежелании раскрыть свою душу невежественной толпе.

Станкевич, как и Д.В. Веневитинов, остался в плену у русско-французской элегической традиции, разрабатывавшейся русскими поэтами от В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова до А.С. Пушкина и Е.А. Баратынского. Большинство его стихотворений – романтические элегии об одиночестве, несбывшихся надеждах, разочарованиях в жизни, отрешенности от суетного мира, отказе от радостей («Утешение», «Весна», «Два пути», «Раздумье», «Песни», «Слабость», «К месяцу»). Кроме того, Н.В. Станкевич испытал влияние немецких романтиков, в частности Шиллера и Гёте. Он затрагивал такие характерные для романтической поэзии темы, как тема противопоставления избранной личности толпе невежд («Мгновение», «Отшельник», «Не сожалей»), тема духовного подвига («Отшельник», «Подвиг жизни»).

Поэзия Н.В. Станкевича характеризуется отсутствием вычурности, излишней метафоричности, ложного пафоса. Ей присущи естественность, искренность и правдивость в выражении чувств, глубокое философское содержание. Стихотворения Н.В. Станкевича побуждают задуматься над вечными проблемами бытия, стремиться к самосовершенствованию, полной самоотдаче, служению обществу.

Темы поиска, выбора жизненного пути, доминирующие в поэтическом творчестве Н.В. Станкевича, были жизненно важными для поколения 1830-х годов. Многие поэты и писатели этого времени обращались к этим темам, пытались решить актуальные проблемы современности.

В поэзии Н.В. Станкевича отчетливо отражено его стремление понять сущность и назначение человека. Это стремление было характерной чертой русской литературы XIX века. Станкевичу-поэту свойственно пристальное внимание к духовному и нравственному самосовершенствованию человека.

Его поэзия отличается гуманистической направленностью. Она обращена, прежде всего, к описанию внутреннего состояния человека. В его стихотворениях воспроизведен внутренний духовный мир мыслящих людей 1830-х годов, в том числе самого автора. Выраженные в его поэзии размышления о жизни, назначении человека представляют собой верное и правдивое отображение современной Н.В. Станкевичу действительности.

Отметим тот факт, что Н.В. Станкевич писал стихи в основном еще до того, как начал серьезно и систематически заниматься философией. До 1834 года для него было характерно общеромантическое, шеллингианское мировосприятие, сформировавшееся под влиянием романтической поэзии и университетских лекций русских приверженцев натурфилософии – М.Г. Павлова и Н.И. Надеждина. Н.В. Станкевич, в отличие от М.Ю. Лермонтова, обнаружил тенденцию стать поэтом-любомудром. Многие исследователи (С.И. Машинский [7; с. 35], З.А. Каменский [6; с. 196], А.И. Журавлева [5; с. 5]) подчеркивают влияние поэзии Любомудров (Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова) на Н.В. Станкевича. Сам Н.В. Станкевич считал их своими предшественниками.

Любомудры, литературная деятельность которых пришлась на 1820 – 1830-е годы, явились создателями теоретически осознанной философской поэзии, то есть поэзии, «проникнутой мыслью на основе единого и целостного философско-эстетического мировоззрения, – в данном случае романтического идеализма Шеллинга» [8; с. 83]. Эта мысль стремилась «проникнуть в глубинные дали мироздания, в сущность и смысл жизни» [7; с. 34]. В кружке поэтов-любомудров зародилось философско-риторическое направление русского романтизма, последователем которого явился Н.В. Станкевич. Он – поэт философского склада. Его поэзия – «рефлектирующая» – созерцательная, философствующая. Вся она пронизана мыслью – «беспокойной, ищущей, выражающей тревогу за судьбы человечества» [7; с. 41].

В таких стихотворениях Н.В. Станкевича, как «Грусть», «Старая негодная фантазия», «На могиле Эмилии», «Песнь духов над водами», «К месяцу» явственно ощутим философский подтекст, попытка в поэтической форме решить проблемы бренности человеческого бытия, связи человека с природой. Н.В. Станкевич, с детства ощущавший родственную связь с природой, рассматривал последнюю как вечный источник гармонии. Чувство гармонии вселенной, присущее поэту, возникло у него в результате философского восприятия мира, сформировавшегося под влиянием учения Шеллинга.

Человек в поэзии Н.В. Станкевича представляет собой эпицентр противоборства физического и духовного начал. В этом заключается один из неустранимых источников его диссонансов. Невзирая на трагическую конечность существования, человек для Н.В. Станкевича по своим духовно-творческим возможностям – величайшее чудо, «земной бог», прообраз вселенной («На могиле Эмилии», «Вздымают ли бури глубокую душу...»).

Созерцая «миры в тишине голубой», его лирический герой размышлял о вечности, о проблемах мироздания. В силу этого «ночная поэзия» Н.В. Станкевича («Луна», «Элегия») приобретает философское звучание. Отметим, что Н.В. Станкевичу, как и В.А. Жуковскому, близок пейзаж ночи, наводящий на раздумье, на высокие мысли о вечном.

У Н.В. Станкевича, как и у любомудров, на первый план выдвигается «всеподчиняющий абсолют, к гармоническому слиянию с которым непрестанно стремится человеческое я» [3; с. 140] («Подвиг жизни»). П.В. Анненков отмечал: «Мысль и поэзия были основными началами его существования» [1; с. 119]. «Поэзия и философия, – писал Н.В. Станкевич, – вот душа сущего. Это жизнь, любовь; вне их все мертво» [10; с. 450]. Философская мысль, по его убеждению, должна быть воплощена в художественном образе. Отметим, что волновавшие Н.В. Станкевича философские проблемы отразились в его поэзии в абстрактной, символической форме.

Поэзия Н.В. Станкевича, как и поэзия В.А. Жуковского, проникнута неудовлетворенностью существующим порядком вещей. Вместе с тем он не поднимал вопрос о возможности социальной гармонии. Определяющим моментом его мировоззрения являлась идея мировой гармонии, к которой стремится конечная человеческая личность. Вслед за В.А. Жуковским Н.В. Станкевич рассматривал духовные переживания человека как наивысшую ценность.

Н.В. Станкевич, как и члены его кружка (поэты В.И. Красов, И.П. Ключников, К.С. Аксаков), по-своему отразил в своем поэтическом творчестве трагические реалии российской действительности. В последекабристский период крушения высоких идеалов русская мыслящая молодежь 1830-х годов испытывала душевную скорбь, безысходную тоску, глубокую неудовлетворенность жизнью. Все это нашло выражение в творчестве поэтов кружка Н.В. Станкевича. Таким образом, их творчество влилось в

общий литературный поток, который «толкал людей на раздумья, содействовал пробуждению общественного самосознания» [7; с. 33].

Голос поэзии кружка Н.В. Станкевича, по словам С.И. Машинского, «тих и сосредоточен. В ней нет тех мятежных порывов, кипения страстей и напряженного психологизма, которые были свойственны лирике Лермонтова. Поэзия кружка Н.В. Станкевича исполнена мягкого лиризма, это исповедь сердца, реагирующего на боли и радости мира. Она привлекает непосредственностью своего задушевного тона, простотой и сердечностью выраженного в ней чувства» [7; с. 35].

К серьезным недостаткам этой поэзии относится то, что она казалась чересчур однообразной в своем элегическом самовыражении, была ограничена сферой самоанализа, рефлексии и недостаточно связана с объективным миром. Кроме того, хотя поэзия членов кружка Н.В. Станкевича, как и поэзия главы этого кружка, не была лишена социального пафоса, она не имела широкого выхода в историю, что в значительной мере суживало художественные возможности этой поэзии, обедняло ее звучание.

Осуществленный анализ тематического и идейного своеобразия поэтического творчества Н.В. Станкевича, отразившего приобщение поэта к «поэзии мысли», позволил сделать следующие выводы. Поэтическое наследие Н.В. Станкевича является неотъемлемой частью русской романтической поэзии 1830-х годов. Не став выдающимся явлением в контексте эпохи, не отличаясь высокими художественными достоинствами, его поэзия не была все же заурядной литературной продукцией. Ибо высота нравственного чувства, уровень образованности и, наконец, присущее Н.В. Станкевичу поэтическое чутье спасали его произведения от пошлости, хотя и не поднимали их до уровня большой поэзии. Поэзия Н.В. Станкевича отразила духовную атмосферу общественной жизни, установившуюся после поражения декабристского восстания 1825 года. В жестких условиях политической реакции мыслящие люди России, жившие умом и сердцем, испытывали потребность найти высший смысл бытия, напряженно искали путь к усовершенствованию человека и мира.

Темы поиска, выбора жизненного пути, доминирующие в поэтическом творчестве Н.В. Станкевича, были жизненно важными для поколения 1830-х годов. Многие поэты и писатели этого времени обращались к этим темам, пытались решить актуальные проблемы современности.

В поэзии Н.В. Станкевича отчетливо отражено его стремление понять сущность и назначение человека. Это стремление было характерной чертой русской литературы XIX века. Станкевичу-поэту свойственно пристальное внимание к духовному и нравственному самосовершенствованию человека.

Его поэзия отличается гуманистической направленностью. Она обращена, прежде всего, к описанию внутреннего состояния человека. В его стихотворениях воспроизведен внутренний духовный мир мыслящих людей 1830-х годов, в том числе самого автора. Выраженные в его поэзии размышления о жизни, назначении человека представляют собой верное и правдивое отображение современной Н.В. Станкевичу действительности.

В заключение отметим, что поэтическое наследие Н.В. Станкевича представляет большой интерес, ибо отражает тенденции литературного процесса первой половины XIX века в области тем, проблематики и поэтики. Н.В. Станкевич продолжил художественно-поэтические традиции своих предшественников и занял надлежащее место в русской литературе XIX века.

Перспективы исследования заключаются в осуществлении целостного исследования литературного творчества поэтов кружка Н.В. Станкевича.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Биография Николая Владимировича Станкевича // Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М.: Типогр. Каткова и К^о, 1857. С. 1 – 237.
2. Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг.: Госуд. изд-во, 1923. 319 с.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 407 с.
4. Гинзбург Л.Я. Русская лирика 1820 – 1830-х годов // Поэты 1820 – 1830-х годов. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5 – 105.
5. Журавлева А.И. О поэтах кружка Станкевича (из истории русского романтизма 30-х годов) // Вестник МГУ. 1967. № 4. С. 3 – 14.
6. Каменский З.А. Московский кружок любителей. М.: Наука, 1980. 327 с.
7. Машинский С.И. Кружок Н.В. Станкевича и его поэты // Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 5 – 70.
8. Орлов Вл. Поэты 1820 – 1830-х годов // Литературная учеба. 1940. № 4 – 5. С. 80 – 95.
9. Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 617 с.
10. Станкевич Н.В. Переписка: 1830 – 1840-е годы / Ред. и изд. А.И. Станкевича. М.: Типогр. тов-ва А.И. Мамонтова, 1914. 787 с.
11. Удодов Б.Т. Человек должен сам себя создавать // Станкевич Н.В. Поэзия. Проза. Статьи. Письма. Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1988. С. 5 – 35.

References

1. Annenkov P.V. Biography of Nikolai Vladimirovich Stankevich // Stankevich N.V. His correspondence and biography, written by Annenkov P.V. M.: Printing house. Katkov and Co., 1857. P. 1 – 237.
2. Gershenzon M.O. The story of a young Russian. M.; Pg.: Govern. Publishing House, 1923. 319 p.
3. Ginzburg L.Ya. About the poetry. L.: Sov. writer, 1974. 407 p.
4. Ginsburg L.Ya. Russian poetry of 1820 – 1830-ies // Poets of 1820 – 1830-ies. L.: Sov. Writer, 1961. P. 5 – 105.
5. Zhuravleva A.I. About the Poets Circle of Stankevich (from the history of Russian romanticism 30ies) // Vestnik MGU. 1967. № 4. P. 3 – 14.
6. Kamensky Z.A. Moscow Circle of Wisdomers. M.: Nauka, 1980. 327 p.
7. Mashinskii S.I. The Circle by N.V. Stankevich and his circle of poets // The poets of the circle of N.V. Stankevich. M.; L.: Sov. Writer, 1964. P. 5 – 70.
8. Orlov V. The Poets of 1820 – 1830ies // Literary Studies. 1940. № 4 – 5. P. 80 – 95.
9. The Poets of Circle by N.V. Stankevich. M.; L.: Sov. writer, 1964. 617 p.
10. Stankevich N.V. The Correspondence: 1830 – 1840ies / Ed. and pr.house of A.I. Stankevich. M.: Pr.house of A.I. Mammotov, 1914. 787 p.
11. Udodov B.T. Man must himself create himself // Stankevich N.V. Poetry. Prose. Articles. Letters. Voronezh: Center-Chernosemn. Publishing House, 1988. P. 5 – 35.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LINGVOCULTUROLOGY

УДК 81-25

*Московский гуманитарно-
лингвистический институт МГЛИ
ст. преп. кафедры иностранных языков
Перевалова С.Г.
Россия, Москва, тел. +7 (985) 967 - 02 - 29
e-mail: som.81@mail.ru*

*Moscow international linguistic institute
MGLI
The chair of Foreign Languages
Senior lecturer
Perevalova S.G.
Russia, Moscow, +7(985) 967-02-29
e-mail: som.81@mail.ru*

С.Г. Перевалова

ТОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена роли французских топонимов в повышении мотивации студентов языковых вузов к изучению французского языка. Особое внимание уделяется расширению фоновых, культурологических и исторических знаний обучающихся за счет топонимической лексики с акцентом на исторические события, географические названия, национальные традиции и литературное наследие французского и других народов.

Ключевые слова: фразеология, топонимы, французский язык, история Франции, традиции, географические названия, практика преподавания французского языка.

S.G. Perevalova

PLACE NAMES AS A MEANS OF INCREASING THE MOTIVATION OF STUDENTS OF THE LINGUISTIC FACULTIES IN THE PROCESS OF LEARNING THE FRENCH LANGUAGE

The article focuses on the role of the French place names in the formation of motivation of students of linguistic faculties to learn French. Special attention is paid to the extension of background, cultural and historical knowledge of students at the expense of toponymic vocabulary with a focus on historical events, geographical names, national traditions and literary heritage of the French and other peoples.

Key words: phraseology, place names, French language, French history, traditions, geographical names, the practice of teaching the French language.

Язык – это зеркало любой культуры, через которое мы воспринимаем не только все то, что происходит вокруг нас, но и проникаем в самосознание определенного народа, его менталитет, систему ценностей и национальный характер. Современный лингвист сегодня ясно осознает тот факт, что, чтобы оставаться на уровне в сегодняшнем, постоянно меняющемся мире информации, необходимо как можно более глубоко и детально погружаться в мир изучаемого языка, активно участвовать в межкультурной

коммуникации и обладать полной и исчерпывающей информацией о культурном и историческом наследии носителей.

Ярче всего все сформировавшиеся в процессе исторического становления, развития и обогащения особенности языка находят свое отражение во фразеологии.

«Слово «фразеология» (от греч. *phrasis* «выражение, оборот речи» и *logos* «понятие, учение») имеет несколько значений. В качестве лингвистического термина оно употребляется для обозначения особой отрасли языкознания, которая изучает устойчивые сочетания, называемые *фразеологическими единицами или фразеологизмами* (реже *фразеологическими оборотами*), а также для обозначения совокупности подобных сочетаний, свойственных данному языку» [1; с. 5].

Активное развитие фразеологии в последнее десятилетие можно объяснить тем, что в поле научного поиска появляются все новые и новые предметы исследования, разрабатываются новые методики изучения и более глубокого познания фразеологических единиц, а также укрепляются сами основы фразеологии как науки.

Материалом исследования данной работы послужили французские топонимические фразеологизмы, полученные методом сплошной выборки из разного типа литературных источников и словарей. Общее количество изученных единиц составило: 129 французских топонимических фразеологизмов.

«Само происхождение фразеологических оборотов всегда вызывало повышенный интерес у исследователей. Проводимые во всех странах, включая Францию, этимологические изыскания привели к выделению из фразеологии самостоятельного раздела - фразеологической этимологии. Источники происхождения французских фразеологических оборотов чрезвычайно разнообразны и взяты из разнообразных сфер исторической, политической, экономической и культурной сфер жизни страны. Французские фразеологизмы знакомят нас с духовными ценностями французского народа, рисуют нам картины его исторического и культурного прошлого, раскрывают «французский характер», нравы и обычаи народа» [2; с. 138].

Французские фразеологизмы принято делить на:

1. Фразеологизмы нетерминологического происхождения, которые включают в себя:

- 1) фразеологизмы, связанные с национальными реалиями:
 - с историческими фактами, созданными на основе исторических событий,
 - с народными поверьями и легендами, в основе которых лежит какое-либо народное поверье, и уходящими своими корнями в далекое прошлое;
 - с нравами и обычаями французского народа, восходящими к прошлым эпохам и, как правило, с устаревшими на сегодняшний день обычаями и нравами;
 - с исторических фразами и цитатами известных личностей;
 - с анекдотическими рассказами;
 - с художественной литературой разных эпох и жанров;
- 2) фразеологизмы, связанные с человеком:
 - содержащие антропонимы, то есть слова-компоненты, обозначающие лицо;
 - содержащие соматизмы, то есть слова-компоненты, обозначающие части тела;
- 3) фразеологизмы, связанные с природой (неживой или живой);

2. Фразеологизмы терминологического происхождения, связанные:

- 1) с военным делом;
- 2) с морской терминологией;
- 3) с охотой;
- 4) со спортом, верховой ездой, играми;
- 5) с судопроизводством и юриспруденцией;

- б) с медициной;
- 7) с финансовыми делами;
- 8) с различными ремеслами и искусством;
- 9) с лингвистическими терминами.

В данной работе мы наиболее подробно остановимся на фразеологических единицах нетерминологического происхождения, связанных с национальными реалиями, историческими фактами, культурными традициями и литературными источниками, - так называемых *топонимах*.

Топонимы – часть словарного состава языка конкретного этноса, формирующаяся в соответствии со словообразовательными моделями конкретного языка и подчиняющаяся его языковым закономерностям.

Так же как и любая лексическая единица языка, топонимическое имя имеет своё значение, которое включает лингвистическую и экстралингвистическую части.

В состав лингвистического аспекта значения топонимического имени входят специфика существования имени в языке, его история, этимология и современное восприятие.

Экстралингвистический аспект значения топонима включает культурно-исторические ассоциации, специфику связи имени с именуемым объектом, степень известности объекта.

Топонимы дают представление об особенностях страны, города, местности, их физико-географических (ландшафт, рельеф), исторических, культурных, литературных и других характеристиках и особенностях. Они содержат в себе огромный объём информации обо всем, что происходило и происходит в жизни конкретного народа и относятся к национально окрашенной лексике.

Реалии, обозначаемые фразеологизмами с компонентом-топонимом, самым тесным образом связаны с географией и историей страны, традициями, характерными для жителей отдельных стран, городов и областей.

Рассмотрим некоторые из них:

1) *abeille de la France* – «пчелка Франции», «трудовая пчела Франции». Речь в данном выражении идет о Шарле Роллене, величайшем французском историке и педагоге XVII – XVIII вв. Именно так назвал величайшего историка сам Монтескье за его заслуги и огромный вклад в изучение истории античного мира и во французскую педагогику;

2) *âgé comme le Pont-Neuf* (разг.) - «стар как мир» (букв.: «стар как Новый Мост»). Данное выражение возникло тогда, когда Новый Мост, не смотря на свое название *neuf* «новый», оказался самым старым мостом в Париже;

3) *ahuri (abruti) de Chaillot* (устар.) – «неотесанный болван» (букв.: «изумленный из Шайо»). Шайо – это название бывшей деревни на берегу Сены. Деревня эта находилась в непосредственной близости от Парижа и долгое время оставалась вне его черты. При Людовике XVI Шайо входит в черту столицы. Узнав новость о том, что теперь они парижане, жители Шайо были крайне удивлены;

4) *aigle de Meaux* - «Орел из Мо». Речь в данном случае идет о французском писателе и епископе Боссюэ (1627-1704), который в 1681 году был назначен епископом города Мо, расположенного на Сене-э-Марне. Орлом назвали его за его духовную высоту;

5) *aller à Angoulême*-«хорошо поесть», «наесться» (букв.: «поехать в Ангулем»). Образовано как каламбур от глагола *engouler* «класть в горло»;

б) *aller à Cachan* «спрятаться, схорониться». От глагола *se cacher* «прятаться»;

7) *aller à Canossa* – «подвергнуть себя унижению», «принести повинную» (букв.: «пойти (поехать) в Каноссу»). Немецкий император Генрих IV подвергся публичному унижению в 1077 году перед Папой Георгием VII в итальянском городе Каносса;

8) *aller à Cracovie* – «врать», «лгать», «выдумывать». От существительного *craque* «ложь», «выдумка» и географического названия *Cracovie* «Краков»;

9) *aller à Cornouailles* «стать рогоносцем» (букв.: «поехать в Корнуэй»). Корнуэй – это район на юго-западе провинции Бретань. Возможно, ассоциация получила свое развитие на базе слова *corne* «рог»;

10) *aller à Dormillon* – «пойти спать» (букв.: «пойти в Дормийон»). Вымышленное географическое название *Dormillon* образовано от глагола *dormir* «спать»;

11) *aller à Niort* (разг.) – «отрицать» (букв.: «идти в Ниор»). Выражение сформировано как каламбур от глагола *nier* «отрицать» и названия города на западе Франции – *Niort*;

12) *aller à Rouen* – «оказаться в криминальной ситуации» (букв.: «поехать в Руан»). Фразеологизм основан на игре слов: *Rouen* – названия города и французских глаголов *rouer* «бить, колотить» и *ruiner* «разрушать»;

13) *aller en Bavière* – «брызгать слюной» (букв.: «отправиться в Баварию»). Образовано от глагола *baver* «плевать» и географического названия *Bavière* «Бавария»;

14) *aller en Flandre sans couteau* – «приняться за какое-либо дело, не запасясь всем необходимым» (букв.: «отправиться во Фландрию без ножа»). Выражение восходит к тем временам, когда на многих постоянных дворах Фландрии не хватало посуды для постояльцев. В связи с этим, отправлявшиеся в эту страну путешественники брали с собой предметы домашней утвари и, в первую очередь, ножи;

15) *aller en Suède* – «потеть» (букв.: «поехать в Швецию»). Образовано от глагола *suer* «потеть» и от географического названия *Suède* «Швеция»;

16) *ânes de Beaune* (шутл.) – «житель Бона» (букв.: «осел из Бона»). Так жители Дижона обращались ранее к жителям Бона. В XIII веке в Боне жила богатая семья купцов по прозвищу *Asne* (*asne* – старая форма слова *âne*). Когда речь шла о них, то в округе говорили *Asne de Beaune*. Со временем слово *Asne* стало восприниматься как *ânes* «ослы»;

17) *Après vous, Messieurs les Anglais* (разг.) – «после Вас, господа Англичане». Выражение является формулой вежливости, когда желают уступить честь первым начать что-либо. Его возникновение связано с военным эпизодом, происшедшим 11 мая 1745 года во время битвы при Фонтенуа (Бельгия), где французская армия одержала победу над войсками Англии, Голландии и Австрии. В начале сражения лорд Хей вышел вперед и сказал: «Господа французские гвардейцы, стреляйте!» Но командующий французской армией граф д'Антеррош ответил на это следующими словами: «После вас, господа англичане, мы никогда не стреляем первыми!»;

18) *arriver avec les pompiers de Nanterre* – «приезжать с опозданием» (букв.: «приезжать вместе с пожарными Нантерра»). В Нантерре располагались основные части пожарных, но, когда случались большие пожары, то часто эти формирования прибывали слишком поздно для оказания помощи;

19) *au diable Vauvert (vauvert)* (разг.) «у черта на куличках», «куда Макар телят не гонял» (букв.: «К черту Вовер»). В замке *Vauvert* близ Парижа, по преданиям, водилась нечистая сила после того, как в нем поселился Филипп Август, отлученный от церкви;

20) *avoir l'air de revenir de Pontoise* (разг.) – «выглядеть провинциалом», «иметь растерянный вид» (букв.: «иметь вид человека, возвратившегося из Понтуаз»). Выражение это связано с историей Парижского парламента, который за время своего существования трижды переезжал в Понтуаз, город к северо-западу от Парижа. В послед-

них двух переездах парламент был переведен в полном составе в наказание за непокорность королю. Возвращаясь из ссылки в Париж, члены парламента имели растерянный вид;

21) *avoir le pied parisien* – «быть истинным французом» («букв.: «иметь парижскую ногу»);

22) *avoir passé le pont de Jurnay* - «о распутной женщине» (букв.: «пройти через мост Журная»). Выражение намекало на монахинь Шелля-на-Марне, которые часто проходили через мост Журная с целью навещать монахов одноименного аббатства;

23) *bâtard de Caux* - «младший сын, лишенный наследства» (букв.: «внебрачный сын из Ко»). Ко – это область на северо-востоке Нормандии, на Ла-Манше;

24) *batir (faire) des châteaux en Espagne* - «строить воздушные замки» (букв.: «строить замки в Испании»). Выражение возникло после похода в Испанию в 1095 году Генриха Бургундского. За оказанную им помощь королю Кастилии Альфонсу VI молодой полководец получил в награду руку его дочери и обширные владения, на которых он стал воздвигать великолепные замки. Его успехи вызвали такую зависть у многих его соотечественников, которые с тех пор не могли более думать ни о чем, как «строить замки в Испании»;

25) *berger de Mantoue* – «пастух из Мантуи». Речь в данном случае идет о Вергилии;

26) *berger de Syracuse* – «пастух из Сиракуз». Речь в данном случае идет о Феокрите;

27) *cap de Trafalgar* (прост.) – «тревога, волнение», «неожиданная катастрофа» (букв.: «мыс Трафальгар»). Выражение образовано от названия морского сражения у мыса Трафальгар в Испании в 1805 году во время войны Франции против антифранцузской кампании. Поражение на этом сражении для французов явилось «неожиданной катастрофой»;

28) *ça tombe comme à Gravelotte!* (разг.) – «дождь льет как из ведра», «о людях, которые попали под град пуль, ударов и т. п.» (букв.: «падает, валится как в Гравелот»). Выражение связано с битвой, состоявшейся в местечке Гравелот недалеко от города Метц 18 августа 1870 года между армиями де Базена и прусского принца Фредерика Шарля;

29) *cela fera du bruit à Landerneau* (шутл.) - «незначительная новость, способная возбудить любопытство людей» (букв.: «это наделает шум в Ландерно»). Выражение берет свое начало из комедии писателя Александра Дювала «Наследники». Узнав о неожиданном возвращении морского офицера, родственники которого, считая его мертвым, собираются поделить между собой наследство, один из персонажей Ален восклицает данные слова. Ландерно - небольшой город в провинции Бретань;

30) *Cent-Suisse* (устар.) - «швейцарская гвардия французских королей»;

31) *ce sont les vignes de Courtille, belle montre, peu de rapport* - «с виду хорошо, а толку нет» (букв.: «это виноградники Куртия красивы на вид, урожая мало»). Куртий – один из кварталов Парижа, где нередко рождались разнообразные каламбурные выражения со словом court «короткий»;

32) *c'est de l'or de Toulouse qui lui coûtera bien cher* - «все равно, проку ему от этого не будет» (букв.: «это золото Тулузы, которое будет стоить очень дорого»);

33) *c'est la glosse d'Orléans, plus obscure que le texte* (устар.) - «путаное, сложное объяснение, затуманивающее суть дело» (букв.: «это орлеанская глосса — более туманная, чем сам текст»). «Глосса» - толкование слова или выражения преимущественно в древних рукописях. Но нередко эти глоссы были настолько пространны, что по своей сложности превосходили сам текст, делая его, таким образом, менее понятным;

34) *c'est le greffier de Vaugirard qui ne peut écrire quand on le redarde* - «о том, кто не может работать в присутствии других» (букв.: «секретарь Вожирара не может писать, когда на него смотрят»). Согласно старому анекдоту, секретарь деревни Вожирар исполнял свои обязанности при плохом освещении, затыкая даже маленькое окно;

35) *c'est l'oeuvre de Notre-Dame, qui ne finit jamais* - «не сразу дело делается» (букв.: «сооружение Нотрдама никогда не кончается»). Выражение образовано как намек на длительное строительство Собора Парижской богородицы, длившееся с 1163 по 1245 год;

36) *c'est le Sahara* - «невыносимая жара» (букв.: «это Сахара»);

37) *chapon de Normandie* - «корка хлеба в похлебке» (букв.: «нормандский каплунок»). Нормандия - область, расположенная на севере Франции. Выражение же это связано с тем, что в данной провинции вместо каплуна (кастрированный петух, откармливаемый на мясо) в похлебку кладут корку хлеба, а само приготовление каплуна является очень почетным в кулинарном искусстве;

38) *chemin (route) de Damas* - «путь, на котором человек находит свое истинное призвание» (букв.: «дорога в Дамаск»). Согласно евангельскому преданию, именно по пути в Дамаск святой Павел уверовал в Христа;

39) *citoyen de Genève* - «женевский гражданин». Речь в данном случае идет о Жан-Жаке Руссо (1712-1778);

40) *coq d'Inde* (разг.) - «напыщенный, ограниченный человек» (букв.: «индийский петух»);

41) *Conturbie, Brésollettes et Prépotin ne peuvent, à elles trois, nourrir un lapin* - «Контурби, Брезолетт и Препотен, все трое, не могут прокормить и кролика». Намёк в данном выражении делается на неплодородность земли этих трёх местностей;

42) *coup de Bourse* - «удачная биржевая спекуляция» (букв.: «удар Бурс»). Бурс - здание фламандского происхождения, известное с XVI века. Гостиница в Бурже, принадлежавшая роду Ван дер Бурсов, в то время служила местом встреч и собраний торговцев, банкиров и финансистов;

43) *cour des Miracles* - «сборище нищих, убогих» (букв.: «Двор чудес»). Именно так назывался притон в Торговом квартале средневекового Парижа, где собирались все нищие города, тотчас «выздоровливавшие» в полночь, для того, чтобы предаваться кутежу, пьянству и сводить счеты друг с другом;

44) *cousin à la mode de Bretagne (de Picardie)* - «двоюродный брат», «дальний родственник», «седьмая вода на киселе» (букв.: «кузен по-бретонски»). Во французской провинции Бретань существовал обычай называть кузенами самых дальних родственников;

45) *cravaté à défier toute la Croatie* - «в превосходном галстуке» (букв.: «в галстуке на зависть всей Хорватии»). Эта деталь нашей одежды появилась во время Тридцатилетней войны (1618-1648) от названия войск Royal-Cravate, которое Луи XIV дал своему хорватскому полку;

46) *créance hypothéquée sur les brouillards de la rivière (de la Seine, de la Garonne, de la Tamise)* - «ненадежный документ», «филькина грамота» (букв.: « грамота, составленная в туманах реки (Сены, Гаронны, Темзы)»);

47) *crétin des Alpes (du Valais)* - «глупый», «идиот» (букв.: «кретин из Альп (из Вале)»). Выражение связано с диалектным вариантом *chrétien* «христианин», которое в XVIII в. употреблялось в значении «недалекий». Позже слово *crétin* «кретин» стало синонимом слова «глупость»;

48) *de quelque côté que le vent vente, l'abbaye de Fécamp a rente* - «с какой бы стороны ветер не дул, у аббата из Фекам постоянный источник дохода»;

49) *desdemoiselles des Marais* (устар.) – «девицы легкого поведения» (букв. «девицы из Маре»). Некогда они жили в квартале *des Marais* в Париже;

50) *dormir comme une toupie d'Allemagne* - «очень крепко спать» (букв.: «спать как немецкий волчок»);

51) *envoyer à Vatan* (разг.) - «вытурить» (букв.: «отправить в Ватан»). Построено данное выражение на сходстве звучания выражения *va-t'en* «убирайся» и названия главного города департамента Эндр;

52) *être de la Champagne pouilleuse* - «быть бедным» (букв.: «быть из убогой Шампани»). Шампань, историческая провинция Франции, является засушливой, и неплодородной;

53) *faire la conduite de Grenoble* (разг.) – «враждебно принять, освистать», «выгнать в шею из дома» (букв.: «устроить гренобльские проводы»). Данное выражение содержит намек на историческое событие, когда известный полководец времени правления Людовика XIII герцог Лесдигийер (1543-1626) потерпел поражение при попытке захватить город Гренобль. Жители Гренобля обратили солдат в бегство, забросав их камнями, устроив им таким образом «гренобльские проводы»;

54) *faire la rue Michel* - «быть в достаточном количестве» (букв.: «пройти по улице Мишель»). Лингвисты объясняют образование этого фразеологизма результатом каламбура между выражением *faire le compte* «произвести счет» и названием улицы в Париже *Michel-le-Compte*;

55) *faire le suisse* - «пить или есть в одиночку», «держаться особняком, в стороне» (букв.: «делать как швейцарец»). Выражение данное связано с тем, что швейцарские гвардейцы имели привычку есть и пить в одиночку;

56) *faire tourner comme une toupie d'Allemagne* – «вертеть кем-либо как угодно» (букв.: «заставлять вертеться как немецкий волчок»);

57) *faire tout à rebours comme les cordeliers d'Antibes* (устар.) - «делать точно противоположное тому, что надо делать» (букв.: «делать все наоборот, как монахи из Антиб»). Образовано как намек на исполнение обрядов во время празднования святого Иннокентия в Антибах, города в приморских Альпах;

58) *femme de Quartier* - «любовница студента» (букв.: «женщина Латинского квартала»). *Quartier* - Латинский квартал Парижа, в котором живут студенты;

59) *filles aînées des rois de France* – «детище французских королей» (букв.: «старшая дочь французских королей»). Речь в данном случае идет о Сорбонском университете, основанном в 1257 году Робертом де Сорбоном;

60) *fossoyeurs de la France (de la République)* - «могильщики Франции». Речь в данном случае идет о правителях Франции, подготовивших разгром и капитуляцию 1940 года;

61) *fourches Caudines* - «Кавдинское ущелье». В ущелье Кавдия римская армия, разбитая в 321 году до н.э. самнитами, прошла под ярмом;

62) *fuite de Varennes* «попытка незаметно уйти» (букв.: «бегство в Варенну»). Попытка Людовика XVI бежать с семьей 20 июня 1791 года была сорвана революционерами, задержавшими короля в Варенне;

63) *gibier de Cayenne* (прост.) - «вор, убийца, злодей» (букв.: «дичь Кайенны»). В прошлом преступников Франции ссылали в Кайенну (административный центр «заморского департамента» французской Гвианы);

64) *grandes eaux (de Versailles)* - «день пуска всех фонтанов в Версальском парке» (букв.: «большие воды Версаля»). Версаль — пригород Парижа, в 1682-1789 годах резиденция французских королей ;

65) *homme de Sedan* - «герой Седана». Речь в данном случае идет о Наполеоне III.

Седан - город на реке Мез, недалеко от которого в 1870 году во время франко-прусской войны германские войска разбили французскую армию во главе с императором Наполеоном III;

66) *ici et en Espagne mal vit qui ne gagne* – «без труда не выловишь и рыбку из пруда» (букв.: «здесь и в Испании тот плохо живёт – кто не работает»);

67) *il a été à Saint-Malo (les chiens lui ont mangé les os)* – «он очень худ», «у него очень тонкие ноги» (букв.: «он был в Сен-Мало, собаки сгрызли его кости»). Выражение связано с историей Сен-Мало, города в Бретани, где в XII в. большинство жителей города Сен-Сервана, спасаясь пиратов, переселились на остров в устье реки Раис и обосновали там город по имени своего епископа. Вскоре город превратился в крепость и чтобы оградить себя от внезапного удара, жители Сен-Мало каждую ночь выпускали специально дрессированных собак, которые набрасывались на всех, кого встречали у крепости, и, естественно, в первую очередь, кусали их за ноги;

68) *il est venu à Paris en sabots* – Париж – город для зарабатывания денег (букв.: «он пришел в сабо (бедняком) в Париж и там разбогател»);

69) *il faut vivre à Rome comme à Rome* «живи в Риме как Римлянин, в чужой монастырь со своим уставом не ходят» (букв.: «нужно жить в Риме как в Риме»);

70) *il grandira, car il est Espagnol* (шутл.) - «о людях и вещах из Испании» (букв.: «он подрастет, так как он испанец»). Стих был взят из комической оперы Оффенбаха «Перикола» (1868). «Грипп усилится, так как он испанец», - говорили об эпидемии зимой 1918 года, которая унесла много жизней сначала в Испании, затем во Франции;

71) *il n'est bon bec que de Paris* «только у парижан язык хорошо подвешен» (букв.: «самая лучшая глотка Парижа»);

72) *il y a des lieux où il faut appeler Paris Paris, et d'autres où il faut appeler capital au royaume* - «есть места, где нужно называть Париж Парижем, а есть другие места, где нужно называть его столицей королевства»;

73) *image d'Epinal* - «чересчур схематичное представление сложной реальности», «чрезмерный оптимизм» (букв.: «картина Эпиналя»). Образовано как намек на известные лубочные картинки, бесхитростно иллюстрирующие героическую песню или историческое событие, изготавливаемые в Эпинале, административном центре департамента Вогезы, начиная с 1790 года;

74) *jardin de la France* (книжн.) - «сад Франции». Под садом этим подразумевается Турень, историческая провинция в бассейне реки Луары;

75) *la France est le coeur du monde* – «Франция – сердце мира»;

76) *la France est le plus beau royaume après celui du ciel* – «Франция – лучшее царство после небесного»;

77) *la France et le reste du monde* – «Франция и остальной мир»;

78) *la roche Tarpéienne est près du Capitole* - «от славы до позора один шаг», «от великого до смешного один шаг» (букв.: «Тарпейская скала находится рядом с Капитолием»). В древнем Риме приговорённых к смерти сбрасывали с Тарпейской скалы, находившейся недалеко от Капитолия;

79) *le blanc et le noir ont fait Venise Riche* - «чёрное и белое сделали Венецию богатой». Под белым «le blanc» и черным «le noir» в данном случае подразумеваются хлопок и перец;

80) *le froid sibérien* – «очень сильный холод» (букв.: «сибирский холод»);

81) *les fils de la France* – «французы» (букв.: «сыны Франции»);

82) *marquis Argencourt* (разг., шутл.) – «бедный, нищий маркиз» (букв.: «маркиз Аржанкур»). В основе данного выражения лежит игра слов, построенная на сходстве по

звучанию вымышленного географического названия *Argencourt* и выражения *à court d'argent* «без денег»;

83) *monsieur de Paris* (уст.) – «палач» (букв.: «господин из Парижа»);

84) *monter au Capitole* – «торжествовать» (букв.: «подниматься на Капитолий»);

85) *mouton de Berry* (прост.) – «человек с отметиной на носу» (букв.: «баран Берри»). В провинции Берри существует особая порода барана с отчетливой широкой отметиной на носу;

86) *Mortain plus de roches que de pain* - «в Мортене больше скал, чем хлеба»;

87) *ne pas savoir toutes les foires de Champagne* - «не знать всех тонкостей, иметь поверхностное представление о чем-либо» (букв.: «не знать всех ярмарок Шампани»);

88) *neveu à la mode du Marais* - «незаконный сын» (букв.: «племянник по обычаю Маре»). Выражение связывается с именем французского писателя П. Скаррона (1610—1660). Одна из его сестер, жившая в парижском квартале Маре, имела незаконного сына от придворного вельможи де Трема, который выдавал его за своего племянника. Это вызывало у многих удивление, поскольку всем было известно, что у де Трема не было ни женатых братьев, ни замужних сестер;

89) *niais de Sologne* - «хитрец, разыгрывающий простака» (букв.: «простака из Солонна»). *Sologne* - песчаная и глинистая местность к югу от Парижа;

90) *Normand et demi* - «житель Ле-Мана» (букв.: «нормандская монета с половиной»). Некогда во Франции имела хождение мансийская монета, равная полутора нормандским монетам;

91) *nouvelle Athènes* – Париж (букв.: «Новые Афины»);

92) *la nouvelle (moderne) Babylone* – Париж (букв.: «Новый Вавилон»);

93) *oeuf de Nuremberg* – «старинные часы, луковица» (букв.: «нюрнбергское яйцо»);

94) *ogre de Corse* - «корсиканское чудовище». Речь идет о Наполеоне и о его родине, - острове Корсика на Средиземном море;

95) *oranges de Limousin (à cochons)* - «картофель» (букв.: «апельсин Лимузина»). Лимузин - историческая провинция Франции, известная своими сортами картофеля;

96) *or de Manheim* - «имитация золота» (букв.: «золото Мангейма»). В городе Мангейме было широко распространено производство фальшивых драгоценностей;

97) *on trouve tout comme à la Samartaine* (разг.) - «разнообразие», «изобилие вещей» (букв.: «как в Самартене, все имеется»). Образовано данное выражение на основе рекламы парижского универмага;

98) *Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt* – «более удачлив тот, у кого больше времени для работы», «кто рано встает, тому Бог дает» (букв.: «Париж принадлежит тем, кто рано встает»);

99) *Paris ne s'est pas fait en un jour* - «Париж не за один день строился»;

100) *Paris vaut bien une messe!* - «о людях, которые ради личной выгоды готовы поступиться с совестью» (букв.: «Париж стоит мессы!»). Большинство историков приписывают это выражение Генриху IV Наваррскому (1553-1610), который в 1593 году отрекся от протестантской веры и перешел в католическую, что дало ему возможность вступить в Париж и занять трон;

101) *pas d'argent, pas de Suisse* - «даром ничего не дают» (букв.: «нет денег, нет швейцарцев»). С XV века до конца XVIII века во французской армии служили швейцарские наемники, отличающиеся своей жадностью к деньгам. Каждый раз они громко требовали свое жалованье, а при его задержке и грозились бросить службу, восклицая данной фразой;

102) *paysan du Danube* - «грубоватый, неотесанный человек, который говорит что попало, без разбора» (букв.: «дунайский крестьянин»). Выражение образовано от названия басни Лафонтена;

103) *pays de Cocagne* – «рай земной», «сказочная страна», «молочные реки, кисельные берега»;

104) *pour le roi de Prusse* - «даром» (букв.: «для короля Пруссии»). Выражение содержит намек на скупость прусского короля Фридриха II (1712-1786), который платил своим солдатам жалованье только за 30 дней в месяц. В последний же день месяца солдаты работали бесплатно;

105) *prendre le Pirée pour un homme* - «перепутать вещи, не имеющие между собой ничего общего» (букв.: «принимать Пирей за человека»). Выражение берет свое начало от басни Лафонтена «Обезьяна и наследник», в которой обезьяна рассказывает о Пирее, порте в Афинах, как о своем друге;

106) *prendre Paris pour Corbeil* (устар.) - «совершить большой промах, оплошность» (букв.: «взять Париж за Корбей»). Вероятно, образовано как намек на протестантов, которые, не сумев захватить Корбей, осадили Париж;

107) *Pucelle d'Orléans* - «Орлеанская дева», «девственница». Выражение берет свое начало от названия известной поэмы Вольтера, написанной в 1775 году и посвященной национальной героине французского народа Жанне д'Арк (1412-1431);

108) *querelle d'Allemand* - «ссора из-за пустяков» (букв.: «ссора по-немецки»). Некоторые исследователи - лингвисты связывают происхождение этого фразеологизма с именем могущественного феодального рода Алеманов (*Alleman*), которому в XIII-XIV веках принадлежали крупные владения в провинции Дофине в юго-восточной Франции. Члены этого рода слыли вспыльчивыми и сварливыми людьми, которые из-за самой незначительной обиды брались за оружие. По другой версии, в этом выражении нашло свое отражение издавна сложившееся во Франции мнение о немцах, как о людях вспыльчивых и драчливых;

109) *qui a vu Paris et n'a pas vu Cassis n'a rien vu* – «нет ничего лучше своей родины» (букв.: «кто видел Париж, но не видел Касси, ничего не видел»);

110) *qui veut vivre à Rome ne doit pas se quereller avec le pape* - «нужно приспособиться к обычаям города или жителям» (букв.: «тот, кто хочет жить в Риме, не должен ссориться с папой»);

111) *qui voudrait avoir de bons couteaux, il faudrait aller à Saint-Lô* - «кто хотел бы иметь хорошие ножи, тому следовало бы поехать в Сен-Ло». Производство ножей является важной отраслью промышленности Сен-Ло, города в департаменте Манш в Нижней Нормандии;

112) *répondre en Normand* - «ответить уклончиво» (букв.: «ответить как нормандец»). Не секрет, что хитрость и осторожность являются характерными чертами жителей провинции Нормандия, что и нашло свое отражение в данной идиоме;

113) *représenter les armes de Bourges* - «быть ослом, дураком» (букв.: «показать герб Буржа»). На гербе города Бурж был изображен сидящий на диване осел, который олицетворял римского управляющего, назначенного императором Цезарем;

114) *sage de la Touraine* – «мудрец из Турени». Речь в данном случае идет о философе Рене Декарте (1596-1650). Турень - историческая провинция в бассейне реки Луары;

115) *saucisson de Bologne* - «коротышка, толстый и коротконогий человек» (букв.: «Болонская колбаса»);

116) *se porter comme le Pont-Neuf* (разг.) - «чувствовать себя превосходно», «быть крепким как дуб» (букв.: «чувствовать себя как Новый Мост»). За Новым мостом в Па-

риже укрепилась слава самого прочного. В то время как другие старые мосты неоднократно уносило течением при наводнениях, Новый Мост оказывался всегда целым и невредимым;

117) *si le comté était un mouton, Morogne en serait le rognon* - «если бы графство было бараном, то Моронь был бы его почкой». Почка считается лучшим куском мяса животного, в данном случае употребляется для обозначения лучшей земли;

118) *si Paris était plus petit, on le mettrait dans un baril* - Париж – большой город (букв.: «Если бы Париж был меньше, его поместили бы в бочку»);

119) *solide comme une jument de Perche* - «вынослива как ломовая лошадь» (букв.: «крепкая как кобыла Перша»). *Perche* - лесистая местность к западу от Парижа, известная своими крепкими, упряжными лошадьми;

120) *soûl (ivre) comme un Polonais (comme toute la Pologne)* (разг.) - «пьян как стелька» (букв.: «пьян как поляк», «пьян как вся Польша»). Полагают, что источником этого сравнения послужило стихотворение Вольтера «Послание Екатерине», где речь идет о польском короле Августе II Сильном (1670-1733), который, якобы пользовался любовью народа. Как считают некоторые лингвисты, слова *la Polonais était ivre* из вольтеровского стиха имеют переносное значение и, следовательно, должны быть переведены как «Польша была пьяна от радости». Но в силу народной этимологии слова были истолкованы буквально, в результате чего и возникло данное идиоматическое выражение;

121) *Tartarin de Tarascon* - «болтливый и хвастливый человек» (букв.: «Тартарен из Тараскона»). Образовано от имени главного героя произведения Альфонса Доде;

122) *tomber de Charybde en Scylla* – «очутиться между Сциллой и Харибдой», «попасть из огня да в полымя» (букв.: «упасть с Харибды в Сциллу»). Сцилла – это скала в водах между Италией и Сицилией. Харибда – водоворот у этой скалы. Часто корабли, проплывающие недалеко от Сциллы, рискуют разбиться о нее либо попасть в водоворот;

123) *Tout – Paris* – «высшее общество» (букв.: «главный Париж»);

124) *ous les chemins mènent à Rome* (ирон.) - «все дороги ведут в Рим». В течение веков Рим играл важную роль в мировой истории, в том числе Франции, чем и объясняется образование этого выражения. Впервые оно было истолковано в басне Лафонтена;

125) *vendre les coquilles à ceux qui viennent de Saint-Michel* - «предлагать вещи тому, у кого они имеются в избытке» (букв.: «продать раковины тем, кто приезжает из Сен-Мишеля»). В старину паломники из Сен-Мишеля всегда держали при себе в большом запасе морские раковины;

126) *vérité en-deça des Pyrénées, erreur au-delà* - «об относительном характере понимания правды, истины» (букв.: «истина по эту сторону Пиренеев, ошибка за ними»). Выражение это приписывают естествоиспытателю и философу Блезу Паскалю;

127) *vêpres de Sicile, mâtines de France* «Сицилийская вечерня – французское утро». Данное выражение дает намек на события Варфоломеевской ночи во Франции 1572 г. и Сицилийской вечерни 1282 г.;

128) *voir Naples et mourir* – «лучшего в жизни не увидеть» (букв.: «увидеть Неаполь и умереть»);

129) *vivre comme Dieu en France* – «жить у как у Христа за пазухой» (букв.: «жить как Бог во Франции») и мн. др.

Делая вывод по всему вышесказанному, можно сказать, что во фразеологическом фонде французского языка находит отражение все историко-культурное, национальное и литературное наследие страны. В процессе работы над фразеологизмами студенты более широко знакомятся с культурой страны изучаемого языка, ее традициями, исто-

рическими событиями, литературными и монументальными памятниками, узнают о местонахождении различных географических объектов, расположенных как на территории современной Франции, так и в других странах. Немаловажен и тот факт, что, работая с фразеологическим материалом, анализируя его и сопоставляя с аналогами на русском языке, обучающиеся серьезно расширяют свой лексический запас, совершенствуют устную и письменную речь, делая ее более эмоционально-окрашенной, разнообразной и интересной, что является необходимым условием для плодотворной деятельности переводчика (преподавателя) в современном мире.

Библиографический список

1. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая ШКОЛА, 1987. 288 с.
2. Первалова С.Г. Преодоление трудностей в переводе, понимании и употреблении французских фразеологизмов с национально-культурной спецификой как одно из средств повышения интереса обучающихся к истории и культуре Франции // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения: Сборник научных трудов. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 136-141.
3. Уразметова А.В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц (на материале английского и французского языков) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2006. 22 с.
4. Хайитов Б. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. М.: Московский лицей, 1997. 49 с.
5. [Http://www.akyla.net/frantsuzskie-idiomy-tsitaty-aforizmy](http://www.akyla.net/frantsuzskie-idiomy-tsitaty-aforizmy).

References

1. Nazarian A.G. Phraseology of the modern French language. M.: Higher School, 1987. 288 p.
2. Perevalova S. G. Overcoming of difficulties in translation, understanding and the use of the French phraseological units with national-cultural specifics as one of the means of increasing interest of students to history and culture of France // Modern language education: innovations, problems, solutions: Collection of scientific works. M.: Moscow state humanitarian University the name of M. A. Sholokhov, 2014. P. 136-141.
3. Urazmetova A. V. Linguistic and culturological aspects of the study of toponyms in the composition of phraseological units (on the material of English and French languages) // Abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of philological sciences. Ufa.: Bashkir state University, 2006. 22 p.
4. Khajitov B. French-English encyclopaedic dictionary of phraseology. M.: Moscow Lyceum, 1997. 49 p.
5. [Http://www.akyla.net/frantsuzskie-idiomy-tsitaty-aforizmy](http://www.akyla.net/frantsuzskie-idiomy-tsitaty-aforizmy).

УДК 070

Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске

студент магистратуры направления лингвистики (профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))

Давлетшина С.Р.

Россия, г. Магнитогорск, тел. +7982 3324425

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

masters student

Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

Davletshina S. R.

Russia, Magnitogorsk, +7982 3324425

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЗДАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Автор рассматривает систему построения деятельности информационных технологий, ее основные направления и функции. Актуализируются проблемы информационной рефлексии и методы формирования образов действительности как средств технологизации социального пространства.

Ключевые слова: информационная технология, социальная среда, иллюзорный образ, социальная информация, PR-система, общественное мнение.

S.R. Davletshina

ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN CREATING SOCIAL IMAGES

The author examines the activity of constructing information technology system, its main focus and function. Actualizes the problem of reflection of information and methods of forming images of reality, as a means technologizing social space.

Key words: information technology, social media, an illusory image, social information, PR-system, public opinion.

В настоящее время возникает острая потребность в создании нового класса технологических средств, которые должны быть ориентированы на инновационную реформацию и трансформацию существующих социальных предпочтений общества. Их объектами, становятся не только различные явления, события или процессы, оказывающие влияние на формирование новой социальной реальности, но и общественное мнение, которое играет отнюдь не последнюю роль в развитии этих процессов.

Понятно, что прямой перенос в эту сферу методов и методик, разработанных для микроуровня, невозможен в силу того, что объекты регионального и тем более социального масштаба обладают рядом специфических особенностей. Некоторые из них

мы актуализируем:

- отсутствие единой целевой функции (установки) у субъектов данного социального образования, что обуславливает большое количество причинно-следственных связей, трудно поддающихся формализации;
- значительная роль стихийных факторов в развитии какого-либо социального явления, в качестве которых выступают традиции, ценности, неформальные регулятивы и др.;
- преобладание широкого спектра уникальных проблем, придающих социальному пространству выраженную мозаичность;
- необходимость использования огромного объема информации, которую несет в себе данный социальный объект, для разработки достаточно валидных выводов, предполагающих принятие управленческих решений по вмешательству в развитие ситуации;
- высокий уровень резистивности участников того или иного процесса или представителей какого-либо социального института [1; с. 324-325].

Среди широкого спектра приведенных проблемных (предметных) направлений ИТ выделяется общественное мнение, которое во многом влияет на характер и обуславливает социальную эффективность различных изменений в процессе развития тех или иных социальных модулей. В связи с этим в качестве предмета социотехнологических разработок очень часто выступает именно этот компонент общественного сознания. Такие технологии являются прерогативой коммуникационного средства социального управления, широко известного под названием Public Relations (PR).

Эта деятельность призвана обеспечить эффективное информационное взаимодействие между структурами некой организации, а также с ее внешними целевыми аудиториями. Высокий качественный уровень как внутренних, так и внешних связей достигается в данном случае посредством гармонизации «общения» между различными субъектами как внутри, так и вне системы. Термин «общение» понимается здесь предельно широко, ибо фиксирует весь спектр информационных взаимодействий человека в процессе обмена деятельностью. Очевидно, что «гармонии» взаимодействий можно достичь лишь на основе использования полной и объективной информации о состоянии и развитии всех элементов организационной системы. Поэтому основной задачей PR является сбор, анализ и инструментальное использование информации в целях оптимальной координации и субординации действий по согласованию разнонаправленных интересов людей.

Деятельность в этой социокоммуникационной области имеет свой специфический объект, в качестве которого выступает информация, отражающая динамику развития того или иного социального модуля и предмет – формы и феномены отражения этой информации в сознании людей, включенных в состав внешних и внутренних связей этого модуля. Последняя совокупность явлений как раз и оказывается в фокусе технологического воздействия. Указанная предметная область включает в себя также изучение взаимодействий различного уровня между субъектами и их последствий, а также реакций на происходящие изменения со стороны когорт, входящих в состав различных целевых когорт.

По сути, PR-технологии призваны обеспечить адекватность принимаемых управленческих решений и соответствующих действий ожиданиям и общей направленности мнения людей. Если общественное мнение диссонирует с объективной необходимостью

стью принятия того или иного решения, то в этом случае как раз и применяются информационно-технологические средства с целью достижения указанной корреляции.

Очевидно, что та или иная технологическая программа ориентирована на определенную аудиторию, чье ассоциированное мнение и отношение может существенно повлиять на результативность решения в сфере управления социальной системой. Задача данной технологии состоит в том, чтобы при необходимости перевести общую отношенческую ориентацию целевых аудиторий в приемлемую для всех субъектов организационного развития форму. Это, в конечном итоге, позволит получить позитивную общественную реакцию после реализации решения, а следовательно, обеспечить социальный эффект от внедрения инноваций [2; с. 188].

Закономерно, что столь сложные комплексные функции такая информационно-технологическая система сможет реализовать только в том случае, если будет отвечать определенным требованиям, некоторые из которых мы приводим ниже.

Ориентированность на управление – важнейший признак любой инфосоциальной технологии. Ее структура строится по принципу «информационного баланса», который предусматривает наличие двух комплексных информационных потоков: «сверху – вниз» и «снизу – вверх». По линии первого канала транслируются управленческие решения, которые доводятся до непосредственных исполнителей, а также до представителей некоторых целевых аудиторий. Необходимо подчеркнуть, что те или иные решения в сфере управления основаны на результатах анализа общих тенденций изменения внешнего социального пространства, а также тенденций развития социальных процессов в среде различных целевых аудиторий внутри объекта управления. По сути, файлы информации, формируемые по линии второго канала, являются необходимым условием и основой адекватных управленческих решений. При таком подходе система ориентируется на удовлетворение потребностей в информационном обеспечении не только всех уровней управления, включая оперативное, но и на информирование различных когорт общественности, формирование их мнения в отношении решаемых проблем.

Интеграция является необходимой характеристикой инфосоциальной технологии, которая, воздействуя на определенную сферу развития социума, одновременно выступает в качестве транслятора связей между его структурными составляющими. В противном случае может быть нарушена координация внутри этой структуры, что может привести к потере качественной определенности связей, а следовательно, и к утрате устойчивости объекта управления в целом.

Элемент долгосрочного планирования – один из важнейших принципов разработки ИТ, который предусматривает необходимость создания различных моделей функционирования и развития элементов данной технологической системы. Это является основой для формирования долгосрочных прогнозов и социального планирования развития объекта с учетом динамики изменения факторов внешней среды и собственного его состояния.

Указанные функции и требования, предъявляемые к их реализации, позволяют использовать рассматриваемую ИТ-систему для достижения следующих основных целей:

- изменение статуса субъекта в том или ином социальном образовании;
- локализация либо развитие какого-либо процесса в объекте;
- развитие, совершенствование некоего социума;
- разрушение социума, его деструкция;
- выраживание на основе старого социума принципиально нового и др.

Теперь необходимо, хотя бы кратко, остановиться на конкретных коммуникативных стратегиях, которые выступают в качестве инструментов технологизации информационной среды того или иного социального модуля, ибо именно они позволяют влиять на предпочтения целевых когорт, формируя нематериальные активы субъектов ИТ.

Коммуникативная стратегия имеет определенные цели, зависящие от множества причин, но в любом случае, они включают в себя все элементы, с которыми субъект (организация, компания, институт, группа лиц и др.) взаимодействует в социальном пространстве. Эта стратегия интегрирует и управляет всеми коммуникационными инструментами, направляя их на комплексное решение поставленных задач. Реализация этих стратегий напрямую влияет на формирование нематериальных активов субъекта, которые и составляют основу его статуса и форм презентации последнего (имидж, репутация, бренд, специфика деловых связей и др.) Они формируются и воспроизводятся посредством управления профильной социальной информацией, что достигается посредством следующих действий:

- оценкой восприятия целевых аудиторий, до которых предполагается доводить информацию о намерениях субъекта ИТ;
- определением основных каналов коммуникации, по которым предполагается доводить информацию до целевых аудиторий;
- структуризацией различных информационных сообщений, объединенных общей задачей эффективного позиционирования субъекта ИТ;
- оценкой ситуации средствами ее мониторинга, формированием декомпозиции основных событий, что можно использовать в качестве информационных поводов для донесения информации о целях субъекта ИТ и т.д.

Закономерно, что в результате этих информационно-аналитических и технологических действий появляется возможность разработки конкретных стратегий, направленных прежде всего на преодоление информационного шума, привлечение внимания аудиторий и, в конечном итоге, на формирование в сознании людей требуемых отношений топосов. Структуру этих стратегий составляют различные приемы и методы коммуникационного воздействия. Кратко напомним о наиболее распространенных из них.

«Говорящая голова». В качестве таковой используются эксперты или, что случается гораздо чаще, не очень просвещенные люди, возомнившие себя экспертами. Этим субъектам необходимо, чтобы их цитировали в прессе, чтобы их имена мелькали на газетных полосах. Преимуществом этого метода является то, что в подавляющем большинстве случаев можно без труда предсказать, какое мнение выскажет та или иная «голова», стремящаяся засветиться.

«Наш человек в толпе». Этот прием особенно эффективно используется в тележурналистике, но не только. От него можно ожидать достаточно высокий «спин-эффект». Действительно, когда в фокусе общественного внимания оказывается «один из многих в толпе», происходит трансформация личного, субъективного мнения в факт общественной жизни.

«Вокс попули». Прием искусственного «объективирования» пропаганды, скрываемой под личиной социального факта. Механизм прост: вместо того чтобы прямо высказать собственное мнение, оно маскируется под некий «общеизвестный» факт.

«Враг народа». Древнейший пропагандистский прием, который помогает замаскировать личную обличительную оценку под доминанту общественного мнения. Здесь используется старое «ноу-хау» Демосфена – риторическое «мы».

«Фальшивый заголовок» или «переключение стрелок». Здесь заголовок жестко привязан к содержанию лишь первого абзаца. Затем вполне возможен переход к другой теме. В результате такой подмены некоторые фрагменты информации удастся донести до реципиента.

Кроме этих широко применяемых приемов существует множество манипулятивных стратегий, призванных сформировать иллюзорную картину мира (чаще какого-либо его проявления) в сознании людей, фундамент которой основывается на многочисленных современных социальных мифах. Другими словами, информационный актор осуществляет некую симуляцию, направленную не на отрицание насущной нравственности, морали, права, а на утверждение автономности и абсолютности какой-либо идеи или цели. Причем последние преподносятся как первостепенные, а все иное (мораль, право и др.) призваны их обслуживать [1; с. 332].

В качестве пояснения приведем один классический пример. Еще в начале XVI в. Макиавелли отмечал, что при совершении выгодных, но неблагоприятных поступков правитель должен мимикрировать: «...нет необходимости обладать добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими...» [3; с. 95-96].

Такие и подобные им имитации, симулякры, переполняют современное информационное пространство, загоняя человека в лоно различных масс, превращая его в объект многочисленных манипуляционных практик. Но, указанные аспекты выходят за границы предметной сферы этой статьи и рассматриваться здесь не будут. Хотя, заинтересованный читатель может обратиться к многочисленным источникам, в которых раскрывается содержание указанных методов.

Резюмируя, еще раз подчеркнем то обстоятельство, что основная функция ИТ, как одного из основных продуктов информационно-аналитической деятельности, состоит в выявлении и использовании потенциалов социальной системы в целях ее оптимального функционирования на основе совокупности технологических средств, поддерживающих развитие социальности субъекта в рамках различных сфер и уровней ассоциированной деятельности.

Библиографический список

1. Курлов А.Б. Методология информационной аналитики. М.: Проспект, 2014. 384 с.
2. Курлов А.Б. Философия инновационной деятельности. М.: АТИСО, 2010. 294 с.
3. Макиавелли Н. Государь. СПб.: Кристалл, 2001. 656 с.

References

1. Kurlov AB Methodology of information analysts. M.: Prospekt, 2014. 384 p.
2. Kurlov AB The philosophy of innovation. M.: ATIS, 2010. 294 p.
3. Machiavelli N. Sovereign. SPb.: Crystal, 2001. 656 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811. ББК 810. А98.

*Московский государственный областной
университет,
аспирант кафедры английской филологии
Алексеев А.Б.
Россия, г. Москва, тел. 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Moscow Region State University
The department of English Philology
Post-graduate Student
Alexeyev A.B.
Russia, Moscow, 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МИФА В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: МИФ, ИДЕОЛОГИЯ, МАНИПУЛЯЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию политического мифа и его манипулятивного воздействия в пространстве американского политического дискурса. Объектом исследования является сконструированный демократами миф о том, что Россия имеет личный интерес в исходе президентских выборов, активно вмешивается в политический процесс, помогает Д. Трампу одержать победу. Установлено, что многие формулировки демократов об угрозе со стороны России, а также о якобы неоспоримой вине нашей страны в кибератаках носили расплывчатый, неопределенный характер.

Ключевые слова: миф, идеология, манипуляция, американский политический дискурс, Россия.

A.B. Alexeyev

THE MANIPULATIVE MYTH FUNCTION IN THE AMERICAN POLITICAL DISCOURSE: MYTH, IDEOLOGY, MANIPULATION

The article dwells on the political myth research and its manipulative influence within the framework of the American political discourse. The object of the research is the myth constructed by the democrats about the Russian interests involved in the results of the presidential elections and Russia's active intrusion in the political process on the behalf of D. Trump. It has been found out that many sayings of democrats about the Russian threat and the seemingly proven guilt of Russia were of vague and blurred character.

Key words: myth, ideology, manipulation, American political discourse, Russia.

Ученые [9; с. 33], [5; с. 205] считают, что политический дискурс характеризуется высокой степенью манипулятивного воздействия. В данной статье мы предлагаем рассмотреть феномен манипуляции в политическом дискурсе, исходя из гипотезы, что миф и идеология – это те области поля политики, которые обеспечивают эффективное протекание манипуляции, преломляют ее, интегрируют ее в более широкий дискурсивный контекст, т.е. языковая реализация манипуляции, по нашему мнению, так или иначе неразрывно связана с идеологией и мифом. Представители определенной идеологии, ве-

роятно, не только отдают предпочтение «своим» способам манипуляции и оформляют их соответствующим языковым образом, но и приспособливают их к реалиям собственной идеологии и мифам, функционирующим в ее пределах. Другими словами, языковое оформление манипуляции обладает, по всей видимости, идеологическим / мифологическим своеобразием. В таком понимании язык – это «материал» для манипуляции, а идеология и миф – это пространства для её успешной реализации.

Мифотворчество в контексте нашей работы – это способность (талант) политического деятеля создавать и/или воспроизводить, актуализировать уже существующие мифы, закладывая их в фундамент собственной идеологической позиции. Возникает вопрос: что считать мифом? Вопрос этот тем более важен, что необходимо разграничить понятия «миф» и «идеология», внести определенную упорядоченность в их «перманентную «оспариваемость» и «произвольность ... использования» [4; с. 17].

Главным элементом идеологии выступает идея; очевидно, что идея лежит и в основе мифа, а сами понятия «миф» и «идеология» тесно соприкасаются. Это находит выражение в таких процессах, как «мифологизация идеологии» и «идеологизация мифа» [11; с. 28]. В связи с этим ученые нередко спорят о том, возможно ли вообще провести четкую грань между двумя понятиями. Политолог Н.И. Шестов считает: «Можно. Но, в данном вопросе тоже многое будет зависеть от общего представления исследователя о том, что такое сущностное качество политического мифа, и какую роль он играет в реальной политике» [10].

Существует точка зрения, согласно которой, миф – это «упрощенная идеология» [4; с. 18]. Принимая это мнение, мы должны подчеркнуть фиктивную сторону мифа, – хотя бы потому, что, на наш взгляд, миф наделен манипулятивным влиянием на общество. Иначе говоря, миф – это не любая упрощенная идеология, а идеология, оперирующая лживыми, искаженными или, по меньшей мере, необоснованными утверждениями, это «стратегия политического доминирования элит, порождающая патологию массового политического сознания» [4; с. 19]. Однако абсолютизация данного представления ведет к такому отношению к действительности, которое соответствует собственным интересам и политическим убеждениям, но не отвечает объективности научного знания: как отмечает Н.И. Шестов, те ученые, кто обращают внимание на «ложность» мифа и «истинность» идеологии, рискуют быть предвзятыми, ибо, как правило, истинной является только собственная идеология, а все остальные – понижаются до статуса мифа [10].

Действительно, нам кажется, что даже в контексте изучения манипулятивной природы мифа было бы неправильно ограничиться лишь негативным видением данного феномена. Прежде всего, мы предполагаем, что миф не замыкается на фиктивной подмене реальности, но в его основе лежат элементы этой реальности – в большей или в меньшей степени. Любой миф пытается объяснить окружающий мир, события и явления, происходящие в нем. В отличие от сказки, он не может оперировать только фантастическими образами, так как он должен возвращаться к образу-первоисточнику – миру, событию, явлению – загадке, на которую он ищет ответ. Миф – это не только область вымышленного, ложного, но также и вполне реального и истинного, что, однако, не исключает первого положения, а просто дополняет его.

Политический миф «обосновывает и подтверждает на практике претензии политической группы на гегемонию», но он же может поощрять «политическое сопротивление меньшинства и аргументацию практических действий для отмены нежелательных учреждений» [4; с. 20]. Другими словами, миф, на наш взгляд, выполняет разные функции в обществе; его природа не просто двойственна, но она представляет собой конти-

нуум – от мира объективного к миру фантастическому. Рассматривать миф в «черно-белых» красках – это значит закрывать глаза на его двойственность, его функциональную неоднозначность и неопределенность; политический миф нельзя изъять из более широкого контекста идеологии и из дискурса, в который он «помещается». Более того, как считает Н.И. Шестов, миф также активно апеллирует к стереотипам, распространенным в том или ином обществе [11], что заслуживает отдельного рассмотрения.

Строго говоря, нелегко провести границу не только между мифом и идеологией, но и между мифологической и обыденной картинами мира, так как для этого человек должен стать независимым, непредвзятым наблюдателем [7; с. 87]. «Непредвзятая наблюдательность» – важный принцип научного познания, но мы осмелимся выразить сомнения в реальности его достижения в области социальных наук: уже сам выбор предмета и методов исследования является социально нагруженным, соответствует либо противоречит запросам властвующих элит. Объективность научного анализа оказывается трудно достижимым идеалом.

Именно поэтому в рамках критических дискурсивных исследований основным требованием является открытое признание ученым его идеологической позиции, направленной на развенчание нелегитимных дискурсивных практик. Осознавая невозможность (и недопустимость!) оставаться в стороне от влияний общества, его внутренней жизни и событий, происходящих в нем, представители критического дискурсивного анализа призывают исследователя открыто заявлять о своей политической и идеологической позициях, вставать на сторону угнетенных, нелегитимно ущемляемых и подавляемых слоев населения [3; с. 24], [12]. В частности Т. Ван Дейк утверждает, что тот дискурс-анализ плохой, который не вносит вклад в социальные изменения [12; с. 25].

Однако вернемся непосредственно к рассматриваемому вопросу. Политический миф, согласно точке зрения А.Л. Топоркова, несколько отличен от традиционного. Ученый отмечает, что героями политического мифа являются не боги и не герои в полном смысле слова, а реальные люди и исторические события настоящего или недавнего прошлого. Более того, политический миф, как правило, не наследуется из глубины веков, а создается политиком и группами людей, поддерживающих его. Третья особенность политического мифа – в его популяризации большую роль играют СМИ [8].

Актуальность изучения мифа в контексте политики заключается в том, что «политические платформы, по сути, представляют собой миф» [7; с. 86], – краеугольный камень политической теории французского социолога и философа П. Бурдьё. По мнению П. Бурдьё, миф (наряду с языком) – это важный элемент символического господства [2], а сам символизм – это неотъемлемая, «имманентная сторона» любого политического действия. Ученый утверждал: «Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности — чувство социального мира)...» [2]. Это достигается прежде всего за счет социального единения, которое невозможно без достижения согласия между сознаниями участников политического процесса. Последнее соотносится с современной концепцией коммуникации в широком смысле слова данного феномена как переплетения трех структур – дискурса, общества и когнитивных процессов людей, вовлеченных в социальную интеракцию [13].

Важной особенностью мифа как формы символической власти является подлинность, невымысленность реальности, конструируемой им (даже если в основу такой реальности заложено изначально ложное утверждение), что было отмечено еще антропологом Б. Малиновским [приводится по: 1; с. 41]. «Символизм политического, симво-

лизм власти – суть явления базового характера. Эти свойства не имеют, условно говоря, надстроечного по отношению к политическому универсуму свойства. Это не есть нечто такое, что можно «вынуть» из реальности без последствий разрушительного характера» [1; с. 56]

Таким образом, политический миф инкорпорирует не только магическое начало, но он же актуализирует рациональное начало, «умело используемое в речевой практике политиков» с целью создания «мифологем в соответствии с требованиями времени» [7; с. 87]. Политические мифологемы рождаются не только из «духа времени», но и из личной заинтересованности определенных политических движений, сложного сплетения факторов и обстоятельств, влияющих и опосредующих процесс борьбы за власть.

В рамках нашей работы мы намерены сделать акцент на следующих особенностях мифа: его идеологичности (миф включен в идеологию, является упрощенной составной частью последней), фиктивности или, по крайней мере, необоснованности, недостаточной степени аргументированности ряда положений, лежащих в основе мифа, политичности (миф – это способ удержания власти или борьбы за неё), двойственности (миф – это пересечение виртуального и реального, выдуманного и действительного, бессознательного и рационального). Особенно хотелось бы отметить потенциально манипулятивное воздействие политической мифологии, что и является собственно предметом нашего исследования. Под манипуляцией условимся понимать «вид психологического воздействия, направленного на побуждение адресата к совершению определённых манипулятором действий в результате скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, установок, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно» [6; с. 77]

Учёные описывают многие приёмы манипуляции [см.: 6], некоторые из которых будут представлены здесь. Однако напомним, что исходной теоретической предпосылкой для нашей работы является: миф как форма идеологии может служить манипулятивной функции. О том, что манипулятивная функция языка, возможно, является исторически первичной, пишет О.И. Иссерс: «Вероятно, с момента зарождения язык стал использоваться с целью воздействия и манипуляции. И наш древний предок, догадавшийся использовать в качестве орудия воздействия слово, а не дубину, был, без сомнения, одним из первых манипуляторов» [5; с. 71]. Как бы то ни было, мы считаем, что манипулятивная функция языка – важная составляющая функциональной нагрузки языка, и в рамках данной статьи предлагается посмотреть на феномен манипуляции в связи с мифологическими измерениями американской политики недавнего времени. Поскольку не представляется возможным рассмотреть все богатство мифов, функционировавших (и продолжающих функционировать) в пространстве рассматриваемого дискурса, ограничимся мифом о непосредственном участии России во внутренней жизни США, заинтересованности, проявленной президентом В. Путиным, в победе Д. Трампа.

Затрагивая такую сложную проблему, как взаимоотношения России и США, мы не будем утверждать, что обладаем всем объемом информации о том, была ли наша страна (и в каком масштабе) вовлечена в американскую президентскую кампанию. Одно мы можем сказать с определенной достоверностью: вне зависимости от той роли, которую играла Россия в кибератаках, демократы обвиняли Кремль и лично В. Путина в происходящем. Так в сущности и был создан миф, что Д. Трампу «помогают» из Москвы.

Стратегия дискредитации (необходимость понизить политического оппонента) легла в основу рассматриваемого мифа. Суть дискредитации заключалась в следую-

щем: избирателю навязывалось мнение, что человек, заручившийся поддержкой Кремля, имеющий «темные» отношения с Россией и с её лидером, не может быть президентом США. При этом создавался образ России как врага, апеллировавший к стереотипам холодной войны и питаемый риторикой устрашения, – подробно «разъяснялись» все возможные последствия избрания Д. Трампа президентом: от развала НАТО до начала Третьей Мировой войны. Российский президент предстал в речи демократов не просто беспринципным государственным деятелем, проводящим жесткую внешнеполитическую линию, но и «крестным отцом» экстремального национализма, идейным вождем наиболее реакционных политиков:

Just yesterday one of Britain's most prominent right-winger leaders, a man named Nigel Farage who stoked anti-immigrant sentiments to win the referendum to have Britain leave the European Union campaigned with Donald Trump in Mississippi. Farage has called for a bar on the children of legal immigrants from public schools and health services, has said women are and I quote, "worth less than men" and supports scraping laws that prevent employers from discriminating based on race – that who Donald Trump wants by his side when he is addressing an audience of American voters and the grand godfather of this global brand of extreme nationalism is Russian president Vladimir Putin. And, in fact, Farage regularly appears on Russian propaganda programs. Now he is standing on the same stage as the Republican nominee [https://www.youtube.com/watch?v=kHAIx9a_dfA].

Манипулятивный потенциал употребления имен «Найджел Фараж», «Владимир Путин», «Дональд Трамп» в одном контексте заключается в попытке оратора обрисовать враждебный круг людей, придерживающихся правых, ультрарадикальных взглядов. Оратор утверждает, что сказанное одним из «них» отражает воззрения «их всех», и если Н. Фараж хотя бы выступал на одном из митингов с Д. Трампом, то В. Путин попадает в одну «компанию» с «ними» как «их» предводитель, покровительствующий «им», по довольно странной логике. Рациональность такого положения, скорее лежит не в логике, а в апелляции к знаниям адресата (по формуле: «всем известно, что Россия – враг»). Но эти знания не есть нечто самоочевидное, как пытается это преподнести оратор: эти знания укоренены в идеологии оратора и конструируемом политическом мифе.

Неоднократно Х. Клинтон подчеркивала, что Д. Трамп лестно отзывался о российском президенте, хвалил его и в то же время унижал, обзывал американских политических деятелей, военных, что не только не патриотично, но и «страшно»:

He trash talked American generals... He praised Russia's strongman, President Vladimir Putin, even taking the astonishing step of suggesting that he prefers the Russian president to our American president. Now, that is not just unpatriotic and insulting to the people of our country as well as to our commander-in-chief, it is scary because it suggests that he'll let president Putin whatever he wants to do and then make excuses for him [https://www.theguardian.com/us-news/video/2016/sep/08/clinton-trump-putin-video].

При этом, как видно из приведенного отрывка речи, оратор делает не совсем логичный вывод: из того факта, что бизнесмен положительно говорил о В. Путине ещё не вытекает «вседозволенность», которую якобы Д. Трамп предоставит одному из своих «друзей» (*radical friends*, как скажет Х. Клинтон) [https://www.youtube.com/watch?v=kHAIx9a_dfA].

Значительно позднее во время третьих дебатов кандидаты на высший пост в Америке вступят в жесткий спор по поводу того, кого же все-таки можно считать марио-

неткой В. Путина – наверное, один из самых запоминающихся моментов всей президентской кампании 2015-2016 гг.:

TRUMP: ...Now we can talk about Putin. I don't know Putin. He said nice things about me. If we got along well, that would be good. If Russia and the United States got along well and went after ISIS, that would be good. He has no respect for her. He has no respect for our president. ... Look, Putin...

...

TRUMP: ... from everything I see, has no respect for this person.

CLINTON: Well, that's because he'd rather have a puppet as president of the United States.

TRUMP: No puppet. No puppet.

CLINTON: And it's pretty clear...

TRUMP: You're the puppet!

CLINTON: It's pretty clear you won't admit...

TRUMP: No, you're the puppet [3rd deb.]

По нашему мнению, частое использование имени «В. Путин», а также таких топонимов, как *Россия, Москва, Кремль*, уже само по себе служило манипулятивным целям демократов, а употреблялись они чрезвычайно часто. Например, во время первых президентских дебатов Россия (русские) упоминалась 13 раз, Иран – 11, Китай – 11, Ирак – 5, Мексика – 5, Япония – 5, Северная Корея – 5, Саудовская Аравия – 3, Южная Корея – 2, Ливия – 2, Афганистан – 1, Сирия – 1, Йемен – 1 и др. Мы можем констатировать, что в последующих дебатах, «вопрос о России» поднимался еще чаще, – в подавляющем большинстве случаев Х. Клинтон. Нами установлено, что имя «В. Путин» в ходе дебатов было более «востребовано», чем имя любого другого политика, за исключением Б. Обамы: за время трех дебатов оно прозвучало 29 раз! Для сравнения о Б. Клинтоне (нередко косвенно: *her husband, my husband, he*) говорили 17 раз, о сирийском президенте Б. Асаде – 15, о демократе и бывшем конкуренте Х. Клинтон в борьбе за номинацию Б. Сандерсе – 10.

Х. Клинтон постоянно подчеркивала угрозу, исходящую от России и от президента В. Путина лично:

But increasingly, we are seeing cyberattacks coming from states. Organs of states. The most recent and troubling of these has been Russia. There's no doubt now that Russia has used cyberattacks against all kinds of organizations in our country, and I am deeply concerned about this. I know Donald is very praise -- praiseworthy of Vladimir Putin. But Putin is playing a very tough, long game here. And one of the things he's done is to let loose cyber attackers to hack into government files, to hack into personal files, hack into the Democratic National Committee. And we recently have learned that this is one of their preferred methods of trying to wreak havoc and collect information [1st deb].

Обратим внимание на фразу “*we recently have learned*”, – «мы недавно узнали». Однако указания от кого, при каких обстоятельствах не следует. Между тем известно, что «расследование» роли России в выборах 2016г. было начато значительно позднее, – после поражения кандидата, выдвинутого демократической партией. Именно поэтому высказывание Д. Трампа о том, что Х. Клинтон не знает, кто стоит за кибератаками на США – Россия, Китай или «четырёхсотпудовый толстяк», – было не только самозащитой от упреков демократов и обвинений в «таинственных» отношениях с В. Путиным, но и, по всей видимости, правдой:

I don't think anybody knows it was Russia that broke into the DNC. She keeps saying 'Russia, Russia, Russia,' and maybe it was. It could be Russia but it could be China, could

also be lots of other people. It could be someone sitting on their bed that weighs 400 pounds [ibid.].

Х. Клинтон подчеркивала, что Д. Трамп не просто хвалил В. Путина, но «приглашал» его взламывать американские аккаунты! “...*I was so shocked when Donald publicly invited Putin to hack into Americans. That is, that is just unacceptable*”[ibid]. Слово «приглашал» предполагает наличие дружественных отношений между Д. Трампом и российским лидером, доказывает существование «договора» между ними. Таким образом, дружба этих двух политических деятелей преподносится в данном случае американскому избирателю в форме тонкого намека, инсинуации.

Но действительно ли Д. Трамп призывал Россию к хакерским действиям? В июле номинант от республиканской партии произнес фразу: *Russia, if you're listening, I hope you're able to find the 30,000 emails that are missing*[<https://www.rt.com/usa/360757-debates-dnc-hack-russia/>]. Если сопоставить эти слова с тем, как описывает ситуацию Х. Клинтон, то становится очевидным, что с помощью домысленных за избирателя конкретизаций (мои электронные письма = аккаунты всех американцев; найти=взломать; Россия = Путин) и опущенных для себя неудобных подробностей бывшая госсекретарь придает сказанному иное звучание. Намерение Д. Трампа было дискредитировать Х. Клинтон, в очередной раз донести до людей мысль о том, что она поставила под угрозу национальные интересы США. Признаем, что здесь Д. Трамп сам использовал «Россию» в своих манипулятивных целях: Россия имплицитно предстает как олицетворение той угрозы, а эксплицитно – как страна, которая может «помочь» в поиске утерянной информации. Х. Клинтон «зацепилась» за это, и превращает сказанное в публичное приглашение к хакерским действиям, данное В. Путину его «другом» Д. Трампом, а поскольку вряд ли кто помнил в сентябре изначальное высказывание бизнесмена, то была большая вероятность, что избиратель примет инсинуированную посылку на веру.

Демократы порой были вынуждены занимать «двойственную» позицию: с одной стороны, они не пытались скрывать свою неосведомленность об отношениях Д. Трампа с В. Путиным, а с другой – настаивали на якобы неопровержимо доказанной симпатии между ними, ссылаясь на «взаимные похвалы» т.е. пытались дискредитировать номинанта республиканской партии одновременно как непредсказуемого кандидата, так и пророссийского политика. Отсутствие фактического материала замещалось «бесспорно доказанными положениями», импликатурами, «всем хорошо известной» репутацией России как государства-хакера и Д. Трампа как кандидата, угодного Кремлю. “*There's no doubt now that Russia has used cyberattacks against all kinds of organizations in our country*”, – заявляла Х. Клинтон, но доказательств так и не следовало. Впрочем, во время последних, третьих дебатов Х. Клинтон сослалась на «данные» 17 (!) разведывательных агентств: *We have 17 — 17 intelligence agencies, civilian and military, who have all concluded that these espionage attacks, these cyberattacks, come from the highest levels of the Kremlin and they are designed to influence our election. I find that deeply disturbing.*

Что это были за агентства? Если эти агентства уже пришли к выводу о том, что высшие эшелоны власти в России направляют «шпионские» (возможно, имплицитная отсылка к прошлому В. Путина, его службе в КГБ) атаки на США, зачем понадобилось проводить расследование после выборов? Почему бы просто не опубликовать имеющуюся информацию о незаконном российском вмешательстве или даже через международные институты привлечь Москву к ответственности? По крайней мере, это бы было более убедительно, получило бы очередной международный резонанс.

Демократы, тем не менее, предпочитали часто довольствоваться всевозможными домыслами о России, В. Путине и Д. Трампе, эпатажном миллиардере, отказавшемся опубликовать свою налоговую декларацию. Вот эпизод во время вторых дебатов, где Х. Клинтон выдвигает многочисленные догадки, на счет возможных истинных причин, кроющихся за симпатией между В. Путиным и Д. Трампом:

Now, maybe because he has praised Putin, maybe because he says he agrees with a lot of what Putin wants to do, maybe because he wants to do business in Moscow, I don't know the reasons. But we deserve answers. And we should demand that Donald release all of his tax returns so that people can see what are the entanglements and the financial relationships that he has... .. with the Russians and other foreign power [2nd deb].

Узнать «подробности» о незаконном вмешательстве России в американскую демократию уходящая администрация президента Б. Обамы решилась лишь после выборов, состоявшихся 8 ноября. Б. Обама лично распорядился за 6 недель до истечения своих президентских полномочий провести расследование. Снова – вопрос: почему это не было сделано ранее? Президент пояснил:

My primary concern was making sure that the integrity of the election process was not in any way damaged, at a time when anything that was said by me or anybody in the White House would be immediately seen through a partisan lens... [https://www.youtube.com/watch?v=rP5lwjP4DFc]

Но соответствует ли такая формулировка фактам? Известно, что Б. Обама активно поддерживал Х. Клинтон, за что не раз получал нелестную характеристику со стороны Д. Трампа, заявившего *"I hear he's going to take a lot of time, during our time, when he's supposed to be looking at trade and the military and all of these things, and he's going to campaign for Crooked Hillary"* и пообещавшего, что он не будет стесняться в выражениях против президента, напомнив избирателям о Б. Клинтоне, а точнее словах, которые бизнесмен употреблял по отношению к этому политику и, конечно, – немаловажный факт, – мужу Хиллари: *"You know what? That's OK. That's OK. Because if he does that, we're allowed to say things about him that normally we wouldn't bring up. Remember when Bill started campaigning?"* [https://www.youtube.com/watch?v=2pl8FdV8Ha8].

Впрочем, завуалированные угрозы Д. Трампа не остановили президента от его веского слова (и мы говорим это без доли иронии, отдавая должное ораторскому искусству и популярности Б. Обамы) в поддержку кандидата от демократической партии. Вот непосредственно речь Б. Обамы, в которой оно открыто признает, что сделает все для того, чтобы Х. Клинтон была президентом: *I couldn't be prouder of the leader that we have nominated to take my place. So even though I ran my last campaign, I will work as hard as I can this fall to elect Hillary Clinton as the next president of America* [https://www.bloomberg.com/news/videos/2016-09-13/obama-attacks-trump-at-campaign-rally-for-clinton-video].

Американский лидер развенчивает «Дональда» за его связи с Россией и «любовь к Владимиру у Путину»:

And then you've got the Donald who just last week went on Russian state television to talk down our military and to curry favor with Vladimir Putin. He loves Vladimir Putin. He loves this guy... Think of about what's happened to the Republican Party, they used to be opposed to Russia and to authoritarianism, and fighting for freedom and fighting for democracy and now their nominee is out there praising a guy – saying he is a strong leader because he invades smaller countries, jails his opponents, controls the press and drives his economy into the long recession. Look, I'm actually being serious, think about this! [ibid.]

Б. Обама в деталях описывает авторитарное правление В. Путина и «обнищание» республиканской партии, партии А. Линкольна и Р. Рейгана. “*Can you imagine Ronald Reagan idolizing somebody like that?*” [ibid] – риторически вопрошает оратор. Кстати, эта «историческая» линия атак против республиканского номинанта, сводимая к тому, что он не слишком жесток по отношению к России и тем самым «выпадает» из общего контекста американской политики, проводилась и Х. Клинтон:

“*American presidents from Truman to Reagan, to Bush and Clinton to Obama have rejected the kind of approach Trump is taking on Russia and we should too*” [https://www.youtube.com/watch?v=kNAIX9a_dfA]

Но можно ли в таком случае верить в то, что Б. Обама был беспристрастным «арбитром» демократического процесса, боявшимся выяснить, кто всё же стоит за кибератаками на США? – спросим мы. По-видимому, нет. Как нам видится, такого вопроса вообще не стояло: американскому избирателю изначально (имплицитно) навязывалось мнение, что Россия виновна в утечке информации – «викиликс», а если Россия, то значит и Д. Трамп. Эта имплицитная посылка виновности России была перенесена и на последующее расследование, рассуждение об объективности которого выходит за рамки нашей работы.

Демократы не были заинтересованы в предоставлении американскому избирателю доказательств неоспоримой виновности России, потому что таковых у них и не имелось. Для того, чтобы обличить Кремль, достаточно было сослаться на «репутацию» В. Путина, а также на те стереотипы, которые, к сожалению, сохранились у многих американцев со времен холодной войны. Компания Х. Клинтон верила, что выставив своего противника в свете сомнительных отношений с Москвой, можно понизить его в глазах избирателя. «Доказательства» понадобились значительно позднее, по причинам, о которых мы можем только догадываться.

В заключение отметим: несомненно, рассмотренный нами миф был важной особенностью американского политического дискурса в преддверии президентских выборов, сконструировавший реальность, отвечающую интересам демократов – и в этом заключалось его сильное манипулятивное воздействие. Подчеркнем, что была и объективная сторона этого мифа: ведь кто-то же обнародовал викиликс! Конечно, наивно полагать: это были сторонники Х. Клинтон, а не её враги. Однако, по крайней мере, до проведенного расследования (а с ним не спешили!) демократы не имели достаточных оснований винить Россию, – делалось это в личных и корыстных интересах.

Библиографический список

1. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Отв. Ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 336 с.
2. Бурдьё П.О символической власти [Электронный ресурс] // П. Бурдьё http://e-dejavu.ru/p-2/Power_Bourdieu.html (дата обращения: 15.01.2017)
3. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Е.А. Кожемякина и др. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 2. С. 16-25.
5. Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996., Вып. 1. С. 71-74.

6. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
7. Рязанова С.В. Политическая мифология в России и мире // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 86-96.
8. Топорков Л.А. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 12.01.2017)
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
- 10 Шестов Н.И. Миф и политика [Электронный ресурс] // *Российское общество политологов* <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html> (дата обращения: 15.01.2017)
11. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
12. Fairclough N. *Language and power*. Longman Group, 1989. 259 p.
13. Van Dejk, T. *Discourse and Knowledge*, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sxsf-WJRKEM>

References

1. On the symbolic politics: miscellany of scientific works. / Russian Academy of Science. Ed. by Malinova O.J. issue 1: The construction of concepts about the past. Moscow, 2012. 336 p.
2. Bourdieu P. On the symbolic power. URL: http://ec-dejavu.ru/p-2/Power_Bourdieu.html
3. Van Dejk T.A. *Discourse and power: the representation of dominance in the language and communication*. Transl. from English by E.A. Kozhemyakyn, Moscow, Knizhny Dom "LIBRICOM", 2013 344 p.
4. Zavershinsky K.F. The political myth in the structure of the modern politics. *St. Petersburg University Herald*. 2015. № 2. P. 16-25.
5. Issers O.S. What politicians say to be liked by people. *State Omsk University Herald*. 1996., issue 1. P. 71-74.
6. Michaleva O.L. The political discourse. The specifics of the manipulative influence. Moscow, Knizhny Dom "LIBRICOM", 2009. 256 p.
7. Ryazanova S.V. The political mythology in Russia and in the world / *The social sciences and the modernit*. 2011. № 1. P. 86-96.
8. Toporkov L.A. Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics. URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>
9. Sheigal I.O. The semiotics of the political discourse. Doctorate dissertation. Volgograd, 2000. 433 p.
10. Shestov N.I. Myth and politics. The Russian society of political scientists. <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html>
11. Shestov N.I. The political myth before and now. Moscow, OLMA-PRESS, 2005. 414 p.
12. Fairclough N. *Language and power*. Longman Group, 1989. 259 p.
13. Van Dejk, T. *Discourse and Knowledge*, URL <https://www.youtube.com/watch?v=sxsf-WJRKEM>

УДК 811

Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске

студент магистратуры направления лингвистики (профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))

Давлетшина С.Р.

Россия, г. Магнитогорск, тел. +7982 3324425

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

masters student

Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

Davletshina S. R.

Russia, Magnitogorsk, +7982 3324425

e-mail – lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО МЕДИАТЕКСТА: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧУВСТВА

Создатели современного медиатекста выстраивают двусторонний диалог с аудиторией: апелляция к чувствам и обращение к интеллекту потребителя. В статье представлен анализ модели суггестивного воздействия в дискурсе современного медиатекста. Автор рассматривает способы такого воздействия, которые активизируют эмоциональную сферу человека.

Ключевые слова: эффективный медиатекст, способы воздействия, модель сенсорного воздействия, энергия текста.

S.R. Davletshina

THE CREATION OF EFFECTIVE MEDIA TEXTS: IMPACT ON THE SENSES

Creators of modern media to build two-way dialogue with your audience: appeal to the senses and appeal to the intelligence of the consumer. The article presents the analysis of the model of suggestive impact in the discourse of contemporary media text. The author considers the ways of such influence, which intensifies the emotional sphere of man.

Key words: effective media text, methods of influence, model of the sensory impact, the energy of the text.

Рынок требует от автора медиатекста максимального использования средств по привлечению внимания аудитории. Журналистика, реклама, связи с общественностью – это искусство приготовления информации, которое возможно лишь при наличии развитого технологического мышления медиаторца, способного текстовым действием ответить на вопрос «почему меня должны читать, смотреть, слушать» или «что побудит заинтересоваться предметом моего рассмотрения». Термин «технология» греческого происхождения («*techne*» – искусство, ремесло; «*logos*» – учение, понятие), по утверждению И. М. Дзялошинского, это совокупность приемов и способов деятельности, прошедших практическую и научную проверку, доведенных до совершенства и представленных в виде такого алгоритма, который может быть

множественно использован для решения сходных задач, достижения заданных результатов [2; с. 78]. Технологии обеспечивают наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей, задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте.

Эффективность техники измеряется ее возможностью влиять на когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты психики человека. Оптимальная реализация информационного продукта ориентирована на создание «вторичной информационной волны». Информация должна спровоцировать запоминание бренда, индивидуальную рефлексию потребителя, обсуждение в межличностной среде или конкретное действие: регулярный просмотр передачи, приобретение издания, товара.

Используемые в пространстве медиатекста технологии не создают свободу и не способствуют волеизъявлению читателя, слушателя, зрителя, интернет-пользователя, они отражают контролируемый мир и держат человеческий интеллект в заданных извне параметрах. В XXI в. информационные стратегии и технологии оформляются как новая область медийного диалога.

В массовой коммуникации информация представляет собой соединение рациональных, эмоциональных, психологических начал, и это, чаще всего, принуждающее средство аргументации какой-либо идеи. Иными словами, эффекты воздействия – элементарный результат любого информирования.

Человек задуман как существо, склонное к внушению – к некритическому восприятию и усвоению информации. По мнению ученых, на земном шаре всего 4 % людей – не внушаемые, и это, наверное, разумное распределение потенциальных возможностей Homo Sapiens. Представим себе: случилось какая-то катастрофа – землетрясение, наводнение и т.д., и именно наша способность подчиняться неаргументированному воздействию позволяет нам сплотиться вокруг вожака, твердо знающего, как спасти коллектив. СМИ используют суггестивные инстинкты. Технические основания медиатекста связаны со знаковым наполнением канала коммуникации. Наиболее энергетически интенсивными являются электронные СМИ, работающие с различными уровнями «захвата аудитории»: убеждение как воздействие в рациональных формах через предлагаемую информацию и подразумевающее сознательное согласие с ней; внушение как эмоционально-волевое неаргументированное воздействие через передачу и принятие некритически воспринимаемой информации; заражение как передача и бессознательное усвоение определённого психического состояния; идентификация как воздействие через демонстрацию конкретных и наглядных образцов мышления и поведения. Классификация обосновывает структурность и различные механизмы влияния: подражание преимущественно ориентировано на инстинкты человека, заражение – на эмоции, внушение – на волю и речевые функции, а убеждение – на интеллект в целом.

Указанные методы обозначают вектор воздействия на психику человека и включают в себя открытую и регулярно пополняемую группу определенных технологий. Приумножение энергии медиатекста за счёт данных ресурсов, как правило, срабатывает лишь в режиме повтора.

В современной журналистике возрастает роль приёма в обработке информации. Профессионально написанный текст изобилует технологиями привлечения внимания и воздействия на психику потребителя: правила создания заголовка, длина предложений, определённый лексический состав, искусный монтаж текста и др. Основная функция слова – суггесторная. В эпоху информационных войн в сфере целевых установок логосферы СМИ включена задача воздействия не только на сознание, но и на

бессознательное коммуниканта, в результате информационные потоки всё более кодируются и усложняются дополнительным технологическим инструментарием.

Один из основных законов конструирования медиапроизведения – «правило упрощения» – позволяет быть тексту прозрачным и адекватным потребностям среднестатистического потребителя, который, как правило, стремится избежать когнитивно - сложные ситуации. Данный тезис был обоснован известным ученым У. Липманом в 20-е г. прошлого века. Современная журналистика, согласно «правилу упрощения», декларирует жесткие содержательно-стилистические ограничения в создании произведения (длина слов, глубина высказывания и др.), которые бы соответствовали коэффициенту интеллекта ниже среднего (А. Моль). Практически беспроярванным вариантом в подобных условиях текстообразования становится медиатопика примитивного (биологического) человеческого фактора: деньги, тело, еда, комфорт и др. В эпоху рынка средства массовой информации стремятся к реализации в первую очередь диалоговых стратегий в общении с аудиторией, которые проявляют себя как в интерактивных формах коммуникации (ток-шоу, игры, конкурсы, проекты, горячие линии, прямые эфиры и т.д.), так и в использовании текстовых технологий, например вербальных: применение языка участия – использование лексики, позволяющей объединить коммуникатора и реципиента: «Ваша реклама», «Ваша газета», «Голос народа», «общее дело», в эпоху экономического кризиса – «надо всем затянуть пояс». Имитация диалога разворачивается в двух направлениях: апелляция к чувствам аудитории и обращение к разуму потребителя массмедиа. Менее распространена стратегия апелляции к интеллекту, сознанию человека. Тем не менее медиаобщение является не просто процессом обмена информацией, это акт её осознания, формирования новых интерпретаций, усвоения новых смыслов. В публичной коммуникации идет активный поиск неизведанного, которое рождается в диалоге со старым. Одни и те же события, явления и артефакты наполняют информационное пространство. Интертекстуальность и прецедентность, цитатное письмо демонстрируют доминирующую тенденцию массмедиа эпохи постмодерна: «Скупой заплатит дважды»; «Таланты по осени считают»; «Он улетел и не обещал вернуться» и убеждающие приемы, как правило, не бывают чистыми, их эффективность обусловлена синтезом с эмоциональной сферой восприятия человека. Яркий пример – распространенные в коммерческом и политическом PR лингвистические ловушки. Фразы конструируются таким образом, чтобы одна часть предполагала согласие, а вторая навязывала позицию: «если ты свободный человек – голосуй за партию...», «прими верное решение, голосуй за...», «заплати налоги и спи спокойно», «купи Coca-Cola... и выиграй машину». Данный приём замыкает сознание человека в ловушку, клетку.

Современный медиатекст – текст креолизированный, состоящий из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной коммуникации. В виду специфики восприятия современного потребителя вербальные ресурсы активно оснащаются разнообразными иконическими средствами. Аудитория предпочитает картинку слову и вербальной коммуникации доверяет значительно меньше, чем метакоммуникативным деталям. В сложившейся ситуации языковая личность автора медиатекста находится в постоянном творческом поиске, в атмосфере стимуляции вербальных открытий и откровений. Шаблоны и штампы, некогда выступающие обязательным строительным элементом новостных текстов, сегодня становятся нечитабельным материалом – неинтересным, непродаваемым. В результате уровень языкового потенциала

варьируется не только относительно формата СМИ (качественные и таблоидные), но и относительно канала коммуникации. Печать («из последних сил») остается полем реализации более или менее качественного продукта. Электронные СМИ, особенно телевидение, предпочитают разговорную, легкую и непринужденную канву медиаобщения. Язык – основа индивидуального и национального бытия, позиционирующая своеобразие физического, духовного и социального в человеке. Язык средств массовой информации – живая и динамичная субстанция, особенно чувствительная к новым идеологическим веяниям, духовным переменам и модным тенденциям в той или иной общественной структуре. Именно в языке СМИ, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, можно наблюдать обновление и модернизацию традиций, интерпретацию концептуальных моделей национального мировидения относительно конкретного историко-социального бытия общества. Логосфера современных средств массовой информации представляет собой не столько пространство естественного функционирования языка, сколько лабораторию апробирования многочисленных языковых технологий, за которой стоят корпоративные интересы и политические приоритеты. Современный медиадискурс использует язык в качестве инструмента политической и социальной коммуникации. Именно чувственная – сенсорная стратегия занимает больший объем информационного пространства, субъекты которого испытывают горячее стремление любыми способами войти в коммуникацию. Современный метатекст СМИ до предела насыщен фатикой – речью, рассчитанной на активное восприятие. Главным в процессе выстраивания диалога становится получение удовольствия от общения, а не информирование собеседника. Структурно-содержательные элементы жанра репортажа растекаются по общему тексту СМИ, заполняя собой другие жанры: от новости до очерка и эссе. «Эффект присутствия» перерастает в универсальный закон медиаповествования. Канву медиатекста образуют элементы драматизма, «поток сознания» – личные, непосредственные переживания, вербализированные от первого лица, в настоящем времени, с использованием прямой речи героев, монолога самого журналиста (например, стенд-ап как обязательный элемент телерепортажа, путевого очерка, журналистского расследования и т.д.). Эмоциональный технологический фактор объединяет многочисленные приёмы вербального и невербального привлечения внимания и воздействия на психику массового человека. Так, техники создания «эффекта присутствия» задействуют сенсорную энергию (цвет, звук, осязание, запах: «Снаряды неслись в темноту, будто распарывали над головой кусок натянутого холста», «запах крови», «запахло жареным»). Особенно ярко данный процесс с использованием метафор и метонимий протекает в рекламе: «Мой шелковый шоколад» (Dove); «Наслаждайся ощущением атласной кожи день за днем» (Гарньер); «Naturella. Почувствуй заботу природы»; «Вкус страсти сладкий и сочный» (Orbit); «Ambipur воздушный. Дышите свежим воздухом» и т.д. СМИ используют также фоновое воздействие или эмоциональную подстройку: мелькание кадров, создающее эффект документальности происходящего, звуковое оформление (музыка, увеличение звукового сигнала), громкие аплодисменты, смех, плач и др. Сенсорные энергемы вводят медиапотребителя в «транс и забытье», способны перемещать ощущения человека во времени и пространстве. Современный медиатекст базируется на ярком и экспрессивном стиле изложения материала. Многие исследователи констатируют демократизацию речевой культуры: разговорная речь в публичной сфере средств информации поднимается на ранее недоступные ей уровни [4; с. 30]. Гиперчувственность медиапроизведения провоцирует выбор эмотивной лексики,

способной вызвать соответствующую реакцию аудитории. Авторы тяготеют к фразам, «доступным бедным» (М. Зоценко). Известно, что система суггестивных – привлекающих внимания – знаков отличается доходчивостью, простотой и экспрессией. Низовая, разговорная лексика, жаргонизмы и арготизмы, популярные в СМИ (особенно в многочисленных ток-шоу и реалити-проектах), как нельзя лучше отвечают этим требованиям. Языковая эпатажность перерастает в модный тренд. Эмотивное содержание логосферы поддерживается также за счет системы образов, активно представленных в пространстве СМИ. Известно, что «масса думает образами» (З. Фрейд), следовательно, эффективный диалог возможен в системе образных координат. Сила образа заключена в его многогранности – способности передавать больше чем одну мысль, выстраивать порой параллельные коммуникативные связи с разным адресатом. Имплицитно отражая вкус автора, образ способен пробуждать внимание аудитории, вовлекать её в активное взаимодействие, вызывать некую ответную реакцию на образный стержень медиатекста: «Жизнь – дорога»; «Затишье перед бурей. Через Керченскую переправу нужно перевезти еще 23 тысячи машин»; «Мир спектакля и лицемерия» – о событиях в Европе и Украине. Эффективность такой имманентной для человека техники обусловлена механизмом «сцепки», когда актуализация одного из образов влечет за собой пробуждение других гештальтов, что позволяет представить и лучше понять проблему или ситуацию. В процессе кристаллизации ассоциативного ряда происходит перенос положительных или отрицательных эмоций с одного объекта на другой, появившейся коннотативно емкий образ не столько убеждает, сколько обольщает. Общий эмоциональный фон сближает адресата и адресанта, вырисовывает пространство активного диалога в режиме популярной среди технологов формулы: «Все хорошо, а поцеловать?». Использование образной системы в определенных корпоративных и политических целях порождает ложные параллели (по принципу: у собаки и кошки есть хвост, лапы, голова. Но это разные животные): «Зюганов – бесцветный евнух, чешущий пятки лужковым, абрамовичам...». Наиболее эффективным с точки зрения энергетического восполнения текстового пространства является художественный тип личности автора. Он обогащает медиатекст ярким ассоциативно-смысловым наполнением, многочисленными экспрессивно-оценочными коннотациями. Медиатекст начинает резонировать дополнительными мотивами и художественными рядами. Эмотивные доминанты произведения поддерживаются его эстетическими характеристиками и элитарным дарованием автора, позволяющим создавать особый психоэстетический фон медиатекста.

В эпоху рынка медиаобразы иногда перерастают в гаджеты – «ненужная, но укрощающая и радующая безделушка» – в обобщенное отражение реалий, в живое, наглядное представление лиц и событий, которые вряд ли являются полноценным информационным поводом, обогащающим картину мира аудитории: «Жена эстонского президента пустилась во все тяжкие»; «Дочь Ренаты Литвиновой все больше становится похожа на маму».

Практически все технологии современного медиатекста имеют игровое содержание. Вслед за Й. Хейзинга можно повторить, что медийная культура «возникает и разворачивается в игре, как игра». Автор, создающий и обогащающий технологиями медиатекст, – «Homoludens», «человек играющий». Игра, несмотря на наличие определенных правил и технологических алгоритмов, имманентно предполагает некую вседозволенность, она, по утверждению Й. Хейзинга, «есть свобода» [5; с. 20]. Эффективная технология суммирует жесткость отточенного приема и свободу креатива его ис-

пользования. Без последнего компонента техника выпадает из зоны активного интереса потребителя, тяготеющего к новизне и оригинальности. М. Бахтин писал: «игра – это мир-перевертыш, инобытие, где жизнь... разыгрывает... другую свободную (вольную) форму своего существования» [1; с. 263].

Эффективный медиатекст концентрирует и оживляет энергию эмоций в режиме, как минимум, двух процессов: текстообразования и текстовосприятия, которые соединяют энергии автора и читателя (слушателя, зрителя). Вступая в процесс интерпретации и дешифровки, потребитель заявляет себя как активный участник энергийного пространства медиапроизведения. М. М. Бахтин называл текст «плотью общения». «Событие жизни текста всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов», – писал исследователь [1; с. 311]. Текст, являясь информативной единицей «в действии», не существует вне сознания: создающего и воспринимающего, он характеризуется двунаправленностью: на автора и на читателя/ слушателя/ зрителя. Текст, как смыслопорождающий механизм, выступает в качестве посредника между коммуникантами, передавая информацию от одного сознания к другому. В указанном контексте воспринимающий субъект встраивается во взаимодействие и диалог с автором, он продолжает созидать, приумножая производительную силу эффективного текста. Медиатекст – субстанция сотворенная и творимая, его энергетический потенциал расслаивается и надстраивается во времени и пространстве. Культурные объекты существуют по тем же принципам, согласно которым протекают процессы в природе. На основании закона термодинамики энергия (порожденный эмоциональный фон) сохраняется, она не исчезает, а превращается из одной в другую.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1992. 368 с.
2. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
4. Ржанова С.А. Речевая культура как феномен массовой коммуникации «переходного периода». Саранск, 2006. 38 с.
5. Хейзинг Й. Homo Ludens (Человек играющий). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.
6. Язык средств массовой информации. М.: Академический проект, 2008. 760 с.

References

1. Bakhtin M.M. The aesthetic heritage and sovremennost. Saransk: Publisher Mordovia University, 1992. 368 p.
2. Dzyaloshinsky I.M. Communicative action: target, strategy, technology. M.: Higher School of Economics, 2012. 572 p.
3. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. M.: algorithm, 2000. 736 p.
4. Rzhanova S.A. Speech culture as a phenomenon of mass communication "transition period". Saransk. 2006. 38 p.
5. Huizinga J. Homo Ludens (Man the player). M.: Eksmo-Press, 2001. 352 p.
6. The language of the media. M.: Alma Mater, 2008. 760 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 808.2 – 3

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
доцент кафедры современного русского языка
и прикладной лингвистики
Мухина И.К.
Россия, г. Екатеринбург, тел. (343) 389-94-15
e-mail: golst@e1.ru*

*Ural Federal University named after First
President of Russia B.N. Yeltsin
The chair of modern Russian and applied
linguistics, associate professor
Mukhina I.K.
Russia, Yekaterinburg, (343) 389-94-15
e-mail: golst@e1.ru*

И.К. Мухина

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОППОЗИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ ГОРЯЧИЙ – ХОЛОДНЫЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340
"Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-
дискурсивный и лингвокультурологический аспекты").*

*The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006.
Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211
Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.*

В статье определены когнитивные признаки оппозитивных концептов *горячий – холодный*. Дифференциальными когнитивными признаками концептов являются в приядерной зоне – прототипично горячие или холодные объекты, интенсивность проявления признаков, эталонные предметы, внешние признаки которых служат индикаторами определения температуры объекта; в зоне ближайшей периферии – способы сделать объект горячим или холодным, прототипично горячие или холодные продукты питания и напитки, восприятие температуры помещения, обработка объектов путем воздействия определенной температуры, ощущение человеком высокой/низкой температуры собственного тела, воздействие на человека высокой/низкой температуры окружающей среды, каких-либо предметов и его последствия.

Ключевые слова: концептуализация, оппозитивные концепты, когнитивные признаки, отношения противоположности.

I.K. Mukhina

THE COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF COGNITIVE SIGNS OF APPOSITIVE CONCEPTS HOT – COLD

Article is devoted to detection of cognitive signs of appositive concepts *hot – cold*. Differential cognitive signs of concepts are in a priyaderny zone – prototypical hot or cold objects, intensity of manifestation of signs, reference objects which external signs serve as indicators of determination of temperature of an object; in a zone of the next periphery – methods to make an object hot or cold, prototypical hot or cold food and drinks, perception of temperature of the room, handling of objects by impact of a certain temperature, feeling by the person of high/low temperature of own body, impact per capita of the high/low ambient temperature, any objects and its consequence.

Key words: conceptualization, appositive concepts, cognitive signs, contrast relations.

Проблема изучения лексических классов, вступающих в отношения противоположности, находится в русле актуальных лингвистических исследований, в том числе и в корпусных [2], поскольку позволяет делать выводы о когнитивном процессе категоризации действительности и отображении в языковой картине мира оппозитивных отношений. Перспективно в этой связи изучение антонимии в идеографическом аспекте.

Общеизвестно, что русское национальное сознание характеризуется противоречивостью и склонностью к оппозитивному осмыслению действительности. Данное свойство мышления находит отражение в существовании оппозитивных концептов (*верх – низ, умный – дурак, большой – маленький* и др.), репрезентированных в том числе и парами с противоположной аксиологической направленностью. Оппозитивные концепты можно обнаружить в различных денотативно-идеографических сферах. В связи с этим интересным представляется проследить то, как элементы действительности подвергаются осмыслению в сопоставлении, и выявить, какие когнитивные признаки являются для данных концептов общими, а какие дифференцированными. Ментальная сущность оппозитивных концептов нами моделировалась по определенной модели, предложенной Л. Г. Бабенко [1]: в центре внимания были лексические репрезентации когнитивных признаков, связанные с приядерной зоной и зонами ближайшей и дальнейшей периферии данного концепта, представленными в совокупности когнитивными признаками, отображающими существенные аспекты конкретизации именуемого концептом явления. Рассмотрим общие и дифференциальные когнитивные признаки концептов *горячий – холодный*, относящихся к денотативно-идеографической сфере *восприятие*.

Ядро концептов – основные понятийные признаки, выражающие самые существенные представления о концепте, зеркально соотносятся, различаясь температурными показателями: «имеющий высокую/низкую температуру; подвергшийся нагреванию/охлаждению».

Приядерная зона концептов, которая формируется когнитивными признаками, отражающими представления о различных существенных для понимания концепта аспектах его конкретизации, содержит как общие, так и дифференциальные для концептов *горячий – холодный* когнитивные признаки. В пересекающуюся часть концептов входят следующие составляющие: «объекты реальной действительности, вещества и явления неживой природы могут быть горячими или холодными в зависимости от определенных условий, при которых холодный объект может стать горячим (*нагреть, разогреть*) и наоборот (*охлаждать/охладить*), объект может быть также только горячими (*огонь, лава, кипяток*) или только холодными (*лед, снег*). Существуют объекты, которые в норме должны быть горячими/холодными (*суп, жаркое – холодное течение* и др.), объекты, которые могут приобретать или утрачивать это качество в зависимости от их функционального предназначения (*кипятильник, утюг* и др.)».

Дифференциальные признаки концептов, входящие в приядерную зону, связаны со следующими лексическими репрезентациями:

1. *представлениями о прототипично горячих/холодных объектах*: «типично горячими являются *кипяток, огонь, уголь, пар, гейзер, вулкан, лава* (*горячий как огонь (лава, пар)*), горячие напитки (*чай, кофе*)». «типично холодными являются *лед* (ср.: *холодный как сосулька, как айсберг; ледяная как снегурка*), тело умершего человека (ср.: *холодный как труп, как мертвец, как ноги у покойника*), некоторые земноводные животные (*холодный как лягушка*). Холодными могут быть продукты питания и напитки, которые ранее были горячими и остыли (*холодный кофе*) или употребляются в пищу холодными (*шампанское, холодный чай* и др.)». Как видно, эталонами для сравнения при характеристике температуры объекта выступают природные объекты, тело человека, животные, продукты питания и напитки. Общие эталонные объекты – природные объекты, а также продукты питания и напитки. «Данная характеристика связана также с климатом и погодой, характеризующимися очень высокой/низкой температурой воздуха (*жара –*

температура обычно выше нуля градусов по Цельсию)». Дифференциальным признаком является то, что эталонных представлений о холодном больше, они ассоциируются с телом умершего человека, а также с животными;

2. *интенсивностью проявления признаков*. Это общий когнитивный признак для концептов *горячий – холодный*: «интенсивность проявления признака может быть разной: объект может иметь высокую/низкую или относительно высокую/низкую (обычно ниже нуля градусов по Цельсию) температуру, которая ассоциируется с температурой значительно выше/ниже температуры тела человека (*горячий – холодный*) или близка к температуре кипения воды (*кипяток*), или выше/ниже обычной, нормальной температуры подобных объектов, как правило, холодных (*теплое море, теплый ветер – прохладный*), а также умеренно высокой, соотносящейся с температурой тела человека (*теплый*)»;

3. способами определения температуры объекта, которые являются общими для данных концептов: «температуру объекта обычно можно определить, используя органы осязания: тактильно, на ощупь, руками, а также подошвами ног (*горячий песок – холодная земля, холод пола*), органами осязания в ротовой полости (*горячее молоко – ледяной квас*) и всей кожей (*горячий ветер – холодный ветер, воздух, дождь*) при непосредственном контакте, а также органами обоняния и по внешним признакам предмета».

Концепты различаются по эталонным предметам, внешние признаки которых служат индикаторами определения температуры: для горячих объектов – это «наличие горячего пара, идущего от предмета и изменение внешнего вида раскаленного докрасна, обугленного, расплавленного предмета»; для холодных объектов – это «превращение в лед жидких веществ (*заледенеть*), *иней, изморозь* на ветвях деревьев, проводах, траве».

4. в концепт *горячий* входит такой когнитивный признак, как количество тепла, выделяемого различными объектами: «количество тепла, выделяемого различными объектами, может быть разным. Очень горячий объект (*солнце, огонь, очаг* и др.) выделяет сильное тепло, поэтому около него или от него жарко (*При солнце тепло, а при матери добро*). От солнца нагреваются воздух, ветер, камни, песок, скалы, асфальт, мостовые, металлические поверхности (крыша, карниз, броня и т.п.) (*От жару и вода кипит; От жару и камень треснет; От огня и вода ключом бьет*)».

Ближайшая периферия концептов формируется сопряженными с другими ментальными сущностями когнитивными признаками, несущими информацию о реальных связях, существующих в действительности. Ближайшая периферия концептов *горячий – холодный* включает следующие общие когнитивные признаки:

1. приборы для измерения температуры: «для измерения объективной температуры чего-либо используют специальный прибор – термометр»;

2. субъективность определения температурных показателей объекта: «оценка температуры чего-либо как низкой или высокой, ощущения от воздействия высокой температуры воздуха достаточно субъективны. Существует представление об условной температурной норме, достижение которой необходимо для реализации определенных практических целей (*согреть, подогреть, разогреть, нагреть, вскипятить – заморозить, остудить*)»;

3. изменение температуры объекта: «температуру неживого объекта можно изменять (*накалывать – холодить, остудить*). Нагревание/остывание объекта может происходить за счет внутреннего тепла самих природных объектов (*горячий источник, пепел, лава, костер, пламя, зола – холодный источник, ледник, вечная мерзлота*)».

Различие в когнитивных признаках концептов связано с тем, что «нагревание объекта может осуществляться с помощью нагревательных приборов (*утюг, щипцы*)», а «источником низкой температуры может быть искусственный холод в *холодильнике* и других холодильных установках (*морозилке, рефрижераторе*), поддерживающих низ-

кую температуру и применяемых обычно для хранения пищи, а также объектов, требующих хранения в прохладном месте».

Итак, общими способами изменения температуры объектов является использование воды и контакт с источником тепла или холодным объектом.

Дифференциальными когнитивными признаками, входящими в ближайшую периферию концептов *горячий – холодный*, являются следующие:

1. способы сделать объект горячим или холодным:

- использование различных предметов: «объект можно сделать горячим/холодным, горячее/холоднее в результате использования имеющей высокую/низкую температуру воды, осуществления в течение некоторого времени контакта с источником тепла (*греть*) – с холодным объектом (*приложить холод*)». При этом горячим/холодным объект можно сделать и другими способами: «в результате нагревания на огне; источником высокой температуры также может быть также искусственное тепло, идущее из *камина, печки, батареи, обогревателя*. Для того чтобы температура горячего объекта понизилась до комнатной или до температуры тела, он стал менее горячим или теплым, стал холоднее, его помещают на некоторое время в холодное место или в среду, имеющую более низкую температуру, чем объект (*остудить*)». «Холодным объект становится от вентиляции, воздействия разницы температур между объектом и низкой температурой воздуха окружающей среды»;

- специальные приспособления, одежда, материалы: существуют предметы одежды и обуви, сохраняющие тепло, предохраняющие человека от воздействия холода. С одной стороны, широко применяются специальные утеплители – материалы, предназначенные для защиты предметов, различных устройств, помещений от нежелательного охлаждения; с другой стороны, существуют теплоизолирующие материалы, предназначенные для защиты различных устройств, помещений от нежелательного теплового обмена с окружающей средой. Специальные приспособления связаны с концептом *горячий*: «для того чтобы сделать объект горячим, существуют специальные согревающие приспособления (*термоодеяло, грелка* и др.)», а также имеются «приспособления, для захватывания горячих предметов (*прихватка, ухват*)»;

- самопроизвольность процессов нагревания/охлаждения: объект может нагреться / стать холодным, холоднее в результате самопроизвольного процесса, протекание которого не связано с целями человека и не контролируется им (*остыть, выстудиться, подмерзнуть, холодеть*). «Подвергаясь действию сильного холода, вода превращается в лед (*сковать льдом, заледенить*), земля, почва становится твердой как камень. От воздействия холода объект (овощи, фрукты, другие продукты питания) может стать испорченным, поврежденным и в результате этого непригодный для употребления в пищу (*мороженый, подмороженный, мерзлый*)»;

2. прототипически горячие/холодные продукты питания и напитки:

с одной стороны, «большинство продуктов питания, кушаний и напитков предполагают тепловую обработку (*с пылу, с жару; В Москве калачи, как огонь, горячи; Всяк подъячий любит калач горячий*) или разогревание перед употреблением». С другой стороны, «имеются продукты питания и кушанья, которые не предполагают тепловой обработки при приготовлении (*холодные закуски, холодец*) или разогревание перед употреблением в пищу (*холодный цыпленок*). Существуют специальные способы приготовления пищи впрок, предполагающие обработку объектов, способных стать пищей, с использованием низкой температуры (*замороженный, холодное копчение*). Остывшую, холодную пищу перед употреблением разогревают, а замороженные продукты – размораживают»;

3. восприятие температуры какого-либо помещения:

оцениваться может температура воздуха в помещении. При этом «характеризующееся высокой температурой воздуха помещение обычно предполагает наличие в нем отопления, также такое помещение построено с использованием специальных материа-

лов, хорошо сохраняющих тепло, и поэтому может использоваться в зимнее время». «Холодной может быть температура в помещении, если в нем отсутствует или не работает отопление, также такое помещение может быть построено без использования специальных материалов, хорошо сохраняющих тепло, в связи с этим это помещение нельзя использовать зимой»;

4. обработка объектов путем воздействия определенной температуры:

как было указано выше, воздействию высокой/низкой температуры могут подвергаться продукты питания. Кроме того, «некоторые объекты подвергаются действию горячего пара, кипятка для очистки, *распаривания* и т.п. С целью придания объекту большей прочности, уничтожения микроорганизмов и т.п. при подготовке его к использованию человек может провести тепловую обработку объекта (*стерилизацию*), обработать объект огнем или высокой температурой в специальном устройстве (*автоклаве*)»;

5. ощущение человеком высокой/низкой температуры собственного тела:

«существует нормальная температура тела человека (36,6° по Цельсию), при болезни может происходить повышение температуры тела. Температура тела человека может быть значительно выше нормы в результате болезненного состояния (*гореть, пылать*)». «Ощущение холода у человека может возникать изнутри из-за болезненного состояния (при лихорадке). Тело человека (или его часть) может стать холодным под воздействием негативных эмоций (*похолодеть от страха*), вследствие серьезных физиологических нарушений, которые имеют необратимые последствия и проявляются обычно как признак близкой смерти или после смерти человека (*холодеть*)»;

6. воздействие на человека высокой/низкой температуры окружающей среды, каких-либо предметов и его последствия:

при прикосновении к горячему/холодному предмету человек ощущает резкий контраст температур. Воздействие как высокой, так и низкой температуры на организм человека может иметь различные последствия.

В концепт *горячий* входят следующие когнитивные признаки: «при прикосновении к горячему предмету человек испытывает болезненное ощущение жжения (*Кому не горячо, тому и не болячо*). Горячий предмет может обжечь человека или животное, когда они ненамеренно или не зная, что объект горячий, прикасаются к нему. На месте контакта горячего предмета с телом живого существа могут возникнуть *ожоги* различной степени тяжести. Человек может сам воздействовать на часть тела живого существа горячим предметом, вызывая боль.

Под воздействием окружающей среды, прежде всего горячего воздуха тело человека (или его часть) может стать очень горячим, человеку становится жарко или он ощущает на коже жар (*разгоряченный*), часто поверхность тела покрывается потом. Такие ощущения также могут быть вызваны различными эмоциональными состояниями человека (например, возникать при волнении и т.п.); могут быть вызваны ношением излишне теплой одежды и обуви, возникать в результате интенсивного трения, контакта с ледяным веществом или предметом, быть следствием двигательной активности.

Из-за длительного воздействия на организм живого существа солнечных лучей или длительного пребывания в жарком месте температура поверхности тела человека или самого тела становится выше нормы, что приводит к ухудшению состояния человека (*мозги плавятся*), при этом он может не чувствовать температурного дискомфорта (*перегреться на солнце*) и получить *тепловой удар*».

В концепт *холодный* входят следующие когнитивные признаки: «при контакте с телом или частью тела человека (лбом, щеками, лицом), которому жарко, холодное вещество (воздух, вода, купание) вызывает приятное ощущение прохлады. При воздействии холодной температуры воздуха холодно обычно бывает всему телу человека или его конечностям. Очень холодный ветер, ледяная вода при контакте с частью тела че-

ловека вызывает, как правило, ощущение жжения, обычно не очень сильное. В действии холодной воды на тело человека наблюдается несколько стадий: озноб, когда кожа бледнеет и становится прохладной, потом сосуды расширяются, появляется ощущение тепла, кожа розовеет, впоследствии кожа приобретает синеватый оттенок. Если контакт человека и очень холодного объекта длительный, под действием сильного холода тело быстро немеет и теряет чувствительность, или, наоборот, человек привыкает к холоду и перестает его ощущать так остро, как вначале.

Воздействие низкой температуры воздуха обычно не представляет непосредственной опасности для жизни человека, если он тепло одет или находится в теплом помещении, но человек обычно плохо переносит очень низкую температуру воздуха, когда ему мучительно холодно (*стужа*). Холодная погода (с температурой воздуха как выше, так и ниже нуля), низкая или относительно низкая температура воздуха на улице или в помещении вызывают неприятные физические ощущения (как правило, мерзнут лицо, руки, ноги), что может привести к *переохлаждению* организма и стать причиной простудных заболеваний, ухудшению общего состояния организма (*замерзать*) или состояния отдельных частей тела (*отморозить*), стать причиной *обморожений* или смертельного исхода. Симптомами *переохлаждения* являются легкая дрожь (*озябнуть*), потеря подвижности и частичная утрата чувствительности частей тела, изменение цвета кожи (*окоченеть*, *закоченеть*). Температурные ощущения могут быть как поверхностными (на поверхности тела или части тела), возникающими снаружи, вследствие контакта тела с окружающей средой (*продрогнуть*), так и внутренними, рождающимися изнутри (*холодеть*). Существует представление о том, что особенно негативные последствия для здоровья человека может вызвать чрезмерное охлаждение ног (*Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!*)».

Как низкая, так и высокая температура воздуха, воды и т.п. может нанести человеку ущерб, вплоть до смертельного исхода.

Лексические репрезентации в **зоне ассоциативно-образного совмещения фактов, событий, явлений действительности**, связаны с субъективным восприятием действительности.

Концепты *горячий – холодный* ассоциативно связаны с различными образными смыслами.

Концепт *горячий*: «когда человек становится красным, горячим (от болезненного состояния, сильного возбуждения, волнения), это ассоциируется с процессом, когда что-то горит ярким пламенем (*пылать*); а когда горячим становится какой-либо предмет – с началом горения чего-либо (*разгораться*). Место или помещение, где очень жарко, уподобляются специальной постройке или помещению, где моются и парятся (*баня, парилка*)».

Концепт *холодный*: «когда человек мерзнет, застывает от холода, это ассоциируется с состоянием потери тепла (*остывать*), утраты подвижности (*закостенеть, оцепенеть*), с превращением чего-либо в лед (*заледенеть*). Ощущения холода, дрожи, озноба связываются в сознании с процессом перемещения в пространстве (*прошел озноб*), колебательным движением чего-либо (*затрясти*). Место, где очень холодно, уподобляется специальному устройству для охлаждения чего-либо или для хранения скоропортящихся продуктов (*холодильник*)».

Зона национально-культурных представлений и ассоциаций концептов *горячий – холодный* развита незначительно. Национально-культурные представления, входящие в концепт «Горячий»: «высокая температура воздуха, жар для русских связаны с русской печью (*Когда в печи жарко, тогда и варко*) и баней (*Дымно да тепло*)». Самое долгое и холодное время года в России – *зима*».

Национально-культурные представления, входящие в концепт *холодный*: «большую территорию России составляет русский Север, значительная часть которого находится в зоне *вечной мерзлоты*».

Дальнейшая периферия ментальной сущности концептов *горячий – холодный* состоит из когнитивных признаков, выражающих представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах и репрезентированных во фразеологических единицах и паремиях.

При этом оценке подвергаются следующие признаки:

1. ощущение тепла/холода: «ощущение тепла связывается в пословицах с ощущением сытости (*Хлеб греет, не шуба; Сытый по голодном, а теплый по холодном не плачут*), а холода – с ощущениями, которые испытывает голодный (*Кто голоден, тот и холоден; Где холодно, тут и голодно; Стужа да нужда – нет их хуже; холод да голод – не легче того*) или терпящий нужду человек (*И холодно, и голодно, и мошна пуста; И холодовал, и голодовал, и нужду знавал; Нужда и голод погонят на холод*). При этом указывается, что сытые и богатые обычно едят горячую пищу, а голодные и бедные – холодную (*Горячее едят подъячие, голодные едят холодное*). Это общие признаки анализируемых концептов. При этом «голодному человеку труднее переносить холод (*Холод не терпит голоду*), он не может в полной мере осуществлять свою деятельность (*Холоден, голоден – царю не слуга*)»;

2. воздействие высокой/низкой температуры:

положительно оцениваются:

- «**умеренно высокая температура** (*теплый*), так как соприкосновение с таким объектом или нахождение в таких условиях обычно приятно человеку»;

- «**умеренно низкая температура** объекта (*прохладный*), погода, характеризующаяся умеренным холодом, свежестью (*прохлада, свежесть, морозный день*), особенно по контрасту с утомительной жарой, в меру низкая или более низкая температура воздуха в каком-либо месте, промежутке времени (*холодок, свежо*), холодные поверхности или прохладный объект, температура которых ниже температуры тела человека, но не составляет с ней резкого контраста, поэтому соприкосновение с ними вызывает приятные ощущения, особенно если человеку жарко, охлаждающий до приятного состояния ветер (*свежий ветер*), специально охлажденные пищевые продукты и кушанья или прохладительные напитки (*прохладный морс, холодное пиво*), приятно охлаждающая ткань (*прохладный шелк*)».

При этом «более низкая температура воздуха может оцениваться как приятная, вызывает приятные ощущения, особенно по контрасту с утомительной жарой. В отдельных случаях *мороз*, несмотря на труднопереносимость, может быть связан с представлениями о приятных ощущениях (например, с ощущением бодрости), особенно, если понижение температуры, время пребывания на холоде и другие условия контролируется человеком или если ему жарко. Закаливающие процедуры, дающие чувство свежести, особой легкости в теле и вызывающие хорошее настроение, оцениваются положительно».

Отрицательно оцениваются следующие явления.

- «воздействие **высокой температуры воздуха**, окружающей среды, горячего предмета вызывает у человека чаще неприятные, болезненные ощущения. При этом поверхностные ощущения различаются по силе (*горячо, гореть, пылать, жечь, обжигать*)»;

- «как правило, **низкая температура воздуха**, характерная для зимы или поздней осени, весной и летом воспринимается как отклонение от нормы. Признак низкой температуры может восприниматься как негативный, нежелательный, досадный, неблагоприятный для жизни;

- «чрезмерное охлаждение всегда оценивается отрицательно, также как и неприятные, болезненные ощущения, когда мучительно холодно (*стужа*), особенно при сильном ветре. Обильный снежный покров (*заснеженный*) зимой может препятствовать движению человека и транспорта и восприниматься как неблагоприятное природ-

ное явление, но может и поэтизироваться (чаще в речи о горах или больших и удаленных от человека пространствах)»;

3. степень проявления температурного признака:

отрицательную прагматическую оценку получают:

- «малая степень проявления температурного признака объекта, который в норме должен быть горячим или теплым (*остыть*), обычно при этом речь идет о пищевых продуктах, кушаньях, напитках, отопительных приспособлениях, нагревательных приборах: *суп уже остыл, утюг еле теплый*»;

- «не защищающая от холода холодная одежда, недостаточно нагретые или уже остывшие отопительные приспособления и нагревательные приборы (*холодная печка*), пищевые продукты, кушанья, напитки (*холодный кофе*)».

Таким образом, дифференциальными когнитивными признаками концептов *горячий* – *холодный* являются в приядерной зоне – прототипично горячие или холодные объекты, интенсивность проявления признаков, эталонные предметы, внешние признаки которых служат индикаторами определения температуры объекта; в зоне ближайшей периферии – способы сделать объект горячим или холодным, прототипически горячие или холодные продукты питания и напитки, восприятие температуры помещения, обработка объектов путем воздействия определенной температуры, ощущение человеком высокой/низкой температуры собственного тела, воздействие на человека высокой/низкой температуры окружающей среды, каких-либо предметов и его последствия.

Сопоставительный количественный анализ когнитивных признаков концептов *горячий* – *холодный* и их лексических репрезентаций, выявил, что в концепте *горячий* по сравнению с концептом *холодный* наиболее развита приядерная зона, в концепте *холодный* превалируют зона ближайшей периферии и зона ассоциативно-образного совмещения фактов, событий и явлений. У концепта *холодный* по сравнению с концептом *горячий* широко развита зона парамиологии: соответственно 31 и 24 паремий, связанных с семантикой данных температурных признаков. Соотносимыми по объему когнитивных признаков и лексических репрезентаций являются ядерная и приядерная зона, а также зона образных и культурологических ассоциаций концептов.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 3 – 20.
2. Jones Steven. Antonymy. A corpus-based perspective. London and New York, 2002. 193 p.

References

1. Babenko L. G. Preface // Kontseptosfera of Russian: key concepts and their representations (on material of lexicon, phraseology and a paremiologiya): the prospectus of the dictionary / under the general edition of professor L. G. Babenko. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural university, 2010. Page 3 – 20.
2. Jones Steven. Antonymy. A corpus-based perspective. London and New York, 2002. 193 p.

Правила оформления статей в Научном вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуется не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренный» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под

которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николоюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для

русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долгодневный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстурными семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии

стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И таит первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельственный компонент *на сердце* в конструкции *таит первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *таит*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира,

на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрстая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск № 1(24), 2017 г.

Научный журнал

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Подписано в печать 13.03.2017. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет __.__.2017. Цена свободная.

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84